

ЛИРИКИ ВОСТОКА

ЛИРИКИ
ВОСТОКА

*Лупину
Восточка*

*Из арабской
нозы*

*Из персидской
нозы*

*Из индийской
нозы*

ЛИРИКИ
ВОСТОКА

Москва
Издательство Прасга
1986

Переводы

Составление и вступительная статья
Михаила Курганцева

Л 62 **Лирики Востока: Переводы / Сост. и вступ. ст.**
М. А. Курганцева.— М.: Правда, 1986.— 480 с.

В настоящем сборнике представлены произведения выдающихся арабских, персидских и индийских поэтов. Лирики Востока провозглашали право человека на счастье, на свободу от принуждения, на справедливое устройство жизни. Раскрывая внутренние переживания своих героев, поэты, каждый по-своему, отображали неповторимость и красоту земного бытия.

Л $\frac{4703000000 - 1203}{080(02) - 86}$ 1203 — 86

84 (0)

ЛИРИКИ ВОСТОКА

1

Древняя формула «Ex Oriente lux» — «С Востока свет» — в наши дни наполняется новым содержанием. И хотя современная культура черпает свет из источников самого различного происхождения, мы не вправе забывать, как много правдивого и доброго обрело человечество благодаря «свету с Востока» — именно свету, а не пресловутому «ветру». И совсем не случайно духовное наследие Востока, ныне переживающего пору крутых перемен, заново привлекает пристальное внимание, вызывает живой и острый интерес.

Среди стереотипов традиционного сознания, размываемых в XX столетии, мы находим и обветшалое представление о «восточном человеке» как о неподвижном, пассивном созерцателе, который якобы лишен отчетливо выраженного личностного начала, неизменно покорен всецелому року и не стремится изменить самого себя и окружающую жизнь.

Подобное представление не только выглядит безнадежно устарелым в наши дни, но было поверхностным и весьма далеким от истины с самого начала. Классическая литература Востока — и прежде всего поэзия — за многие столетия своего существования воплотила в художественной форме черты гармоничной и активной человеческой личности. И это не был идеальный, но недостижимый образец — упрек реально существующим людям. Нет, сама жизнь восточных народов вопреки всевозможным историческим препятствиям порождала тип человека, устремленного к действительному, творческому самораскрытию.

Именно таковы прославленные персонажи эпосов и драм Востока: арабы — самозабвенный в любви Маджнун и одержимый жаждой нового Синдбад-Мореход; иранцы — воитель Рустем и создатель Фархад; индийцы — одолевающий любые преграды Рама и самоотверженная Шакунтала, многие, многие другие герои и героини. Они не плывут бездумно по течению жизни, а сами ее творят, вступают в поединки с неведомыми силами, одерживают в неравной борьбе самые в конечном счете прочные победы — победы нравственные.

Непосредственные, откровенные, окрашенные субъективной страстью монологи людей такого склада и составляют содержание восточной лирики. Широко и сильно пробиваясь сквозь оболочку иносказаний и условностей, звучит здесь живой голос земного человека, искренний, полный надежд, насыщенный раздумьями, мествуя обо всех радостях и страданиях, выпадающих на долю смертного. Лирическая поэзия Востока искусно передает тончайшие оттенки любого переживания, детально воспроизводит

извечные споры между сердцем и разумом, создает целостный образ внутреннего мира личности в его нерасторжимом единстве с миром внешним, с потоком движущейся жизни.

Лирические поэты занимают в литературе Востока особое место. Конечно, были среди них и создатели хвалебных од, и придворные льстецы, и своего рода пропагандисты указаний того или иного правителя или правящего круга. Но не о них здесь речь, а о подлинных поэтах, оберегавших свое первородство, хотя порой даже их лира, по известному выражению Некрасова, «звук неверный исторгала». И лирический герой их произведений, от имени которого они говорят с читателем,— живой, конкретный человек, а не фантастический персонаж из традиционного мифа, не резонерствующий хранитель плоских истин, не персонифицированное назидание, не условно-каноническая литературная маска. Лирический герой здесь, как правило, индивидуально неповторимая, внутренне самостоятельная личность, человек во власти всепоглощающего чувства, показанный в бесконечном многообразии своих связей с миром, в своей противоречивости и сложности, запечатленный в момент предельного напряжения всех духовных сил.

Характернейшее свойство этой лирики — защита человечности, которая во все жестокие века подвергалась опасности и больше всего нуждалась в защите. И речь здесь не о человечности абстрактной, а о живых и естественных людских чувствах и радостях, на которые имеет право каждый и которым угрожали многочисленные силы социального и нравственного зла — самовластный деспотизм, феодальный произвол, фанатическая религиозность, кастовые запреты, темные предрассудки, воинственное невежество, низменные страсти.

Лирики Востока в поэтической форме провозглашают право любого человека на счастье, на свободу от принуждения, на справедливое устройство жизни, на наслаждение, достоинство, знание истины. Они отстаивают абсолютную ценность и неповторимость жизни — земной, а не загробной; жизни бренной, а не вечной; жизни нынешней, а не ожидаемой — и, сознавая со всей остротой неотвратимость гибели всего живого, зовут радоваться каждому мгновению собственного бытия, любому проявлению красоты окружающего мира.

Раскрывая внутренние переживания человека, разнообразные состояния его духовной жизни, лирики Востока — каждый по-своему — отображали его стремление к самым высоким ценностям, обретаемым на земном пути, — любви, мудрости, справедливости, бесстрашию. Легко ли было так поступать во времена, когда повсеместно разжигались ненависть и нетерпимость, преследовалась вольная и смелая мысль, царили неравноправие и страх, господствовала грубая сила?

Что могли противопоставить лирические поэты Востока этому «темному царству»? Только свое искреннее слово, живую, взволнованную, полную истинной страсти человеческую речь, стройно и гармонично организованную в стихи. И поэты постепенно осознали, какая исторически неодолимая сила движет вперед их искусство, придает ему общезначимость и долговечность. Об этом хорошо сказал не восточный, а западный поэт — Иоганн-Вольфганг Гете в своем «Западно-восточном диване», книге, многое в которой было ему навеяно чтением стихов великого лирика Хафиза:

Чем должна питаться песня,
 В чем стихов должна быть сила,
 Чтоб внимали им поэты
 И толпа их затвердила?
 Призовем любовь сначала,
 Чтоб любовью песнь дышала,
 Чтобы сладостно звучала,
 Слух и сердце восхищала.
 Дальше вспомним звон стаканов
 И рубин вина багряный,—
 Кто счастливый в целом мире,
 Чем влюбленный или пьяный?
 Дальше — так учили деды —
 Вспомним трубный голос боя,
 Ибо в зареве победы,
 Словно бога, чтут героя.
 Наконец, мы сердцем страстным,
 Видя зло, вознегодует,
 Ибо дружим мы с прекрасным,
 А с уродливым враждуем.
 Слей четыре этих силы
 В первобытной их природе —
 И Гафизу ты подобен,
 И бессмертен ты в народе ¹.

2

Классическая лирика Востока — в настоящем сборнике представлена лишь ее арабская, персидская, индийская ветви — выдвинула ряд бессмертных поэтических имен. Лучшие из творцов восточной лирической поэзии достойно выдержали самый строгий для поэта экзамен — испытание временем.

Среди них — стихотворцы арабского мира, чье творчество складывалось как жизнелюбивая, чисто человеческая реакция на исламские аскетические идеалы с их фанатической нетерпимостью и обещаниями загробного блаженства. Здесь мы знакомимся с лирикой пяти прославленных арабских мастеров.

Их перечень открывает Омар ибн Аби Рабиа (644—712), уроженец Мекки, который, признавая аллаха, Мухаммада и коран, продолжал любить земную жизнь и ее радости, воспел красоту и неповторимость личного чувства, силу и обаяние любви, свободной от каких-либо запретов. Позднее европейские ориенталисты называли его «Дон Жуаном Мекки», «Овидием Аравии и Востока», а известный арабский писатель XX века Таха Хусейн справедливо считает Омара ибн Аби Рабиа «самым выдающимся мастером любовной лирики, которого когда-либо знали арабы».

Придворный поэт багдадских халифов Абу Нувас (756—813) был человеком независимым, насмешливым и прямодушным. Его имя позднее вошло в фольклор Востока как героя многочисленных смешных историй, в которых Абу Нувас неизменно выступает как вольнодумец, остро слов и хитрец. Стихи Абу Нуваса о любовных радостях, дружеских застольях, бренности бытия, о стремлении человека украсить весельем отпущенный ему мимолетный земной

¹ Перевод В. Левица.

срок навсегда вошли в лирику Востока, положили начало многовековой поэтической традиции, нашедшей, в частности, продолжение в творчестве персидских мастеров поэзии, в стихах Омара Хайама и Хафиза.

Рядом с Абу Нувасом в Багдаде долгие годы творил Абу-ль-Атахия (748—825), создатель жанра «зухдийят» — философской лирики, стихов, в которых поэт обличал пороки своего времени, пророчил сильным мира неизбежную расплату за содеянное ими зло. Абу-ль-Атахия смог за блеском и могуществом Багдадского халифата разглядеть духовную нищету правящей верхушки, осудить самодовольство, алчность, произвол власть имущих. В строках «зухдийят» сквозь благочестиво-дидактическую оболочку проступают глубокое разочарование действительностью, негодование и отвращение к миру бесчестия и зла. Стихи Абу-ль-Атахии истинно трагедийны — в них поэт отразил крушение надежд рядового человека после победы феодально-исламского деспотизма.

На арабском поэтическом горизонте X века рельефно вырисовывается фигура Абу-т-Тайиба аль-Мутанабби (915—965) — вольнолюбивого певца человеческой личности, независимой и стойкой. Творчество поэта и его биография составляют как бы единое целое. «Ему были свойственны,— пишет об аль-Мутанабби видный арабский филолог Ханна-аль-Фахури,— воинственность, решимость в риске, бесстрашие, неиссякаемая энергия... Он обладал такими качествами, как стойкость, непоколебимая решительность, никакие превратности судьбы не могли заставить его пасть духом». Мутанабби и в поэзии оставался верен своей жизненной программе. Он открыто воспевае личное достоинство, волю, мужество, доблесть — свойства человека, не признававшиеся в современном поэту обществе. Аль-Мутанабби сумел выразить обуревавшие его чувства в совершенной поэтической форме, обновить язык и художественные средства арабского стиха.

Замечательное завершение нашла арабская средневековая философская лирика в творчестве слепого сирийца Абу-ль-Ала аль-Маарри (973—1057). Человек универсальной по тому времени образованности, предъявлявший самые строгие моральные требования к самому себе, неутомимый искатель смысла жизни, аль-Маарри создал произведения, проникнутые духом бесстрашного постижения подлинной природы человека, реальных противоречий его бытия и путей его совершенствования в мире, где торжествует всеобщая вражда, правит несправедливость, почитается бесчеловечность.

3

Другая исполинская ветвь восточной лирики — иранская. Классическая персоязычная поэзия дала миру не только эпический шедевр — «Шахнаме» Фирдоуси, не только замечательные циклы поэм Низами, Дехлеви, Джамии, но и создала великие образцы малого жанра. Она открыла неведомые дотоле уровни познания отдельной человеческой души, отобразила сложный мир личного в его многочисленных связях с окружающей жизнью.

Шесть поэтов представляют здесь классическую персидскую лирику — общее достояние иранского, таджикского, афганского народов, персоязычных жителей Индии и Пакистана. Первый в этой плеяде Абу Абдулло Рудаки (ок. 860—941) — «Адам персид-

ских поэтов». И хотя из его обширного стихотворного наследия до нас дошло немного, он по праву считается родоначальником классической лирики персов, открывшим основные черты ее стиля, очертившим круг ее важнейших жанров и ведущих тем. Он писал о любви, о назначении человека, о жажде счастья, о благотворной силе поэтического слова. Призыв помогать слабым и падшим, а не подавлять и унижать их прозвучал в стихах Рудаки тысячу с лишним лет назад и по сей день отзывается сильным эхом в мировой литературе.

Столетие с небольшим отделяет Рудаки от Омара Хайама (ок. 1048—ок. 1123), одного из крупнейших ученых своего времени, философа и математика, астронома и полиглота. Но поистине всемирную славу Хайаму принесли несколько сотен четверостиший (рубаи), каждое из которых — поразительно гармоничный синтез смелой мысли и высокого чувства. Гуманист и правдолюбец, жизнелюбивый скептик и насмешливый рационалист, Хайам не отворачивается от трагических тайн — загадок бытия и смерти. Он умеет видеть горечь жизни, не отказываясь от ее радостей. Он издевается над лицемерами, святошами, ханжами, утверждает свободное самораскрытие человеческой личности, проповедует смелость духа, отказ от поклонения общепринятым догмам и авторитетам.

Джалаледдин Руми (1207—1273) широко почитаем на Востоке как деятель суфизма — мистического течения в исламе, проповедовавшего аскетический образ жизни и интуитивное познание бога. В своих стихах Руми сумел придать мистической любви к богу — важнейшему постулату суфизма — черты универсального духовного стимула, «источника жизни». Поэт ярко выразил себя в стихотворных притчах, где традиционные, нередко фольклорные сюжеты осмыслены им в духе сочувствия угнетенным и беднякам, содержат сатирическое обличение тирании, корыстолюбия, лицемерия.

Время Руми — XIII столетие — отмечено в персидской поэзии творчеством великого уроженца иранского города Шираза Абу Абдуллаха Мушрифаддина ибн Муслихаддина, известного всему миру под именем Саади (1210—1292). Предание говорит, что Саади тридцать лет учился, тридцать лет странствовал и тридцать лет писал. Зрелым мужем, прошедшим большую часть жизненного пути, он начал создавать «Гулистан» («Сад роз») и «Бустан» («Сад плодов») — главные свои произведения, содержащие итог большой и нелегкой жизни. Разнообразно богатство мудрых мыслей, щедро рассыпанных Саади. Но главное в его творчестве — вера в будущее человечества, в то, что наступит день, когда весь мир будет подобен плодovому саду, цветущему и благоуханному.

Поэт верил в человека, в его лучшие качества — жажду добра и правды, радости и красоты. Жизнь дана, говорил он, не для собирания богатств. Для чего же? В чем ее смысл? Задавая себе этот вопрос, Саади отвечал: в любви к людям, выражающейся не в словах, а в делах.

На жизненный опыт поэта наложили свой отпечаток и кровавый ужас монгольского нашествия и духовная диктатура фанатичных святош. Редкой смелостью и независимостью духа должен был обладать поэт, чтобы, подобно Саади, отстаивать в этих условиях свой идеал жизни. Ему хватило и мужества, и мудрости, и талан-

та. Стихи Саади обошли весь мир, строки многих из них стали крылатыми. Спустя семь с лишним веков мы продолжаем с волнением читать: «Из всех даров мира остается только доброе имя, и несчастен тот, кто не оставит даже этого».

XIV век в персидской поэзии — время расцвета любовной лирики. И ее центром и вершиной по праву признаны строки земляка Саади, родившегося в том же Ширазе, Шамседдина Хафиза (1325—1389). Имя его давно стало нарицательным — хафизом на Востоке называют прирожденного поэта, певца любви и свободы.

Хафиз довел до совершенства жанр небольшого лирического стихотворения — газели, придал афористическую стройность каждому ее двустихию — бейту, обогатил стихи щедрой звукописью. Но главное, он в этом жанре неповторимо написал о любви — не мистической, а человечески реальной, чувственно-яркой, противостоящей всему дурному в мире. Внутренняя цельность, самозабвенное бескорыстие, сердечность и искренность душевных порывов — черты лирического героя газелей Хафиза. Поэт возвел на уровень важнейших событий переживаемые им радость обладания и невыносимость разлуки. Здесь новый рубеж мировой лирики, важный шаг на пути постижения глубин человеческого сердца. Земная любовь выступает у Хафиза как величайшая ценность бытия, как сила, равная в своей неодолимости природным стихиям. Торжество любви, по Хафизу, — это приговор силам зла, лжи и насилию, и от жарких газелей ширазца тянется через века поэтическая эстафета до наших дней, до афоризма Луи Арагона: «Говорите только о любви, все остальное — преступление».

Имя Абдуррахмана Джамии (1414—1492) замыкает перечень классиков иранской поэзии. Создатель обширного цикла поэм «Семь престолов», где он рассказал о своих идеалах справедливо-устройства человеческой жизни, о вечных поисках счастья и гармонии в несчастном и дисгармоничном мире, Джамии написал немало замечательных лирических стихотворений — газелей и рубаи, многие из которых стали народными песнями, по сей день заучиваются наизусть на родине поэта. Читатель лирики Джамии может убедиться, что поэт был прав, когда написал о своих собственных стихотворениях:

В моем диване собраны газели
Снедаемых любовною тоской,
Высокие раздумья, поученья,
Накопленные мудростью людской,
Но не найдешь в них поминанья низких
И лести с многословностью пустой.

4

Литература Индии — гигантский по масштабам многоязычный мир словесного искусства, уходящий своими корнями в далекое прошлое, в глубокую древность. Монументальные эпические поэмы, сказания о богах и героях, культовые гимны и заклинания, пьесы в стихах, басни...

Рядом с этими творениями мы находим многообразное богатство лирической поэзии — любовной, философской, пейзажной, общественной. В ней запечатлелись всемирно чтимые черты много-

вековой культуры народов Индии — непрерывные поиски нравственного совершенства, вера в бесконечные возможности человеческого духа, в неодолимость любви и неотвратимость долга, осознание нерасторжимой связи каждого отдельного существа со всей вселенной.

Здесь мы хотели бы дать представление о творчестве нескольких крупнейших мастеров индийской лирики — наиболее самобытных и сильных ее творцов, которые на разных языках и в различные исторические эпохи сумели передать своеобразие душевного склада индийца, его отношение к себе, к людям ближним и дальним, к природе и истории, к многоцветному движению жизни личной и жизни всемирной.

Калидаса (прибл. V век н. э.), чьей лирикой открывается индийский раздел, завоевал мировое признание как автор классической драмы «Шакунтала, или Перстень-примета». Его имя стоит на пьесах «Малавика и Агнимитра» и «Мужеством завоеванная Урваши». Он создал эпические поэмы «Род Рагу» и «Рождение бога войны» на сюжеты из индийской мифологии. Поэма Калидасы «Облако-вестник» — гимн любви, над которой не властно пространство и время, — издавна считается одним из лучших образцов поэтического искусства на санскрите. К этой поэме непосредственно примыкает и лирический цикл Калидасы «Времена года», с фрагментами которого мы знакомим читателя.

На санскрите писал и Бхартрихари (VI—VII вв.), создавший знаменитую книгу «Собрание трехсот строф». Книга состоит из трех разделов — в каждом по сто строф, — посвященных «мудрости житейской», «страстям любовным» и «отречению от мира». Своеобразная энциклопедия жизненного опыта, книга Бхартрихари в наши дни воспринимается как одно из высших достижений мировой философской поэзии.

Любовная лирика двух великих поэтов средневековой Индии — Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325) и Видьяпати Тхакура (1352—1448) — широко представлена в настоящем сборнике.

Амир Хосров Дехлеви, писавший главным образом на персидском, оставил огромное творческое наследие. Он говорил о высоком назначении истинного поэта, о непреходящей ценности литературы: «Множество блистательных властителей сгнило в горстке земли, и следов нынче не найти. А сколько носителей венца осталось в памяти народа лишь благодаря поэтическому таланту Фирдоуси или Низами». И хотя лирика Дехлеви, его газели несут на себе печать персидской поэтической традиции, в Индии многие из них навсегда вошли в народное сознание, стали неотъемлемой частью лирического фольклора. Говоря о стихах Дехлеви, Джавахарлаал Неру в своей книге «Открытие Индии» отмечал: «Я не знаю другого такого примера, чтобы песни, написанные шестьсот лет назад, сохранили до сих пор популярность и любовь народа и исполнялись без всякого изменения текста».

Видьяпати Тхакур написал свои «Песни любви» на майтхили — народном языке многочисленного населения северо-восточной части Индии. История любви бога-пастуха Кришны и пастушки Радхи воссоздана им как дневник земной любви, как живая и нежная исповедь любящих сердец. Поэт с удивительной полнотой передал внутреннее саморазвитие чувства, раскрыл его психологическую сложность и глубину.

Панорама индийской лирической поэзии выглядела бы неполной, если бы в ней не были представлены поэты, творчеством своим связанные с пробуждением Индии от колониального забвения, которое завершилось в середине нашего столетия выходом Индии на мировую арену как независимой, миролюбивой и динамично развивающейся державы. Два бессмертных бенгальца внесли огромный вклад в новую индийскую лирику — Рабиндранат Тагор (1861—1941), чья поэзия представляет собой вершину индийского литературного творчества нашего времени, и Назрул Ислам (1899—1976), бунтарь и народный певец, который создал в своих стихах благородный сплав гражданственности и лиризма, бесстрашия и нежности.

Рабиндранат Тагор остро ощущал неизбежность исторических перемен у себя на родине и за ее пределами, приветствовал начавшееся обновление жизни. Его лирические герои видят в борьбе за справедливость естественный стимул развития и самопроявления личности, глубоко осознают свою причастность ко всему, что совершается в мире социальном и природном.

В поэзии Назрула Ислама передана мощь мятежной стихии, атмосфера общественного катаклизма, сотрясающего мир. И вместе с тем здесь дан образ человека, который умеет видеть в настоящем еще смутные, но завораживающие контуры грядущего дня, сочетает силу личного, глубоко интимного чувства с жадной обшей счастья «для всех живущих на земле».

* * *

Поэзия Востока никогда не была чуждой нам. У Пушкина мы находим стихи, навеянные кораном, персидской и арабской лирикой. Индия вдохновила Жуковского на создание «Наля и Дамаянти» — поэтического пересказа из «Махабхараты». Эпоепа Фирдоуси подсказала Жуковскому его «восточную повесть» в стихах «Рустем и Зораб». Фет перелагал на русский язык стихи Хафиза и Саади. Есенин создал «Персидские мотивы». Многие и многие русские поэты XX века отдали свой талант переводу восточной лирики. В этом легко убедиться, взглянув хотя бы на перечень переводчиков данной книги, — в нем имена Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Николая Тихонова, Ильи Сельвинского, Семена Кирсанова, Владимира Державина, Вильгельма Левика.

Поэзия Востока, как и всякая истинная поэзия, пережила века, победила время. Она побеждает и пространство, приходя ко все новым народам. Она стала живым достоянием и тех, для кого русская речь — родная стихия.

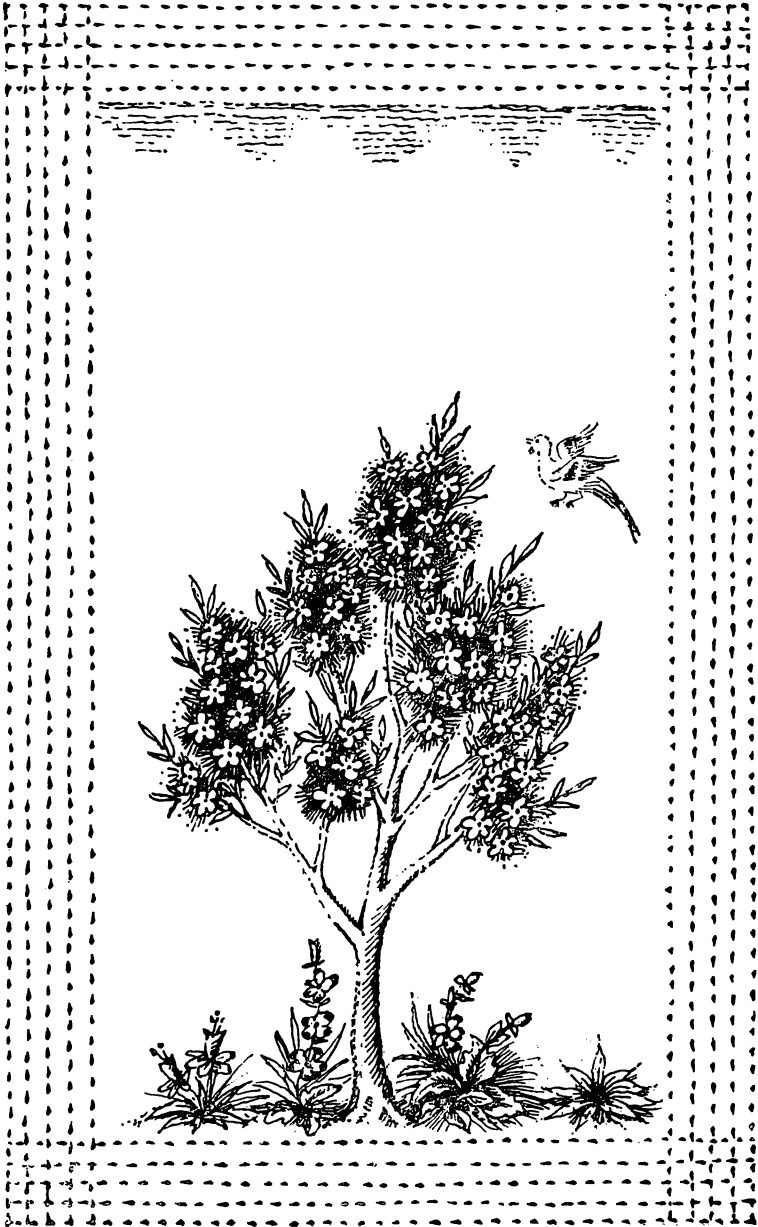
В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей,
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.

Что это? Отголосок персидской, арабской, индийской лирики? Один из ее вечных мотивов? Да. И вместе с тем это стихи Пушкина, это наша поэзия. А вернее всего — наша весна, наша молодость, наша любовь...

Михаил Курганцев

ИЗ
АРАБСКОЙ
ПОЭЗИИ

Смар ибн Аби Рабиа

(644—712)

1

Вы, суд мирской! Слуга аллаха тот,
Кто судит нас, руководясь законом,
Пусть жен не всех в свидетели зовет,
Пусть доверяет лишь немногим женам.

Пусть выберет широкобедрых жен,
В свидетели назначит полногрудых,
Костлявым же не даст блюсти закон —
Худым, иссохшим в сплетнях-пересудах.

Сошлите их! Никто из мусульман
Столь пламенной еще не слышал просьбы.
Всех вместе, всех в один единый стан,
Подальше бы! — встречаться не пришлось бы!

Ну их совсем! А мне милее нет
Красавицы роскошной с тонким станом,
Что, покрывалом шелковым одет,
Встает тростинкой над холмом песчаным.

Лишь к эдаким благоволит аллах,
А тощих, нищих, с нечистью в сговоре,
Угрюмых, блудословящих, нерях,
Ворчуний, лгуний,— порази их горе!

Я жизнь отдам стыдливой красоте.
Мне знатная, живущая в палате
Красавица приятнее, чем те,
К которым ночью крадутся, как тати.

2

Я видел: пронеслась газелей стая,
Вослед глядел я, глаз не отрывая,—

Знать, из Куба неслись они испуганно
Широкою равниною без края.

Угнаться бы за ними, за пугливыми,
Да пристыдила борода седая.

Ты, старый, очень старый, а для старого
Уж ни к чему красotka молодая.

3

Отвернулась Бегум, не желает встречаться с тобой.
И Асма перестала твоею быть нежной рабой.

Видят обе красавицы, сколь ты становишься стар,
А красавицам нашим не нужен лежалый товар.

Полно! Старого друга ласкайте, Бегум и Асма,
Под деревьями нас укрывает надежная тьма.

Я однажды подумал (ту ночь я с седла не слезал,
Плащ намок от дождя, я к селению Джазл подъезжал):

О, какая из дев на вопрос мой ответить могла б,
Почему за любовь мне изменою платит Рабаб?

Ведь, когда обнимал я другую,— казалось, любя
Я томился, и жаждал, и ждал на свиданье — тебя.

Если женщины верной иль даже неверной я раб,
Мне и та и другая всего лишь — замена Рабаб.

Обещай мне подарок, хоть я для подарков и стар,—
Для влюбленной души и надежда — достаточный дар.

4

Я покинут друзьями, и сердце мое изболело:
Жажду встречи с любимой, вздыхаю о ней то и дело.

И зачем мне совет, и к чему мне любезный ответ,
И на что уповать, если верности в любящей нет?

Кто утешит меня? Что мне сердце надеждою тешить?
Так и буду я жить — только смерть и сумеет утешить.

5

В стан я племени прибыл, чьих воинов славны дела.
Было время покоя, роса на пустыню легла.

Там я девушку встретил, красивее всех и стройней,
Как огонь, трепетали запястья и бусы на ней.

Я красы избегал, нарочито смотрел на других,
Чтобы чей-нибудь взор не приметил желаний моих,

Чтоб соседу сказал, услаждаясь беседой, сосед:
«Небесами клянусь, эта девушка — жертва клевет».

А она обратилась к подругам, сидевшим вокруг,—
Изваяньем казалась любая из стройных подруг:

«Заклинаю аллахом — доверюсь я вашим словам:
Этот всадник заезжий пришелся ли по сердцу вам?»

К нам войти нелегко, он же прямо проходит в шатер,
Не спросившись, как будто заранее был уговор».

Я ответил за них: «Коль приходит потайный жених
На свиданье любви, никакой ему недруг не лих!»

Радость в сердце влилась, как шатра я раздвинул
края,—
А сперва оробел, хоть вела меня воля своя.

Кто же к ней, белолицему солнцу в оправе зари,
Не придет повидаться, лишь раз на нее посмотрит?

6

Возле Мекки ты видел приметный для взора едва
След бывшего кочевья? Не блеснет над шатром
булава,

И с востока и с запада вихри его заносили,—
Ни коней, ни людей,— не видать и защитного рва.

Но былую любовь разбудили останки жилища,
И тоскует душа, как в печали тоскует вдова.

Словно йеменский шелк иль тончайшая ткань из
Джаруба,
Перекрыла останки песка золотого плева.

Быстротечное время и ветер, проворный могильщик,
Стерли прежнюю жизнь, как на пальмовой ветви
слова.

Если влюбишься в Нум, то и знахарь,
врачующий ловко
От укусов змеи, потеряет над ядом права.
В Нум, аллахом клянусь, я влюбился,
но что же? — Я голос,
Вопиющий в пустыне, и знаю, пустыня мертва...

Уезжает надолго, в затворе живет, под надзором.
Берегись подойти — ни за что пропадет голова!

А покинет становье — и нет у чужого надежды
Вновь ее повстречать,— видно, доля его такова!

Я зову ее «Нум», чтобы петь о любви без опаски,
Чтоб досужей молвы не разжечь, как сухие дрова.

Скрыл я имя ее, но для тех, кто остер разуменьем,
И без имени явны приметы ее существа.

В ней врага наживу, если имя ее обнаружу,—
Здесь ханжи и лжецы, клевета негодяев резва.

Сколько раз и уже лицемеров не слушал учтивых,
Отвергал поученье ее племенного родства.

Сброд из племени садд твоего недостоин вниманья,
Я ж известен и так, и в словах моих нет хвастовства.

Меня знают и в Марибе все племена и в Дурубе,
Там, где резвые кони, где лука туга тетива.

Люди знатные мы, чистокровных владельцы верблюдов,
Я испытан в сраженьях, известность моя не нова.

Пусть бегут и вожди, я не знаю опасностей бранных,
Страх меня не проймет, я сильнее пустынного льва.

Рода нашего жен защищают бойцы удалые,
В чем испытанном сердце старинная доблесть жива.

Враг не тронет того, кто у нас покровительства ищет,
И о наших делах не забудет людская молва.

Знаю, все мы умрем, но не первые мы — не исчислить
Всех умерших до нас, то всеобщий закон естества.

Мы сторонимся зла, в чем и где бы оно ни явилось,
К доброй славе идем, и дорога у нас не крива.

У долины Батта вы спросите, долина ответит:
«Это честный народ, не марает им руку лихва».

На верблюдицах серых со вздутыми бегом боками
Лишь появится в Мекке,— яснее небес синева.

Ночью Омара кликни — поднимется Омар и ночью,
И во сне ведь душа у меня неизменно трезва.

В непроглядную ночь он на быстрой верблюдице мчится,
Одолел его сон, но закалка его здорова;

Хоть припал он к луке, но и сонный до цели домчится.
Лишь бы сладостным сном подкрепиться в дорогу
сперва!

7

Он пробрался к тебе, прикрываясь полуночным мраком,
Тайну блюл он ревниво, от страсти пылал он жестоко.

Но она ему пальцами знак подала: «Осторожно,
Нынче гости у нас — берегись чужестранного ока!

Возвратись и дозор обмани соглядатаев наших,
И любовь обновится, дождавшись желанного срока».

Да, ее я знавал! Она мускусом благоухала,
Только йеменский плащ укрывал красоту без порока.

Тайно кралась она, трепетало от радости сердце,
Тело в складках плаща отливало румянцем Востока,

Мне сказала она в эту ночь моего посещения,—
Хоть сказала шутя, упрекнула меня без упрека:

«Кто любви не щадит, кто упорствует в долгой разлуке,
Тот далеко не видит, и думает он не глубоко;

Променял ты подругу на прихоть какой-то беглянки,—
Поищи ее в Сирии или живи одиноко».

Перестань убивать меня этой жестокою мукой —
Ведь аллаху известно, чье сердце блуждает далеко.

Я раскаялся в страсти, но страсть — моя гостья опять.
Звал я скорбные думы — и скорби теперь не унять.

Вновь из мертвых восстали забытые муки любви,
Обновились печали, и жар поселился в крови.

А причина — в пустыне покинутый Сельмою дом,
Позабыт он живыми, и тлена рубаха на нем.

И восточный и западный ветер, гоня облака,
Заметали его, расстилая покровы песка.

Я как вкопанный стал; караван мой столпился вокруг,
И воззвал я к пустыне — на зов не откликнулся звук.

Крепко сжал я поводья верблюдицы сильной моей,—
А была она черная, сажу очажной черней.

Терзает душу память, сон гоня:
Любимая сторонится меня,

С тех пор как ей сказали: «Он далече
И более с тобой не ищет встречи».

Отворотясь, не обернулась вновь,—
И увидал я щеку лишь и бровь.

На празднике, с ним очутившись рядом,
Она добычу прострелила взглядом

И так сказала девушкам и женам,
Как антилопы легкие, сложенным:

«Он будет плакать и стенать, потом
И упрекать начнет,— так отойдем!»

И отошла девическая стая,
Крутые бедра плавно колыхая.

Как раз верблюды кончили свой бег,
И караван улегся на ночлег.

И было так, пока не возвестила
Заря рассвет и не ушли светила.

Мне друг сказал: «Очнись, разумен будь!
Уж день настал, пора пускаться в путь»

На север, там тебя томить не станут.
Не будешь там в любви своей обманут».

И ночь ушла, и наступил рассвет —
И то была горчайшая из бед.

10

Долго ночь не редела, душой овладела тоска,
Но послала Асма в утешенье ко мне ходока,

От нее лишь одной принимаю упрек без упрека,
Хоть и много любил, и она не одна черноока.

Но она улыбнется — и я уж и этому рад,
Счастлив, зубы увидя, нетающих градинок ряд.

Но ходок, увидав, что еще не проснулся народ,
Возвратился и стал колотушкой стучать у ворот.

Он стучал и стучал, но из наших никто не проснулся.
Надоело ему, и обратно к Асме он вернулся.

И рассказывать стал, прибавляя того и сего:
«Хоть не спали у них, я не мог достучаться его,

Где-то скрылся, сказал — у него, мол, большие дела.
Так и не дал ответа». Но тут она в ярость пришла.

«Я аллахом клянусь, я клянусь милосердным творцом,
Что до самого раджаба я не пушу его в дом!»

Я сказал: «Это старая ссора, меня ты прости,—
Но к сердцам от сердец подобают иные пути».

Вот рука моя, в ней же и честь и богатство мое,
А она: «Ты бы раньше, чудака, протянул мне ее!»

Тут к ней сводня пришла,— а они на подобное чутки,
К деловым разговорам умеют примешивать шутки.

Голос тихий у них, если гневом красавица вспыхнет,
Но становится громок, едва лишь девица затихнет.

Говорок у распутницы вежливый, неторопливый,
А сама она в платье паломницы благочестивой.

И ее наконец успокоила хитрая сводня:
«Все то воля господня — сердиться не стоит сегодня».

11

В час утренний, от взоров не таим,
Горел костер перед шатром твоим.

Но кто всю ночь подкладывал алоэ,
Чтоб он струил благоуханный дым?..

12

Я Зайнаб свою не склоняю на встречу ночную,
Не смею невинность вести на дорогу дурную.

Не так луговина в цветах, под дождем животворным,
Когда еще зной не растрескал поверхность земную,

Как Зайнаб мила, когда мне она на ухо шепчет:
«Я мир заключила иль снова с тобою воюю?»

В гостях мы не видимся — если ж тебя и увижу,
Какой-нибудь, знаю, беды все равно не миную.

Меня ты покинула, ищешь себе оправданья,
Но я неповинен, тоскую один и ревную.

Убит я печалью, горчайших не знал я разлук.
В груди моей буйствует сердца неистовый стук.

Невольные слезы струятся, свидетели мук,—
Так воду по каплям прорвавшийся точит бурдюк.

Она уезжает, уж руки проворные слуг
На гордых двугорбых дорожный навьючили вьюк.

К щекам моим кровь прилила и отхлынула вдруг —
Я знаю, навек отъезжает единственный друг.

О сердце, страстями бурлящий тайник!
А юность меж тем отвратила свой лик.

О сердце, ты властно влечешь меня к Хинд,—
Ты, сердце, которым любить я привык.

Сказал я — и слезы струились из глаз,
Ах, слез моих не был исчерпан родник.

«Коль Хинд охладела, забыла любовь,
Когда наслажденьем был каждый наш миг,—

Погибнет, клянусь, человеческий род.
Всяк сущий на свете засохнет язык!»

Я эту ночь не спал, томим печалью.
В бессоннице за ночь одну зачах.

Любимое создание аллаха,
Люблю ее и гневной и в сердцах.

В моей душе ее всех выше место,
Хоть прячется изменница впотъмах

Из-за того, что клеветник злосчастный
Меня в коварных очернил речах.

Но я молчу, ее несправедливость
Терплю без слов, ее напрасен страх.

Сама же связь оборвала, как люди
Веревку рвут,— суди ее аллах!

16

Мне говорят, что я люблю не всей душой, не всем собой
Мне говорят, что я блужу, едва умчит тебя верблюду.

Так почему же скромно взор я отвращаю от всего,
К чему, паломничая, льнет весь этот небрезгливый люд?

Не налюбуется толпа на полоумного, из тех,
Кого в мечетях и домах за ум и благочестье чтут.

Уйдет он вечером, спеша грехи дневные с плеч свалить,
А возвратится поутру, увязший пуше в ложь и блуд!

От благочестия давно меня отторгнула любовь,
Любовь и ты — два часовых — очаг страстей моих
блюдут

17

Глаза мои, слезы мои, что всегда из ведра!
Трепещете, веки, от горести красны вы стали!

Что с вами творится, лишь милая вспомнится вам!
Мученья любви, как вы душу томить не устали!

Хинд, если б вчера ты рассеяла горе мое,
Когда б твои руки, о Хинд, мою грудь не терзали!

И если могу я прощенье твое заслужить,
Прости мне, хотя пред тобой я виновен едва ли.

Скорее постыдно тебе надо мною мудрить —
Приблизусь едва, от меня поспешаешь подале.

Обрадуй меня, подари мне подарок любви!
Я верен тебе, как и был при счастливом начале.

18

И сам не чаял я, а вспомнил
О женщинах, подобных чуду.
Их стройных ног и пышных бедер
Я до скончанья не забуду.

Немало я понаслаждался,
Сжимая молодые груди!
Клянусь восходом и закатом,
Порока в том не видят люди.

Теперь себя я утешаю,
Язва неверную упреком,
Ее приветствую: «Будь гостьей!
Как ты живешь в краю далеком?»

Всевышний даровал мне милость
С тобою встретиться, с ревнивой.
А ты желанна мне, как ливень,
Как по весне поток бурливый!

Ведь ты — подобие газели
На горке с молодой травой,
Или луны меж звезд небесных
С их вечной пляской круговой.

Зачем так жажду я свиданья!
И убиваюсь и тоскую...
Ты пострадай, как я страдаю,
Ты поревнуй, как я ревную!

Я за тобой не соглядатай,
Ты потому боишься встречи,
Что кто-то пыл мой опорочил,
Тебе шептал кривые речи.

26

Что с этим бедным сердцем случилось! Вернулись вновь
его печали.
Давно таких потоков слезных мои глаза не источали.

Они смотрели вслед Рабаб, доколь, покинув старый стан
Не скрылся из виду в пыли ее увезший караван.

Рабаб сказала накануне своей прислужнице Наиле:
«Поди скажи ему, что если друзья откочевать решили,

Пусть у меня, скажи ему, он будет гостем эту ночь,—
На то причина есть, и я должна достойному помочь».

И я прислужнице ответил: «Хоть им нужна вода
и пища.
Мои оседланы верблюды и ждут вблизи ее жилища!»

И провели мы ночь ночей — когда б ей не было конца!
За часом час впивал я свет луноподобного лица.

Но занималось утро дня — и луч сверкнул, гонитель
страсти.
Блестящий, словно бок коня бесценной золотистой масти

Сочла служанка, что пора беду предотвратить, сказав
Тому, кто доблестен и юн, горяч душой и телом здрав:

«Увидя госпожу с тобой да и меня при вас, чего бы
Завистник не наклеветал,— боюсь я ревности и злобы.

Смотри, уже не видно звезд, уже белеет свет дневной,
А всадника одна лишь ночь окутать может пеленой».

Вкушу ли я от уст моей желанной,
Прижму ли к ним я рот горящий свой?

Дыханье уст ее благоуханно,
Как смесь вина с водою ключевой!

Грудь у нее бела, как у газели,
Питающейся сочною травой.

Ее походка дивно величава,
Стройнее стан тростинки луговой.

Бряцают ноги серебром, а руки
Влюбленных ловят петлей роковой.

Влюбился я в ряды зубов перловых,
Как бы омытых влагой заревой.

Я ранен был. Газелью исцеленный,
Теперь хожу я с гордой головой.

Я награжден за страсть, за все хваленья,
За все разлуки жизни кочевой.

К тебе любовь мне устрашает душу,
Того гляди, умрет поклонник твой.

Но с каждым днем все пуще бьется сердце,
И мучит страсть горячкой огневой.

Мне долго ль поцелуя ждать от той,
Что в мире всем прославлена молвой?

Что превзошла всех в мире красотой —
И красотой своей и добротой?

21

Сторонишься, Хинд, и поводы хочешь найти
Для ссоры со мной. Не старайся же, нет их на деле

Чтоб нас разлучить, чтоб меня ты сочла недостойным.
Коварные люди тебе небылицы напели.

Как нищий стою, ожидая желанного дара,
Но ты же сама мне достичь не дозволила цели.

28

Ты — царская дочь, о, склонись к протянувшему руку!
Я весь исстрадался, душа еле держится в теле.

В свой ларчик заветный запри клевету и упреки,
Не гневайся, вспомни всю искренность наших веселий.

Когда ж наконец без обмана свиданье назначишь?
Девичьи обманы отвратней нашептанных зелий.

Сказала: «Свиданье — в ближайшую ночь полнолуныя,
Такими ночами охотники ловят газелей».

22

Велела мне Нум передать: «Приди! Скоро ночь —
и я жду!»
Люблю, хоть сержусь на нее: мой гнев не похож
на вражду.

Писал я ответ: «Не могу», — но листок получил от нее,
Писала, что верит опять и забыла сомненье свое.

Стремянному я приказал: «Отваги теперь наберись,—
Лишь солнце зайдет, на мою вороную кобылу садись.

Мой плащ забери и мой меч, которого славен закал,
Смотри, чтоб не сведал никто, куда я в ночи ускакал!»

К Яджджу, в долину Батха мы с тобой полетим
во весь дух
При звездах домчимся мы в Мугриб, до горной теснины
Мамрух!»

И встретились мы, и она улыбнулась, любовь затая,
Как будто чуждалась меня, как будто виновен был я.

Сказала: «Как верить ты мог красноречию клеветника?
Ужели все беды мои — от злого его языка?»

Всю ночь на подушке моей желтела руки ее хна.
И уст ее влага была, как родник несмущенный, ясна.

Ат́ика, меня не брани,— и так я несчастен.
Ты снадобье лучше спроси для меня у врача.

Я полон той ночью, с тобой проведенной в долине,
Где славят аллаха, в Нечистого камни меча.

Пытаюсь я скрыть от людей свои тайные муки —
Лишь умные видят, насколько их боль горяча.

О добрая девушка, знатного племени отпрыск,
За верность в любви награди своего рифмача.

Тебя одну я вспоминаю,
когда не спится мне.
Когда под утро засыпаю,
приходишь ты во сне.
Минута, словно бесконечность —
когда ты далека.
Когда ты рядом, даже вечность —
быстра и коротка.

Этой ночью пришла она,
горяча, нежна и мила,
и летели часы без сна,
и была эта ночь светла.
Нежеланный пришел рассвет,
но любимая не ушла.
«Я тебя не покину, нет!» —
со слезами произнесла.

Ты меня заморозила,
оплела, заколдовала,
словно войском окружила,
как страну, завоевала.
Ворожбу благословляю,
прославляю колдовство —

Славлю чудо поцелуя,
чары взгляда твоего.
Ты сказала мне: «До встречи!»
Но когда, когда, когда?
«Послезавтра!» — и смеешься,
и лукавишь, как всегда...

27

Любимая так хороша!
Лицо светлей луны,
что в полнолуние взошла
и смотрит с вышины,
а плечи — смуглые чуть-чуть,
а кожа так тонка,
а губы ласковы, а грудь —
свежа и высока.
Качая бедрами, нежна,
она выходит в путь.
И мне другая не нужна
красавица — ничуть.
Шагов знакомых слышу звук —
она спешит сюда.
Любую из ее подруг
забуду навсегда.
Одно я знаю — только в ней
мой свет, и жизнь, и дух.
Она нужна душе моей,
как зрение и слух.

28

У нее глаза газели,
пробудившейся от сна.
Изумляя целый город,
мимо движется она.
Растерялся я, смутился,
зачарованный стою.
«Кто ты?» — спрашиваю робко,
сам себя не узнаю.
Вдруг она мне отвечает:
«Я одна из многих дев,
что с тобою ищут встречи,
даже стид преодолев».

31

Неужели это правда? —
я спросил. Она в слезах
говорит: «К тебе любовью
наказал меня аллах».
Я в ответ: «Меня ты хочешь
долгой мукой извести».
А она мне: «Будем вместе
муку общую нести».

29

Ты любишь милую — исток
блаженства своего,
Не превращай ее в кумир,
в святыню, в божество.
Приходишь на свиданье к ней —
любви отдайся весь.
Но слишком часто не ходи —
успеешь надоесть.
Не повторяй: «люблю, люблю»,
восторги умеряй.
Свиданий новых не проси,
не плачь, не умоляй.
Навязчив будешь — набезит
нежданная беда:
любимая ответит: «нет»
взамен бывшего «да».

30

Мое разорванное сердце —
твои разящие глаза!
Твоя походка — так под ветром
с утра качается лоза!
Так плавны, так неторопливы
движенья стана твоего!
Ты улыбнешься — воскресаю,
ты отвернешься — все мертво.
Никто не знал, что мы полюбим,
и нашу встречу не предрек.
Любовь, разлуку и свиданье —
все предопределяет рок.

32

Абу Нувас

(756—813)

1

Пью старинное вино,
 ясноглазую целую.
Будь что будет — все равно
 веселюсь напропалую!
И пока не порвалась
 бытия живая нить,
полон жажды, буду пить
 эту влагу золотую.
Ничего не утаю,
 все на свете отдаю
за хмельную, за твою
 за улыбку молодую.
В руки смуглые прими
 чашу, полную вина,
осуши ее до дна,
 возврати ее пустую.
Помани меня рукой,
 позабывшего покой,
губы нежные раскрой
 обещаньем поцелуя!

2

Что пользы от плача
 над прошлой любовью своей?
Лицо оботри,
 позабудь неудачу и пей.

Вино ароматно,
 прозрачно и радует душу,
Кувшины полны,
 и подставлены чаши. Налей!
Забудь равнодушную,
 все в этом мире не вечно —
объятья, и ласки,
 и взгляды газельих очей.
Но только вино
 неизменную дарит отраду.
Сердечные раны
 лечи на пирушке друзей!

3

Друзья, настала для меня
 блаженная пора:
пришла желанная сама,
 осталась до утра.
Она пришла в вечерний час,
 и я изведаль сам,
какие радости не раз
 она дарила вам.
Но по знакомой вам тропе
 я до утра хожу —
ищу жемчужину в траве,
 ищу и нахожу.
И, право, не сравнится с ней
 на свете ни одна
жемчужина — краса морей,
 добытая со дна.
Уходит день, спадает зной.
 Желанная придет,
и до утра со мной, со мной —
 часами напролет!

4

Терпелив и нежен будь с любимой.
Ведь небезмятежен путь к любимой.
Не сердись, когда она неожиданно
станет злой, холодной, нелюдимою.

Не молчи угрюмо и сурово.
Твой союзник — ласковое слово.
Повторяй, что говорил ночами,
и она твоею будет снова.

5

Любовь моя не ведает предела:
душа изныла, истомилось тело.
Клянусь утехой мужеской старинной —
конем, мечом, охотой соколиной,
и нардами, и лютней, и дутаром,
густым вином, изысканным и старым,
клянусь стихами четкими, живыми,
молитвенными четками своими
и розами, владычицами сада —
я все отдам, мне ничего не надо.
Хочу лишь одного — такую малость! —
чтоб милая со мной не расставалась.

6

Меня знобило, я врача позвал.
И мой недуг он, не леча, назвал.
Не я, сказал он, исцелю тебя,
а та, что вымолвит: «Люблю тебя».
Ты не врача, а милую зови,
Твоя болезнь — озноб и жар любви.

7

Вот и утро забрезжило,
ночь отступила, ушла.
Чашу пальцами нежными
девушка мне подала.
Молодая, свободная,
кудри окрашены хной,
над округлыми бедрами
шелковый пояс цветной,
легкостанная, дивная —
так художавала она
и тонка, будто издавна
голодом изнурена.

Не упрекай меня: упрек —
 соблазна полон и жесток.
 Ты мой недуг лечи, мой друг,
 тем, от чего я занемог.
 Тем золотистым, золотым,
 с которым счастливо живешь,—
 С его касаньем и кремень
 охватит радостная дрожь.
 Прислужит девушка тебе,
 одетая, как на пирах
 Одеты мальчишки — в нее
 влюблен монах и вертопрах.
 Встает, в руке ее кувшин —
 а ночь вокруг черным-черна,—
 И вся хоромина моя
 ее лицом освещена.
 Из уст кувшина полилось
 вино, прозрачно, как слеза.
 Едва посмотришь на него,
 твои зажмурятся глаза.
 Вино смягчается, когда
 к нему примешана вода,
 Воды в нем чувствуется вкус,
 вода же сердится тогда.
 Но если б с ним смешал ты свет,
 он породнился бы с вином,
 И горды были бы детьми —
 своим блистаньем и огнем.
 Его подносят молодцам,
 кому не страшен бег годов,
 Все их желанья оправдать
 фиал наполненный готов.
 Но что желанья! Жалко мне,
 что опустела пиала,
 К чему оплакивать мне дом,
 где Хинд или Асма жила!
 Не дай аллах, чтобы вину
 стал обиталищем шатер,
 Чтобы отары мимо шли
 и по ночам горел костер.

Тому, кто, по его словам,
 среди философов силен,
Скажи, что он не столь умен
 и многому не научен.
Так не мешай других прощать,
 коль сам погряз в дурных делах,
Ты этим веру оскорбишь,
 и будет гневаться аллах.

9

Мой нежный отрок, что-то стал
 неповоротлив твой язык,
Иль речь изящную забыл
 и разговаривать отвык?
Приметив, что его глаза
 бессильно опустились ниц
И что дремота залегла
 в тени потупленных ресниц,
Его я руку в руку взял:
 «О, пробудись, уже рассвет!
Друзей застольных не лишай
 своих напевов и бесед!
Раздумья грустные твои
 я прогоню глотком вина,
Ты радость высшую найдешь
 в прохладном горле кувшина».
Но малый был настолько пьян,
 что голос вовсе ослабел,—
Перед восходом небосвод
 уж розовел и голубел,—
Он прошептал: «Я виноват
 и сам очнуться был бы рад,—
Но слишком крепкого вина
 ты мне подносишь, милый брат»

10

Я с душой своей измученной
 и никем не обогретою
То и дело горько жалуясь,
 то и дело горько сетую.

Все слова я перепробовал,
 перебрал все выражения.
Все выискивал, откапывал,
 применял без небрежения.
Повторял я, передумывал,
 что сказать мне надлежало бы,
И опять к ушам невнемлющим
 приношу пустые жалобы.
Если б даже выражался я
 на персидском или греческом,
То наверное услышал бы
 отклик в сердце человеческого.
Я же рабствую униженно,
 я бесчувственную сватаю,—
Не пробьешься в грудь кремневую
 ни киркою, ни лопатою,
Ты, газель, улыбкой радости
 иль слезами огорчения
Дашь мне мира воссияние
 иль вселенной помрачение.

11

Жизнь бы отдать за тебя!
 У меня лихорадило тело.
Но расхворался и ты —
 и страданье мое отлетело.
Жизнь бы отдать за тебя!
 Оказался неверным я другом,
Если в горячую ткань
 ты зловещим закутан недугом.
Жизнь бы отдать за тебя!
 Если б только я мог откупиться
От лихорадки твоей,
 я душою не стал бы скупиться.

12

Так покинул я Басру
 и площадь ее, Мусалла,
И простор Мирбадана,
 где юность и шла и ушла.

Не побуду в мечети,
 где веры и мужества храм,
Не пойду побродить
 по большим постоялым дворам.
В этом городе славном
 когда-то увидел я свет,
А теперь я в морщинах
 и волос мой редок и сед.
В Басре сверстников знал я,
 прямых и упругих, как меч.
И воспитанной тонко
 была их учтивая речь.
Но жестокое время
 рассеяло всех чередой,—
Каждый в жизни пошел
 за своей путеводной звездой.
Мне никто никогда
 не заменит, о сверстники, вас,—
Удивил бы любого
 о ваших деяньях рассказ.
И когда я постиг,
 что оттуда запрещен возврат
И что должен я жить,
 если даже скончался мой брат,
Предался я терпенью,
 терпеньем и дух истомил,—
Одного лишь терпенья
 меня не лишил Азраил!
Узы крови расторг я
 с родимой моей стороной.
Я живу в Кутраббуле,
 а летний проводим мы зной
В Кархе с матерью милой,
 с густой виноградной лозой.
Мать питает меня,
 пеленает усердно меня
В тень зеленой листвы,
 не доступной пыланию дня.
А лишь ветер подует
 и ветви склоняются лоз,
Защищает меня
 покрывалом кудрявых волос.

Ночью горлицы голос
уныло звучит из листвы,
Словно в час похорон
безутешные вопли вдовы.
Эта песня всю муку
и в ней и во мне ворошит,
И неведомо где
наша радость укрыться спешит.
Я встаю и, забывшись,
впиваю живительный сок.
Так младенец сосет,
материнский почуяв сосок.
В винной лавке в невесты
я выбрал хозяйскую дочь.
Ей года и века
помогают судьбу превозмочь.
Лихо праздновал свадьбу
и ночью, и в раннюю рань,
Я сорвал с ее тела
прозрачную легкую ткань,
А потом обнаженную
вывел ее из шатра,
Из шатра, что от века
не знал ни узла, ни шнура,
А потом из-за пазухи
вынул булатный клинок
И вонзил ей в гортань —
и пьянящий излился поток.
На посмертной попойке
опять повстречались друзья.
Их из чаш золотых
и серебряных потчевал я.
Если спорят о блеске
сосуд золотой и вино,
Я спрошу, кто поистине золото —
он иль оно?
Есть различье одно —
что свободно струится вино,
А сосуду навек
одинаковым быть суждено,

А еще ты немало
увидишь рисунков на нем:
Вот Христовы служители,
каждый священник с крестом,
И читают Евангелие,
чтобы не властвовал бес,
А над ними пузырики,
звездочки винных небес.
Иль, быть может, жемчужинки,
что обронила рука
Некой строгой нарядницы,
но охмелевшей слегка.

13

Ты поник, бежишь разгула,—
значит, молния сверкнула,
Пропылала в черном небе,
полог ночи полоснула:
Знать, красавица в улыбке
показала ряд жемчужный,
Чье сверканье обвевают
ветры северный и южный.
Как громады у верблюдиц
брюх, тугих перед отелом,
Тучи виснут, их охвостья
в небе тянутся тяжелом.
На заре проснулся голубь
и уже на ветке стонет,
Хмель любви от ветки к ветке
день и ночь страдальца гонит.
Славословит он бывшее,
проклиная время злое —
Для изведавшего счастье
горе тягостнее вдвое.
Ночь не спал я, как скиталец,
занесенный в край далекий,
Голосил на всю пустыню:
«Я несчастный, одинокий...»
Разодрал рубахи ворот
и посыпал прахом темя,

Я ташу, изнемогая,
непосильное мне бремя.
Я в огне своем сгораю,
нет отчаянью предела,—
Доживет ли хоть до завтра
это страждущее тело?
Вот когда, своих печалей
созерцатель осторожный,
Я сыскал себе опору,
для души приют надежный,
Возле юношей, чье сердце
не знавало лицемерья,
Честных, чистых, родовитых,
удостоенных доверья,
Всем доступна их ученость,
их учтивость, воспитанье,—
Так от мускуса в мешочке
веет всем благоуханье.
Виночерпий их красивой,
чем халифовы холопы,
Стройный станом, с беспорочной
шеей дикой антилопы.
Мальчик шелковым платочком
рот застенчиво завесил,
Сам же к золоту живому
тянет губы, смел и весел.
Золотистое прозрачно,
словно влага дождевая,
В нем пузырьки сверкают,
в воздух родственный всплывая,
И роятся, и стремятся
потеснить один другого,—
Вот один пузырик лопнул,
а другой сверкает снова.
Мной счастливицы недовольны,
что на пир их не иду я,
И, моей убиты грустью,
повторяют негодуя:
«Горе! Чем ты столь измучен?
В чем обижен ты судьбою?
Отчего ты столь печален?
Что с тобою? Что с тобою?»

Ты по край ведро наполнил
из колодца бед и страсти,—
Иль ничем не утолился,
кроме горя и напасти?
Иль стрела красы случайной
так была неотразима
В час, когда ты по майдану
проходил недавно мимо?
Даже имя позабыто
той газели, слишком ходкой —
Люди стали на базаре
просто звать ее Красоткой.
Не по ней ли ты страдаешь,
сам себя совсем измучил?
Ты на сохнувшее сердце
не по силам груз навьючил!»

14

Друг мой Бишр, я враг оружия,
ненавистник я войны.
Развлеченья да пирушки —
вот чем помыслы полны.
Не питай ко мне доверья,
отпираться не берусь:
И в бою и в отступление
поведу себя, как трус.
Увидав, что от пустыни
бунтарей летит отряд,
Мигом я, коня пришпорив,
погоню его назад.
Для меня что налокотник,
что нагрудная броня,
Ваши панцири и шлемы —
это все не для меня.
И когда отряд в атаку
вы готовитесь вести,
Об одном лишь помышляю,
как бы ноги унести.
Если б доблестными звали
тех, кто кутит в кабаках,
Иль глазет на танцовщиц
в ожерельях и шелках,

Иль с любовницей встречает
розовеющий восток,—
Был бы первый средь арабов
я наездник и стрелок.

15

Я увидел Джинан,
посетила она погребенье.
И стихи произнести
повелело мне сердца биенье:
Ты печальна, луна!
Вкруг подруги в тоске собрались.
Бьет по розам ланит,
жемчуга проливает нарцисс.
Только плач не о мертвом,
кого приютила могила,
А о нищем, кого
у своих же дверей ты убила.
Я же знал: для меня
восходила сегодня луна
И красу ее скрыть
не могла темноты пелена.
Кто полюбит тебя,
осужден умирать ежечасно,
Страстно жаждать тебя
и от жажды зачахнуть безгласно.

16

Такова моя участь:
Существую, но мучась.
Мир — темницы пустей,
Нет к свиданью путей:
Стерегут, берегут —
Сторож там, сторож тут.
Вижу я, что иным
Мир уже нестерчим,—
Лучше сгинуть в аду,—
Я ж надеюсь и жду.
Шевельнуться могу,
Но, что жив еще,— лгу.

Абу-ль-Атахия

(748—825)

* * *

Добро и зло заключено
в привычках и желаньях,
вражда и дружба сотни раз
меняются местами,
и это ведает любой,
вкусивший горечь знанья,
проникший в истинную суть
того, что будет с нами.

Благоразумье нас зовет
уйти с путей позора,
но каждого сжигает жар
желанья и надежды.
Кто этой болью поражен,
да исцелится скоро,
но нет лекарства для глупца,
упрямого невежды.

Хвала аллаху — он царит,
своей согласно воле.
А люди слабые бредут,
куда — не знают сами.
Все сотворенное умрет,
крича от смертной боли.
Все гибнет, остаются сны,
таблички с именами.

Умершие отделены
от нас, живых, стеною.
Мы их не можем осязать,
не видим и не слышим.
Они ушли в небытие,
отринули земное,
они спешат на Страшный суд,
назначенный всевышним.

Над жизнью собственной своей
рыдай, дрожа от страха.
К чужим гробам не припадай
в рыданиях безутешных.
Молю простить мои грехи
всесильного аллаха.
Он милосердием велик,
а я — презренный грешник.

О, сколько раз ты уходил
с путей добра и света,
о, сколько раз ты восставал
душою непокорной!
Ты жил блаженствуя. Теперь
не жалуйся, не сетуй,
плати за все. Таков удел,
безвыходный и скорбный.

Не слушает бесстрастный рок
твоей мольбы и плача.
Он сам решает — жить тебе
иль умереть до срока.
Твое страданье и восторг,
утрата и удача —
забавы жалкие в руках
безжалостного рока.

* * *

Наше время — мгновенье. Шатается дом.
Вся вселенная перевернулась вверх дном.

Трепещи и греховные мысли гони.
На земле наступают последние дни.

Небосвод рассыпается. Рушится твердь.
Распадается жизнь. Воцаряется смерть.

Ты высоко вознесся, враждуя с судьбой,
но судьба твоя тенью стоит за тобой.

Ты душой к невозможному рвешься, спеша,
но лишь смертные муки познает душа.

* * *

Плачь, ислам! Нечестивы твои богословы.
Извращают основы твои, блудословы.

Несогласных клянут и поносят они.
Свою ложь до небес превозносят они.

На кого нам надеяться ныне, скажи?
Как нам веру очистить от злобы и лжи?

* * *

Ты, что ищешь у мудрого пищи уму,
помни: знание— огонь, разгоняющий тьму.

Знание — корень, по каплям набравший воды,
чтоб листва зеленела и зрели плоды.

Не завидуей богатым, заносчивым, сытым —
ведь за все расплатиться еще предстоит им.

Нас, доверчивых, вечное Время обманет:
поначалу усладами жизни поманит.

А потом нас в могилы уложит оно,
и отцов и детей уничтожит оно.

Все людские страдания Время творит.
В мире только оно надо всеми царит.

* * *

Безразличны собратьям страданья мои,
мои беды, невзгоды, рыданья мои.

Пусть клянут, попрекают любовью к тебе —
что им горести, муки, желанья мои?

Ненасытна болезнь моя, старый недуг,
безнадежны, пусты ожидания мои.

Все постыло вокруг, если ты далеко.
Без тебя — я в изгнании, в небытии.

Иссыкает терпенье, безмерна печаль.
Мне бальзам утешенья открой, не таи.

Неотступна тоска, и кручина горька.
Возвратись и живую водой напои.

Просыпаюсь один — у постели стоят
ожиданья, желанья, терзанья мои!

* * *

Я ночи провожу в огне —
меня подушка обжигает.
Душа застыла, как во сне,
и лишь от боли оживает.
Как будто в кровь мою проник
заимодавец, ростовщик —
он к ожиданью не привык,
меня, как губку, выжимает.
Любимая, за счастья миг
расплачиваюсь без конца.
Найдешь ли нового глупца,
кто этой доли пожелает?

* * *

Закрывшись плащом,
проклиная бессилье,
как часто я плакал
в плену неудач!

Друзья укоряли,
стыдили, твердили:
«Не смей раскисать,
не сдавайся, не плачь!»

А я объяснял им,
что слезы — от пыли,
что я в запыленный
закутался плащ.

* * *

Ей, не верящей мне, скажи:
мое сердце в огне, скажи.
То не бог испытал меня,
злбный рок истерзал меня.
Разум мой охватила тьма.
Исцели, не своди с ума!
Исстрадаюсь, отчаюсь я,
За себя не ручаюсь я!

* * *

Могу ли бога прославлять,
достоинство забыв,
за то, что ты, его слуга,
заносчив и чванлив?

Свое ты сердце превратил
в унылую тюрьму,
а годы прожитые — в дань
тщеславию своему.

Зачем, безумец и гордец,
идешь путями зла?
Все достояние твое —
могильная зола.

Умей обуздывать себя,
не поддавайся лжи.

Храни терпенье, человек,
и правдой дорожи.

Воздержан будь — и от беды
смирение спасет,
и будь возвышен добротой —
ведь нет иных высот!

Не состязайся с дураком,
что знатен и богат.
Убогий праведник-мудрец —
тебе названный брат.

Желаешь временных услад —
теряешь время зря.
Минутной пользы не ищи,
она источник зла.

Благая, истинная цель
к деянью будит нас.
Поступки взвешивает бог,
когда он судит нас.

К земным богатствам не тянись,
к презренной суете,—
твоя бессмертная душа
томится в нищете!

* * *

Кто поднимет из тьмы
обитателей тесных могил,
самых близких, погибших
в расцвете здоровья и сил?
Разве я их узнаю при встрече,
восставших из праха,
если б чудом неслыханным
кто-нибудь их воскресил?

Кто ко мне позовет их,
завернутых в саван немой?

Разве в бездну могилы
 доносится голос земной?
Не зовите напрасно.
 Никто не приходит оттуда.
Все уходят туда —
 не ищите дороги иной.

Эй, живой человек!
 Посмотри на себя — ты мертвец.
Жизнь истрачена вся.
 Наступает обычный конец.
Седина — твой убор головной,
 ослепительно белый.
Унеслась наша молодость,
 время горячих сердец.

Твои сверстники умерли —
 ищут обещанный рай.
Обогнали тебя, обошли,
 торопись, догоняй.
На земле для тебя, старика,
 ничего не осталось —
ни надежды, ни радости.
 Времени зря не теряй!

Собирайся в дорогу, пора.
 В вековую тьму.
Путь последний тебе предстоит.
 Приготовься к нему.
Все имущество брось —
 и воистину станешь богатым.
Презирай богача —
 это нищий, набивший суму.

Собирайся, не медли,
 не бойся отправиться в путь.
Не надейся, что будет отсрочка,
 об этом забудь.
Поддаваться греховному зову —
 постыдное дело.
Обуздай свои страсти
 и высшее благо добудь.

Тот, кто истины жаждет,
найдет путеводный маяк.
О слепые сердца! Прозревайте —
рассеется мрак.
Удивляет меня горемыка,
отвергший спасенье,
и счастливец, на время спасенный
от всех передраг.

Удивляют меня
беззаботно слепые сердца,
что поверили выдумке:
жизнь не имеет конца.
Новый день приближается —
всадник на лошади белой.
Он спешит. Может быть, это смерть
посылает гонца.

Твоя бренная жизнь —
подавание божьей руки.
Неизбежная смерть —
воздаянье тебе за грехи.
Обитатель подлунного мира!
Вращается время,
словно мельничное колесо
под напором реки.

Сколько стен крепостных
уничтожил безжалостный рок,
сколько воинов он
на бесславную гибель обрек!
Где строители башен,
где витязи, где полководцы?
Улыбаясь, молчат черепа
у обочин дорог.

Где воители стойкие,
доблести гордой сыны,
чье оружие сеяло смерть
на равнинах войны?
Где вожди, созидатели,
где повелители мира,
властелины вселенной?
Закопаны, погребены.

Где любимцы собраний —
о них не смолкала молва.
Словно заповедь божью,
народ принимал их слова.
Где кумиры толпы?
Стали просто комочками праха,
сквозь которые ранней весной
прорастает трава.

На престоле небес
восседает предвечный аллах.
Он карает, и милует,
и обращает во прах
непокорных глупцов,
и на небо возносит достойных.
Он велик. Ему равного нет
в бесконечных мирах.

Для любого из смертных
он выделил долю его.
Кто посмеет судить
справедливую волю его?
Ограждая от гибели,
от заблуждений спасая,
нас к единственной истинной цели
ведет божество.

Остаетесь глухими,
беспечно живете, друзья?
Подступают последние сроки,
расплатой грозя.
Позабудьте соблазны —
внемлите разумному зову.
Приближается время возмездия,
медлить нельзя.

Безвозвратно ушедшие
в лоно могильной земли!
В этом новом жилище
какое вы благо нашли?

Все теперь вы равны,
и у всех одинаковы лица,
хоть по-разному вы
к завершению жизни пришли.

Обитатель могилы!
Забыл ты земное житье.
Заколочены двери
в немое жилище твое.
Даже с мертвыми,
спящими рядом с тобой, по соседству,
ты не вправе общаться,
низринутый в небытие!

Сколько братьев своих
я оплакал и в гроб положил!
Сколько раз я их звал
возвратиться из темных могил!
Брат мой! Нам не помогут
напитки, еда и лекарства.
Жизнь уходит,
по капле бежит, вытекая из жил.

Брат мой! Ни ворожба,
ни заклятие, ни амулет
не спасли от гибели,
не дали помощи, нет.
Брат мой! Как тебе спится
на каменном ложе подземном,
как живется в последнем убежище?
Дай мне ответ!

Я пока еще жив,
еле вынес разлуку с тобой.
Я горюю один
над твоей безысходной судьбой.
Ведь кончина твоя
стала смертным моим приговором.
Жду последнего дня —
полуертвый и полуживой.

Плачет сердце мое,
разрывается сердце, дрожа.
Припадаю к могиле,
едва от рыданий дыша.
Брат мой милый,
навек ушедший, единственный
брат мой!
Вспоминаю тебя —
каменеет от боли душа.

* * *

Ненасытная жадность, проникшая в души,
их мертвит и сжигает, калечит и сушит.
Жадный чахнет, желтеет и сохнет от муки,
он не спит, домогаясь богатства и власти,
к недоступному тянет дрожащие руки...
Но разумный не станет рабом этой страсти.

Жадный сам себя мучит, своею рукою,
не получит ни радости он, ни покоя,
ибо алчность плодит пустоту и невзгоды,
алчность хуже чумы и страшнее проказы.
Ни арабы мои, ни другие народы
не спаслись от прилипчивой этой заразы.

Что ты землю несатыми взглядами меришь?
Не томись. Удовольствуйся тем, что имеешь.
Твой недуг — сребролюбье. Ты жадностью болен.
Эта мука тебя истерзает, изложет.
Если ты достояньем своим недоволен,
то все золото мира тебе не поможет.

Если ты ненавидишь людей, одинокий
захлебнешься, утонешь в грехе и пороке.
Ты напрасно жилище просторное ставишь.
Неизбежная смерть по-иному рассудит —
ты убогого склепа хозяином станешь,
а добро, что копил ты, разграблено будет.

Смертный! Юность прошла, ее нет и в помине.
Да пройдут и тщеславье твое, и гордыня.

Твой дворец обернется обителью плача,
все разрушено и обесславлено будет.
Все, что ты собирал, крохоборствуя, пряча
от враждебного глаза, разграблено будет.

Понадейся на завтра — дождешься обмана,
ибо Время изменчиво, непостоянно.
Избегай недоверья, сомнений безумных,
поступай справедливо — отхлынут печали.
Когда смотришь на город, веселый и шумный,
помни: кладбище это, где скорбь и молчанье.

Видел я: благородный склонялся покорно
перед волей ничтожного. Нет, не позорна
эта слабость, смиренное это деянье.
Но позорно стократ, если здесь, в наше время,
бедных, сирых, отверженных без состраданья
обирают хапуги... Презренное племя!

Избегай сребролюбца — снаружи он кроткий.
Что гнуснее его осторожной походки?
Избавляйся от скряги! Он хуже, чем язва,
он опасней чумы и противней чесотки.

* * *

От жизни до смерти — один только шаг.
Любой из живых превращается в прах.

Извечное Время — учитель жестокий,
но пользу немногим приносят уроки.

Извечное Время — пророк, и мудрец,
и лучший наставник заблудших сердец.

Но ты его слову не внемлешь, бедняга,
и долгую жизнь считаешь за благо.

Стремясь пересилить карающий рок,
познания из опыта ты не извлек.

И Времени голос — разумное слово —
не тронул тебя, безнадежно глухого.

О, если б ты выслушал Времени зов!
Он горечи полон, правдив и суров.

А ты отдаешься бездумным уладам.
Ты смерти не ждешь, а она уже рядом.

Ты истины мира сего не постиг,
Ты жаждал всего — ничего не достиг.

Живешь во дворце, ненадежном и брэнном, —
готовься к неожиданным, дурным переменам.

Безносая скоро придет за тобой.
Найдешь ли за гробом желанный покой?

Не скрыться от гибели, смертный лукавый, —
повсюду дозоры ее и заставы.

Зачем ты поддался обману, мой брат?
Ведь разумом ты от природы богат.

Ты знал, что подлунная жизнь мимолетна,
но мысли об этом отверг беззаботно.

А смерть перед нами с косою своей.
Мы все — достоянье могильных червей.

Готовься к минуте последней и грозной,
одумайся, брат мой, покуда не поздно!

Спеши, не пускай суету на порог!
Покайся — вокруг торжествует порок.

Я тоже виновен, я — грешник беспечный.
Я завтра низринусь во мрак бесконечный.

Как медленно близится гибельный миг,
предел и вершина страданий моих!

Храни же меня перед бездной незримой,
мой разум бесстрашный и неколебимый.

Я вспомнил далекие юные дни —
весеннему саду подобны они.

Я все расточил. Ничего не осталось
на долю твою, горемычная старость.

* * *

Вернись обратно, молодость!
Зову, горюю, плачу,
свои седые волосы
подкрашиваю, прячу,
как дерево осеннее
стою, дрожу под ветром,
оплакиваю прошлое,
впустую годы трачу.
Приди хоть в гости, молодость!
Меня и не узнаешь,
седого, упустившего
последнюю удачу.

* * *

Я искал наслаждений, но что я нашел,
кроме бед и забот, кроме горя и зол?
Горький труженик, я ничего не добился.
Разве я хоть подобье покоя нашел?

Обратился я к вере, отшельником стал.
Мимолетные блага ценить перестал.
Суеты и страстей сторонюсь, как заразы.
Прозевал свое счастье, удачу проспал.

Я мираж догонял, выбивался из сил.
Я за каждую радость печалью платил.
От услады любой я испытывал горечь,—
видно, в детстве еще я отраву вкусил.

Что мне дружба — усталое сердце болит,
даже друг одиночества не отдалит.
Жизнелюбы, увы, кроме гибели скорой,
вам безжалостный рок ничего не сулит.

Я гляжу в глубину моей горькой души,
постигаю себя в одинокой тиши.
Что дороже смирения и бескорыстья?
Эти блага бесценны, всегда хороши.

Удовольствуюсь малым — достойный удел.
Удаляюсь от всех человеческих дел.
Воздержание — вот добродетель и разум.
Очищение душ — в обуздании тел.

Жизнь изведав, соблазны давно одолев,
укротив даже зверя по имени Гнев,
предпочел я пустыню шумливому рынку,
все живое отринув, забыв и презрев.

* * *

Долго я веселился в неведенье сладком
и гордился удачей своей и достатком.
Долго я веселился. Мне все были рады,
и желанья мои не встречали преграды.
Долго я веселился. Мне жизнь улыбалась.
Все прошло. На губах только горечь осталась.

Ты, что строишь дворцы и высокие башни,
хочешь небо ладонью потрогать, бесстрашный, —
ты игрушка в руках бессердечного рока.
Он велит — и приходит погибель до срока,
и дворцы твоей славы руинами станут,
и дела твоей жизни в забвение канут.

Неужели ты думаешь: все обойдется,
смерть пропустит тебя, обойдет, промахнется?
Оглянись же вокруг! Этот мир наслаждений —
только жалкий мираж, вереница видений,
только зыбкое марево, сгусток тумана...
Неужели, слепец, ты не видишь обмана?

Разгорается смерти несытое пламя —
этот огненный зев насыщается нами.
Это наше грядущее. Нет исключений.
Впереди — ничего, кроме смертных мучений.
Обещаньям блаженства — бесчестным рассказам
не внимай никогда, если жив еще разум.

Ты упорствуешь, ты прегрешения множишь,
от безумств молодых отказаться не можешь,

воздвигаешь дворцы ради суетной славы,
тратишь силу свою на пустые забавы.
Воздавая ничтожеству славу и почесть,
ты достойного мужа теснишь и порочишь.

Но в покои твои, пламенея от гнева,
смерть внезапно сойдет, словно молния с неба.
Перед нею в последней тоске, в иступленье
ты расквесишься, ты упадешь на колени
и поймешь, полумертвый, от страха дрожащий:
все ничтожно, все временно, все преходяще.

Что сулят человеку грядущие годы?
Ничего. Только муки, обиды, невзгоды.
Не теряя надежды, живешь понемногу,
но приходит пора собираться в дорогу.
Кто из смертных сумел избежать этой доли?
Смерть не шутит сама и шутить не позволит.

Назови государство — их было немало,—
что не ггло, не рушилось, прахом не стало.
Кто из мертвых воскрес, кто сподобился чуда?
Где загробная жизнь? Кто вернулся оттуда?
Никого. Только голос из бездны зовет:
«Для последней кочевки седлайте верблюда!»

ХАЛИФУ АЛЬ-МАХДИ

Спешу, отбрасывая страх и не боясь беды,
через пустыню, где песок сметает все следы.
Меня верблудица несет, проворна и крепка,
не зная отдыха и сна, не требуя воды.
Она стремительней, быстрее рассветного луча,
она спешит, не нужно ей ни плети, ни узды.
Неси, послушная, меня, к халифу торопись,
к его богатому дворцу в тенистые сады.
Халифа щедро одарил достоинством алах
и доброй славой увенчал высокие труды.
Двойной короной наградил избранника господь.
Величье и Смиренье в ней — две яркие звезды.

Когда ярится ураган, халифа голос тверд:
«Со мною, ветер, не борись, не заводи вражды!»
Ему подобных не найду. Родители его
происхождением выше всех и отпрыском горды:

* * *

Прожита жизнь. Я не помню счастливого дня.
Нет ничего, кроме бед, у тебя, у меня.
Что будет завтра, не знаю. Сегодняшний день
празднуй, довольствуясь малым, смиренье храня.

Смерть приготовила стрелы в колчане своем,
цели для них выбирает в молчанье глухом.
Мы — обреченные. Нет избавленья от стрел.
Зря суетимся, напрасно по свету снуем.

Завтра, быть может, в Ничто откочую, мой друг.
Так для чего ж на верблюда наваливать вьюк?
Стоит ли деньги копить, выбиваясь из сил,
стоит ли гнуться под грузом позора и мук?

Те, для кого надрывался без устали я,—
кто они? Дети и внуки, родные, семья.
В землю отца положили — и дело с концом.
Что им, беспечным, печаль и забота моя?

Все, что для них накопил ты за множество лет,
то ли на пользу пойдет, то ли будет во вред —
ты не узнаешь. Так празднуй сегодняшний день.
Время уйдет, и назад не вернешь его, нет.

Правит всевышний мирами по воле своей.
Смертный, смирайся. Избегнешь ли доли своей?
Бог наделяет удачей одних дураков,
а мудрецы изнывают в юдоли скорбей.

* * *

Терпи беду любую, крепись — недолог век.
Никто из нас не вечен. Ничтожен человек.

Несчастья в этом мире бесчисленней песка.
Везде людская доля бесславна и горька.

Да можно ли на свете счастливого найти?
Таких, как мы, без счета на горестном пути.

Что может быть тоскливей, чем пыль земных
Найду ли утешенье в тебе, единый бог?
дорог?

НА ПИРУ У ХАЛИФА ХАРУНА АР-РАШИДА

Живи, пока живется, вкушай покой блаженный.
Твоим дворцам высоким нет равных во
вселенной.
Едва проснешься утром — отказа не встречаешь
желанию любому иль прихоти мгновенной.
Но в час, когда охватит тебя предсмертный
холод
и сердце затрепещет под оболочкой брэнной,
внезапно ты прозреешь, и вся земная радость
покажется убогой, ничтожной и презренной.

ХАЛИФУ АР-РАШИДУ ИЗ ЗАТОЧЕНИЯ

О Рашид! Справедливы твои повеленья.
Благородный, спаси меня, жду избавленья.

Да не знаешь ты козней завистников злобных.
Ты великий, тебе я не видел подобных.

Помоги! Я в темнице, под бременем страха.
Помоги! Я молю тебя, словно аллаха.

Каждый день в заточенье меня убивает,
а свобода — то рядом, то прочь убегает.

День за днем безнадежно уносятся годы.
Я, наверно, умру, не дождавшись свободы.

Где, всевышний, твоя справедливость хранится?
Неужели твой дар Ибрахиму¹ — темница?

Искалечена жизнь и утрачено счастье
для меня, если он в подземелье томится.

Он в оковах, во тьме, разлученный с друзьями.
Наши души в цепях, и нахмурены лица.

Нашу радость низвергли во мрак заточенья.
Чем забыться, утешиться, развеселиться?

Любимая в блеске
своей красоты!
Языческой фрески
прекраснее ты.
С тобой забываю
сокровища рая,
Эдемского края
плоды и цветы!

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Бывало, вспомню о тебе — и на душе светло.
Теперь, в печали и тоске рыдаю, вспоминая.

Бывало, радостно спешил к тебе я во дворец.
Теперь к могиле прихожу, где прах и пыль земная

Я жаждал только одного — чтоб ты подольше жил.
меня доверьем одарял, наветы отвергая.

¹ Источники сообщают, что однажды Абу-ль-Атахия узнал, что его друг, известный певец и композитор Ибрахим Мосульский (742—828), заточен халифом Харун ар-Рашидом в темницу. Абу-ль-Атахия немедленно отправился к халифу и прочитал в защиту друга это стихотворение.

Я приходил к тебе в нужде, спасенье обретал,
я был ростком, а ты — росой, меня живил, сверкая.

Ты был отрадой для друзей, неудержимо щедр,
как дождь, который туча шлет, густая, грозовая.

Ты укрывал от зноя нас, светил во тьме ночной,
и в час беды мы шли к тебе, о помощи взывая.

Ты помогал. Ты был высок — и саном и душой.
Теперь тебя покоит бог в высоком круге рая.

Ты — смертный, и тебя настиг неотвратимый рок,
от тела душу отделил, извлек ее, играя.

Не помогли тебе ни двор, ни войско, ни друзья,
ни стража, ни валы, ни рвы, ни мощь твоя иная,

и вот перенесли тебя из пышного дворца
в жилище новое, где глени, и прах, и пыль земная,

и дверь, забитая землей, — ни сдвинуть, ни
раскрыть —
застыла, Страшного суда недвижно ожидая.

И опустели навсегда дворцы, что ты возвел,
и в яме поселился ты, где затхлость нежилая.

Ты ложе мягкое свое на саван променял,
забыв о мускусе, застыл, могильный смрад вбирая.

Ты навсегда ушел в страну, откуда нет вестей.
Ты здесь чужак, хоть и лежишь в земле родного
края.

Прощай, наш доблестный эмир, защитник
рубежей.

Ты мчался в битву, ураган беспечно обгоняя.

Прощай! Найдется ли когда подобная твоей
отвага дерзкая в бою и ярость огневая?

Прощай! Не в силах мы тебя достойно
восхвалить —
нет лучшей славы на земле, чем жизнь твоя
благая.

Ты нас за гробом ожидай. Ведь следом за тобой
мы скоро двинемся, хвалу предвечному слагая.

САТИРА ПОД ВИДОМ ПОХВАЛЫ

Хвала скупцу за добрые дела —
не грабит он, не причиняет зла.
Меня осыпал щедрыми дарами —
за широту души ему хвала.
Мне, недостойному, такие блага
его рука радушная дала!
Какая честь мне выпала на долю —
мне подали еду с его стола!
А он об этом не подозревает,
великодушный, скромный, как пчела.

* * *

Меня спросил Ахмад
с тоской и болью:
«Ты любишь Утбу
истинной любовью?»
И я ответил
словом откровенным:
«Моя любовь, как кровь
бежит по венам.
А сердце у меня —
дотронься! — в ранах
бесчисленных,
кровоточащих, рваных.
Напрасно извожу
врачей бессильных —
меня излечит
холод плит могильных.

Меня лишь саван,
 гладко отбеленный,
избавит от любви
 неразделенной.
Чужого Утба
 привечает нежно.
Пока живу —
 страданье неизбежно».

* * *

Сколько дней я повсюду собрата искал,
человека с утра до заката искал.
Вместо дружбы нашел я одно вероломство,
вместо доброй улыбки — звериный оскал.

О моих недостатках крича и трубя,
себялюбцы безгрешными числят себя.
Лицемеры в глаза улыбаются сладко,
отвернешься — как змеи ужалят шипя.

Полон мир нечестивых, спесивых людей,
льстивых, лживых, корыстолюбивых людей.
Вседержитель! Меня огради, милосердный,
от фальшивых, от себялюбивых людей!

*Абу-т-Майиб,
аль-Мутанабби*

(915—965)

1

Доколе, живя в нищете, бесславную долю
Ты будешь покорно сносить,— доколе, доколе?

Ведь если ты честь обрести не сможешь в сраженье —
То, чести не обрета, умрешь в униженье.

Так, веруя в бога, лети с оружием в руках:
Для гордого гибель в бою — как мед на устах!

2

О, сколько вас, подобно мне, израненных, убитых
Девичьей шею белизной, румянцем на ланитах

И блеском этих глаз, больших, как у степных коров,—
Вконец измучен, из-за них погибнуть я готов.

Чудесна юность, славно жить, пока ты молод, витязь,—
О дни в Дар-Асла, часы любви, вернитесь, возвратитесь!

Пусть жизнь твою продлит аллах, — пока ты бодр и юн,
Немало в бусах и платках встречаешь гордых лун.

Вонзая острия ресниц, на стаи стрел похожи,
Их взоры рванят нам сердца, хоть и не рванят кожи.

Тягучими глотками пьют они из губ твоих,
И слаще фиников уста красавиц молодых.

Они стройны, нежней вина, но в них и сила скрыта:
Их своенравные сердца — из крепкого гранита.

А волны их волос черней вороньего крыла,
И ни морщинки на лице судьба не провела.

О, запах девичьих волос, — как бы в одном настое
В нем с маслом розовым слились и амбра и алоэ.

Улыбку дарит нам она прохладным тонким ртом,
И мускус локоны струят, играя с ветерком.

Давно, красавица, с тоской сдружила ты Ахмада,
С бессонницей — его глаза, а тело — с мукой ада.

Тебе — все естество мое, тебе — и сон и явь,
Твори, что хочешь: боль мою убавь или прибавь.

Не может не страдать герой, добычей став твоею:
Я пленник локонов твоих и этой гибкой шеи.

Пить не грешно хмельную кровь из виноградных лоз, —
Так напои того, кто в дар любовь тебе принес.

Явился я в расцвете сил — и все, чем я владею,
Всего себя отдам тебе, от страсти пламенея.

К сединам ранним приглядишь, к слезам и к худобе:
Они — свидетели любви, моей любви к тебе.

Коль ты порадуешь меня хоть кратким единеньем,
Три дня отказа я снесу с безропотным терпеньем.

В цветущем Нахле жизнь моя сурова и мрачна,
Как в Иудее — жизнь Христа в былые времена.

Моя подушка — круп коня, зато крепка, упруга
Рубахой служащая мне отменная кольчуга.

Она красива и прочна, блестит, глаза слепит,
Как будто кольца сплел ее когда-то сам Давид.

Я — щедрости родной близнец, я — властелин
созвучьям,
Отрава недругам, позор завистникам живучим.

И лишь в общине у себя, — Всевышний ей судья! —
Как Салих жил среди самудян, живу, отвержен, я.

3

Постойте, увидите ливень мой, — тучи уже собрались,
И не сомневайтесь: тому не бывать, чтоб эти слова не
сбылись.

Ничтожества камни швыряют в меня — их камни, как
вата, легки,
И, метясь в меня, лишь себя поразят лжецы и
клеветники

Не зная меня, не знают они, что суть им моя не видна,
Неведомо им, что ведома мне незнания их глубина,

Что я, даже всею землей овладев, сочту себя бедняком,
И, даже созвездия оседлав, сочту, что бреду пешком.

Для мыслей моих ничтожно легка любая высокая цель.
Для взоров моих ясна и близка любая из дальних
земель

Я был величавой, крепкой горой, но, видя повсюду гнет
Почувствовал я, как в моей душе землетрясение растет.

Тогда от гнева я задрожал, грозною думой объят,
Подобно верблюдцам, чьи бока при каждом звуке
дрожат

Но только опустится мрак ночной, искры от их копыт
Так ярко дорогу нам озарят, как факел не озарит.

На быстроногой верблюдице я — словно на гребне валов
Меня устремляющих по морям, которым нет берегов.

Проносится весть обо мне быстрее, чем среди
сплетниц — слух,
И, в тысячи жадных ушей превратясь, страна затаила
дух.

Кто ищет величья и славы такой, какую хочу обрести,
Уже не заботится, жизнь или смерть его ожидают в пути

О нет, кроме гибели ваших душ, не знаем мы цели иной,
А средство, чтоб цели этой достичь,— только клинок
стальной

Приходит меч,— и время в душе расстаться с жильем
земным
Уходит меч,— и даже скупой не будет больше скупым.

Скудна будет жизнь, если гордость свою не утолю
сполна,
Но скудной не станет она оттого, что пища моя скудна.

4

Абу Саид, упреки оставь,— ведь ты не из тех глупцов,
Кто заблужденья и ложь принять за истинное готов.

Правители сами закрылись от нас, их нрав уж давно
таков,
Поставили стражу, чтоб нас не пускать за полог своих
шатров

Но бешеный бег арабских коней, разящая сталь клинков
И копий каленые острия сорвут перед нами покров!

5

Непрошеным гостем пришла седина, окрасила кудри
до плеч
Уж лучше бы сразу в багряный цвет их перекрасил меч.

Исчезни, сокройся, сгинь, белизна, блее которой нет,—
Безрадостней ночи для глаз моих этот печальный цвет.

Разлука с любимой — вот пища моя, тоскою мой дух
томим,
Ребенком я был, когда полюбил, а к зрелости стал
седым.

Увижу чужого становья след — о ней расспросить хочу,
Увижу чужих, незнакомых дев — и сердцем кровоточу.

В тот день, навсегда расставаясь со мной, горько
вздохнула она
О том, что душа нерушимо верна, а встреча —
не суждена.

Слились наши губы,— и слезы мои стремились
к ее слезам
И, страх поборов, устами она припала к моим устам.

Сок жизни вкусил я из уст ее,— в нем столько
живящих сил
Что, если б на землю пролился он, мертвых бы
воскресил!

Глазами газели глядела она, а пальцы, как стебельки,
Стирали струистой росы ручейки с ее побледневшей
щеки

Но мне приговор выносить не спеши,— любимая,
ты не права.
Дороже мне твой приговор, поверь, чем вся людская
молва.

Ты страхом охвачена,— этот страх не в силах
и я подавить.
Но боль я скрываю в своей душе, а ты не умеешь
скрыть.

А если бы скрыла,— сгорела бы вмиг одежда твоей
красоты
В одежду отчаянья так же, как я, тотчас
облеклась бы ты

Пустыми надеждами тешить себя не стану я все равно,—
Уменье довольствоваться нуждой душе моей не дано.

Не жду, что страдания и беды решат меня стороною
обойти,
Пока я твердостью дум своих не прегражу им пути.

Жестокие ночи кляни,— в нищету меня повергли они,
Прости же оставшегося ни с чем, безвинного не кляни.

Достойных искал я среди людей, а только овец нашел,
О щедрости слышал много речей, но только слова обрел.

Таких я увидел, что честью бедны, зато богатством
горды,—
Не нажили столько чести они, сколько я нажил нужды.

Я дольше всех терпеливых терпел, теперь устремляюсь
в бой,
И знайте: сравниться с боем моим не сможет бой
никакой.

Когда над равнинами в полный рост выпрямится война,
Коней заставлю я побледнеть — так будет она страшна.

Удары посыплются скоро на них,— и, криками
оглушены,
Как в буйном безумии, задрожат и захрапят скакуны.

Жестоко изранены будут они, их участь невесела —
Как будто стебли горькой травы опутают их удила.

Сегодня любой обнаженный меч ждет, что ему передам
Державу, отданную во власть наемникам и рабам.

Считает излишними старец-меч пять ежедневных
молитв:
Готов даже в храме он кровь пролить, жаждет великих
битв.

В разгаре сраженья этим мечом вражеских львов бодни,
Не меч отпрянет от их брони — сами отпрянут они.

О молниях в небе заставит забыть молния в длани моей,
И долго пропитанной кровью земле не нужно будет
дождей.

Черпни из источников смерти, душа, к цели себя
направь:
А овцам и страусам — жалким сердцам — источники
страха оставь.

И если в сраженье тебя не пушу, с копьём, на лихом коне,
Отваги и славы братсн родным больше не зваться мне!

В дни, когда голодно воронье и яростна жажда клинка,
Тому ли царить, кто лишь мяса кусок, что ждет топора
мясника?

Такой, и во сне меня увидав, от страха уже не уснет,
А если за воду примет меня, охотней от жажды умрет.

Назавтра встретиться предстоит отточенному мечу
С владыками теми, чью ложь и спесь давно усмирить
хочу.

Смирятся они,— тогда ни к чему карающий блеск мечей,
А не смирятся,— так мало мечей для этих упрямых
шей!

6

До каких я великих высот возношусь
И кого из владык я теперь устрашусь,

Если все на земле, если все в небесах —
Все, что создал аллах и не создал аллах,

Для моих устремлений — ничтожней, бедней,
Чем любой волосок на макушке моей!

7

Абу Абдалла Муаз, ведомо ли тебе,
Место какое займу в близящейся борьбе?

Ты о великом сказал,— ради него и борюсь,
Ради него в бою гибели не побоюсь.

Разве такой, как я, станет покорно страдать
Иль устрашится лицо смерти своей увидеть?

Если б явиться ко мне Время само могло,
Меч раскроил бы мой в гнев его чело.

Нет, не достичь ночам темных желаний своих —
Жизни моей узду руки не схватят их.

Конница в тысячи глаз будет глядеть на меня,—
Ужасов ждите тогда во сне и при свете дня!

8

Кинжалы огня с моего языка срываются, как с кремня,
Приходит ко мне от разума то, чему не уйти из меня,—

Море! Бездонна его глубина, бьет за волной волна,
Всю Землю и Семь Небес затопи — не вычерпать их
до дна.

Я сам приказываю себе,— и если пора придет
В жертву свое естество принести, такой, как я, принесет!

9

Вкусней, чем за старым вином с друзьями сидеть
Милей, чем ударами чаш обмениваться на пиру,
вечеру,

Ударами пик и мечей обмениваться в бою
И первым на вражий строй скакать в боевом строю.

В сраженье окончить жизнь — желанная цель моя,
Исполнить желанье души — не в этом ли смысл бытия?

Но если охотно вино возьму я из чьих-то рук,
Так только из рук твоих, Абу Дабис — мой друг.

Того, кто вам будет служить, о львы Фарадуса,
скажите,—
 Не станете вы унижать, своим уваженьем почтите?

Вперед ли, назад ли гляжу — везде ожидаю несчастий:
 Воров и врагов я боюсь, боюсь ваших гибельных пастей.

Не лучше ль в союз нам вступить, не сходны ли наши
желанья,—
 Ведь знаю немало путей, где можно сыскать пропитанье.

Со мной бы вам славно жилось: могли б вы питаться
повсюду
 И тем, что добудете вы, и тем, что для вас я добуду.

О сердце, которое не веселит чаша с хмельною влагой,
 О жизнь, что подобно скудным дарам, поданным
жалким скрягой!

О век, о ничтожные люди его — презренные, мелкие
души,
 Хотя иногда и вселяетесь вы в огромные, важные туши.

Но знайте: я — не из их числа, хотя среди них
и живу я,—
 Не так ли земля среди грубых камней россыпь таит
золотую.

На глупых кроликов погляди, которых зовут царями:
 Раскрыты глаза у них широко, но спят они целыми
днями.

А смерть разрушает тучную плоть — бранные
их жилища,
 Хоть нет у таких иного врага, кроме их жирной пищи.

Взгляните на конницу этих владык — сражения ей
незнакомы,
 Как будто копыя ее бойцов сделаны из соломы.

Ты сам — свой единственный друг, а не тот, кого
называешь другом:
Пускай он любезен, пускай на словах готов он к любым
услугам.

Когда берутся закон блюсти без разума и без толку,
Не падает меч на шею того, кто меч точил втихомолку.

Подобное ищет подобья себе,— и, этот закон признавая,
Скажу я: таков этот мир, что ему подобней всего
негодяи.

Когда бы возвысился тот, кто душой достиг высоты
геройской,
Тогда опустилась бы мутная пыль, возвысилось храброе
войско.

И если когда-нибудь пастырем стать достойному
удалось бы,
Наверно, достойнее паствы самой пастыря не нашлось бы.

А прелесть красавиц — кто знает ее, тот скажет вместе
со мною:
Свет, а внутри его темнота — вот что она такое!

Но если молодость нас пьянит, словно хмельная чаша,
А старость печали одни сулит, то жизнь — вот
погибель наша!

Одним прощается скупость их, в других порицают
скупость:
Одним прощается глупость их, в других обличают
глупость.

Невольно сравниваю себя и тех, кто со мною рядом,—
Жить среди них такому, как я, становится сущим адом!

Что хочешь, увидишь на этой земле,— но после исканий
бесплодных
Поймешь ты, чего не хватает ей: отважных
и благородных.

Вот если бы отдали люди земле пороки и недостатки,
А взяли себе совершенство ее,— иные пришли бы
порядки!

12

Это одна бесконечная ночь или все шесть — в одной?
Уж не до самого ль Судного дня протянется мрак
ночной?

Восходят созвездия в этой тьме — как толпы
прекрасных жен
С открытыми лицами, в черных платках, в час
горестных похорон.

О том помышляю, чтоб смело в спор со смертью
вступил мой меч,
Чтоб на длинношеих лихих скакунах конницу в бой
увлечь,

Чтоб сотни хаттыйских каленых пик решимость
моя вела —
Селенья, кочевья в крови потопить, испепелить дотла!

Доколе в бездеятельности жить, а втайне пылать огнем,
Доколе медлить и медлить мне — день упускать
за днем?

Доколь от высоких дел отвлекать лучшие силы души
На рынке, где старый хлам продают, сбывать стихи
за гроши?

Ведь юность, когда миновала она, обратно уже
не позвать,
И ни один из прожитых дней не возвратится вспять.

Когда предстает перед взором моим безжалостная
седина,
Кажется мне, что ее белизна, как сумрак ночной, черна.

Я знаю: когда до предельной черты дойду
в возрастанье своем:
Начнет убывать возрастанье мое с каждым прожитым
днем.

Но разве я дальше жить соглашусь, приблизясь
к твоим шатрам,
Пока за великую щедрость, эмир, хвалу тебе не воздам?

Всевышний да благословит тот путь, который
к тебе привел,
Хотя и для лучших верблюдов он был мучителен
и тяжел.

Покамест я к Ибн Ибрагиму спешил, верблюдица стала
тоща —
Еды не осталось в ее горбе и для одного клеща.

Давно ль между нами пустыня была, огромна
и горяча,—
Мой путь сократил ее до ширины перевязи от меча.

Мой путь удалил удаленность твою, чья близость была
далека,
И близость приблизил, и стала теперь сама
удаленность близка.

Едва я прибыл к тебе, эмир, возвысил ты жизнь мою,—
Меня усадил на Семи Небесах, как будто в земном раю,

И прежде чем я поклонился тебе, улыбкой меня озарил,
И прежде чем отойти ко сну, богато меня одарил.

Причины не ведаю, кто и в чем тебя
упрекнуть бы мог,—
В своем благородстве ты сам для всех — словно живой
упрек.

Блестящая щедростью, тем, кто щедр, гордиться ты
не даешь,—
Ведь после тебя уже никого щедрым не назовешь.

Как будто щедрость твоя — ислам, и чтоб
правоверным быть,
Любою ценой не желаешь ты закон его преступить.

А как в сражении ты силен! Мгновенье — и враг сметен,
Как будто души людей — глаза, твой меч —
их последний сон.

А наконечники копий своих из тяжелых дум ты сковал —
Прямо в сердца проникают они, сражая врагов наповал.

В тот день своих боевых коней помчал
в наступленье ты —
От скачки распутались гривы их, запутались их хвосты.

И с ними в Латтакью ты гибель принес тем, кто тебя
хулил;
Кто помыслы Ада против тебя в сердце своем копил.

Два моря встретились в этот день — грозный
из грозных дней:
С запада — море кипящих волн, с востока — море коней.

Реяли стяги на буйном ветру в руках твоих смельчаков,
И бушевали, слепили глаза волны стальных клинков.

Как диких верблюдов строптивый нрав — упрямство
вражьих сердец,
Но самый лучший погонщик — меч, и ты их смирил
наконец.

Сорвал ты одежды безумья с них, пресечь заблужденья
смог,
В одежду покорности вражий стан ты твердой рукой
облек.

Но не добровольно решили они главенство свое
уступить,
И не из любви поспешили они любовь к тебе изъявить,

И, не тщеславье свое обуздав, склонились они, сдались,
Не ради счастья тебе служить в покорности

покаялись,—

Лишь страх пред тобою остановил их дерзостные мечи,
Он бурю стал — и рассеял их, как облако саранчи.

Раньше, чем смерть сокрушила врагов, ты страхом
их сокрушил,
И раньше, чем их воскрешенье пришло,
ты их воскресить решил.

Ты в ножны вложил беспощадный меч, расправы
не учинил,
Смирились они, а не то бы врагов ты стер, как следы
чернил.

Ведь самый грозный, но быстрый гнев, как бы он
ни был силен,
Будет наследственной добротой и мудростью побежден,
Но пусть не сумеют тебя обольстить их дружеские
языки,—
Послушные вражеским, злым сердцам, от правды
они далеки.

Будь словно смерть,— не станет она плачущего щадить.
Когда к человеку решит прийти жажду свою утолить.

Рубец не срастется, если под ним здоровой основы нет.
И рана откроется все равно, пусть через много лет.

Трусливого недруга сон ночной навряд ли будет глубок.
Если охапку колючих ветвей подстелешь ему под бок.

Во сне он увидит в почках своих копыя твоего острие,
И как не страшиться ему наяву увидеть твое копьё!

Спросил ты, Абу-ль-Хусейн: а зачем я славил владык
других?
Ведь даже припасов я не получил, когда уезжал от них.

Они-то думали, что про них хвалебную речь веду,
Но знай, воспевая достоинства их, тебя я имел в виду.

Твой стан послезавтра покину я — скитальца дорога
ждет,
Но сердце мое от шатра твоего теперь далеко не уйдет.

Останусь влюбленным верным твоим, скитаясь в чужой
дали,
Останусь счастливым гостем твоим в любом из краев
земли.

13

О помыслах великих душ могу ли не скорбеть я?
Последнее, что помнит их,— ушедшие столетья.

Ведь люди при царях живут,— пока стоят у власти
Лишь инородцы да рабы, не зная арабам счастья.

Ни добродетелей у них, ни чести, ни познаний,
Ни верности, ни доброты, ни твердых обещаний.

В любом краю, где ни шагну, одно и то же встречу:
Везде пасет презренный раб отару человечью.

Давно ль о край его ногтей писец точил бы перья,
А ныне он на лучший шелк глядит с высокомерьем.

Я на завистников смотрю, как на ничтожных тварей,
Но признаю, что я для них подобен грозной каре.

Как не завидовать тому, кто высится горою
Над человеческой толпой, над каждой головой!

Вернейший из его друзей пред ним благоговеет,
Храбрый, видя меч его, сражаться не посмеет.

Пускай завистливой молвы ничем не остановишь,
Я — человек, и честь моя — дороже всех сокровищ.

Богатство для скупых — беда. Не зрит их разум слабый:
Таких скорбей и нищета в их дом не принесла бы!

Ведь не богатство служит им, они богатству служат,
И время рану исцелит, а подлость — обнаружит.

14

Гордиться по праву может лишь тот, кого не сгибает
гнет,
Или же тот, кто, не ведая сна, с гнетом борьбу ведет.

То не решимость, если в душе нет силы на смелый шаг.
То не раздумье, если ему путь преграждает мрак.

Жить в униженье, покорно глядеть в лицо источнику
зла —
Вот пища, что изнуряет дух и иссушает тела.

Низок смирившийся с этой судьбой, подл, кто
завидует ей,
В жизни бывает такая жизнь, что смерти любой
страшней.

Благоразумием прикрывать бессилье и страх души —
Такие уловки только для тех, в ком чести нет, хороши.

Низких людей и унизить легко, сердцам их неведом
стыд,—
Мертвому телу уже ничто боли не причинит.

Нет, не под силу нынешним дням стать препятствием мне,
Каждый мзня благородным сочтет, кто благороден
вполне.

Так величава моя душа, что я — под ее стопой,
Подняться же до моей стопы не в силах и род
людской.

Стану ли, друг, наслаждаться я на груде горящих углей,
Стану ли, друг, домогаться я цепей для души моей —

Вместо того, чтобы блеском мечей рассеять угрюмый
мрак,
Воспламенить и Хиджаз и Неджд, всю Сирию, весь
Ирак!

15

То воля Рахмана: владеть и господствовать буду,
Но где ни явлюсь я — завистников слышу повсюду.

Как смеют себя курейшитами звать святотатцы —
Могли б и евреями и христианами зваться!

И как они только из пыли ничтожной возникли?
Как власти добились и цели далекой достигли?

Когда же появится тот, кто рассудит по чести:
Насытит мякиною их, отберет их поместья,

Кто в грозном огне их рога переплавит в оковы
И ноги скует,— чтоб уже не возвысились снова?

Вы лжете! Давно ль вы Аббасу потомками стали?
Ведь помнится, люди еще обезьян не рождали.

Ужель никому не поверим — ни бесам, ни людям,
А верить лишь нашим обманам и росказням будем?

Мой слух оскорблен Абу-ль-Фадля постыдною
Презренному недругу этой касыдой ответчу. речью —

Хотя он ни гнева, ни даже насмешки не стоит,
Но вижу, что разум ничтожного не успокоит.

16

Кто всех превосходит, в того наш век безжалостно
А мыслей лишенный — лишен и забот,— такие мечет стрелы,
останутся целы.

Увы, мы в такое время живем, что всех уравнивать бы
И пагубней это для гордой души, чем злейший недуг хотело,
для тела.

Я в нынешней жалкой породе людей горько
Не спрашивай «кто?», узнавая о них: ведь разум им разочарован,—
не дарован.

Нет края, куда я приехать бы мог, опасности
Повсюду от злобы кипят сердца, везде на вражду не подвергаясь:
натыкаюсь,

Сегодня любой из властителей их, каких я немало
Достойней удара по голове, чем богомерзкий идол. видел,

Но многое я соглашусь простить, за что их ругал,
Себя принужден я ругать за то, что время на ругань а в придачу
трачу. трачу.

Ведь тонкие знания для дурака, погрязшего
Как для безголового ишака — узорчатые поводиья. в чревоугодь,

Бывал я и с теми, что к скудной земле пригвождены
Обуты они только в липкую грязь, одеты в тряпье нуждою,—
гнилое. гнилое.

Бывал с разорителями пустынь,— они голодны и нищи,
Готовы и яйца ящериц есть, считая их лакомой пищей.

Украдкою выведать, кто я такой, немало людей хотело,
Но правду скрывал я, чтоб мимо меня стрела подозренья летела.

Не раз и глупцом притворялся я, в беседу с глупцом вступая,
А иначе мне бы наградой была лишь злоба да брань тупая.

Коверкал слова, чтоб они не смогли мой род опознать при встрече,
Хоть было и невоготу сносить их грубое просторечье.

Любую невзгоду способны смягчить терпенье и неустрашимость,
А грубых поступков следы стереть сумеет моя решимость.

Спасется, кто смело навстречу идет опасностям и потерям,
Погибнет, кто силы свои связал трусостью и малозерьем,

Богатство одежды не тешит тех, чью душу
псработили,—
Красивому савану рад ли мертвец в темной своей
могиле?

Как велико и прекрасно то, чего домогаюсь страстно! —
Судьбу за медлительность я клянусь — ждать не хочу
напрасно.

Хоть кое-кого и восславил я, хоть я и спокоен с виду,
Но время придет — я еще им сложу из грозных коней
касыду.

Разящие рифмы в пыли загремят, обученные
сражаться,—
От этих стихов головам врагов на шеях не удержаться!

В бою я укрытый не признаю — бросаюсь в гущу
сраженья,
Меня к примиренью не склонят обманы и обольщенья.

Свой лагерь в пустыне расположу, под зноем степных
полудней,
И будет усобица все страшней, а ярость — все
безрассудней.

Но предков святые заветы живут! И счастлив я,
не лицемеря,
Судье аль-Хасибу хвалу воздать за верность Закону
и Вере.

Храня добродетели, над страной простерлась его опека,
Отец для сирот он, источник добра для каждого
человека.

Премудрый судья, если спутать в одно два самых
нсясных дела,
Способен — как воду и молоко — их разделить умело.

Как юноша, свеж он, заря далека его многодумной ночи,
Он долго дремать не дает глазам, разврата и знать
не хочет.

Он пьет, чтобы жажду слегка утолить, но чтоб
не разбухло тело,
А ест, чтобы силы в нем поддержать, но лишь бы оно
не толстело.

Открыто ли, тайно ли — правду одну искренне
говорящий,
И даже порой ради правды святой себе самому
вредящий,

Смелей, чем любые из древних судей, свой приговор
выносящий,
Глупца защищающий от хитреца — таков ты, судья
настоящий!

Деянья твои — родословье твое. Когда б
о прославленном предке
Ты нам не сказал: «Аль-Хасиби — мой дед», —
узнали б мы корень по ветке.

Ты — туча огромная, льющая дождь, и сын
ты огромной тучи,
И внук ты, и правнук огромных туч, — таков этот род
могучий.

Поводья великих наук держа, начала времен с концами
Впервые связали твои отцы, — гордись же такими
отцами!

Как будто задолго они родились до дня своего рожденья,
А их разуменье раньше пришло, чем может прийти
разуменье,

Когда ж горделиво против врагов шли они в час
тревожный,
Деяния добрые были для них крепких щитов надежней!

О наш аль-Хасиби, при виде тебя и женщины
и мужчины
Сияют от радости и на лбах разглаживаются морщины.

А щедрость твоя! Словно весь народ, что жил и бедно
и угрюмо,
Из рук твоих черпает ныне дары от Йемена и до Рума.

В тебе все достоинства тучи есть — нет лишь потоков
грязных,
В тебе все могущества моря есть — нет лишь ветров
ненастных.

В тебе и величье и сила льва — нет только мерзкой
злости,
В тебе не найдем мы только того, что запятнать
могло бы.

С тех пор как вступил в Антиохию ты, мир и покой
воцарились,
Как будто, забыв о жестокой вражде, кровники
помирились.

С тех пор как по этим холмам ты прошел, не видно
на склонах растений,
Так часто стал благодарный люд, молясь, преклонять
колени.

Товары исчезли, базары пусты, не стало былых
ремесел,—
Твоими дарами кормясь, народ торговлю и труд
забросил.

Но щедрость твоя — это щедрость тех, кто жизни
превратность знает,
Воздержанность тех, кто земную юдоль отчизной своей
не считает.

Не помнит такого величия мир, не помнит подобных
деяний.
Да и красноречья такого нет средь всех людских
дарований.

Так шествуй и правь! Почитают тебя! Ты словно
гора — громаден.
Аллах да воздаст по заслугам тебе, блистающий духом
Хáдын!

Я с конницей вражьей, чей вождь — Судьба, упорно
веду сраженье
Один,— но нет, я не так сказал: со мною — мое
терпенье.

Я грозен и смел, но бесстрашной меня моя же
неуязвимость.
Упрямей и тверже день ото дня сокрытая в ней
решимость.

С невзгодами так расправляюсь я, что, брошены мной
во прахе,
Они вопрошают: то смерть умерла иль страх отступает
в страхе?

Бурливым потоком бросаюсь в бой, как будто две жизни
имею
Иль знаю, что жизнь у меня одна, но люто враждую
с нею.

Душе своей развернуться дай, пока еще не улетела,—
Недолго соседями в доме одном будут душа и тело.

Не думай, что слава — лишь мех с зинном, веселый пир
да певичка,
Слава — клинок, невиданный бой, с врагом смертельная
стычка,

Слава — властителям шею рубить, чтобы тяжелой тучей
Вставала до неба черная пыль за ратью твоей могучей.

Чтоб в мире оставил ты гул такой, катящийся над
степями.
Как если бы уши зажал человек обеими пятернями.

Когда превосходства не бережешь, дары у ничтожных
просишь,
Тогда превосходство тому отдаешь, кому благодарность
приносишь.

А тот, что годами копил и копил, стараясь собрать
состоянье,
Подобен тому, кто себе самому всю жизнь давал
подаянье.

Для всех притеснителей быстрый, лихой конь у меня
найдется —
С горящей ненавистью в груди витязь на нем несется.

И там, где вина не захочется им, без жалости и
прошенья
Он чашу им даст на конце копья — смертельную чашу
мщенья.

О, сколько гор, перейденных мной, горою меня
признали,
И сколько вод, переплывших мной, морем меня назвали.

И сколько бескрайних равнин я прошел, — перечислять
не буду, —
Где были холмы подобны седлу, а голая степь —
верблюду.

И чудилось часто, что с нами в путь отправились степи
и горы,
Что мы на поверхности шара — и вдаль уходят от нас
просторы.

О, сколько раз мы палящий день с ночью соединяли:
В багряных одеждах — закатных лучах были степные
дали

И сколько раз мы густую ночь с рассветом соединяли:
В зеленых одеждах был край земли — в утреннем
покрывале.

Подобен сверканью моей души блеск моего клинка:
Разящий, он в битве незаменим, он — радость для
смельчака

Как струи воды в полыханье огня, отливы его яркие,
И как талисманов старинных резьба, прожилки его
тонки.

А если захочешь ты распознать его настоящий цвет,
Волна переливов обманет глаза, как будто смеясь
в ответ.

Он тонок и длинен, изящен и строг, он — гордость моих
очей,
Он светится радугой, он блестит, струящийся, как
ручей.

В воде закалились его края и стали алмазно тверды,
Но стойкой была середина меча — воздерживалась
от воды.

Ремень, что его с той поры носил, — истерся — пора
чинить,
Но древний клинок сумел и в боях молодость сохранить.

Так быстро он рубит, что не запятнать его закаленную
гладь.
Как не запятнать и чести того, кто станет его обнажать.

О ты, вокруг меня разгоняющий тьму, опора моя в бою,
Улада моя, мой весенний сад, — тебе я хвалу пою.

О йеменский мой, ты так дорог мне, что, если б я только
мог,
Надежными ножами для тебя сделал бы свой зрачок.

Мой яростный блеск, когда ты блестяшь, это — мои
дела,
Мой радостный звон, когда ты звенишь, это — моя
хвала.

Ношу я тебя не затем, чтобы всех слепила твоя краса,
Ношу наготове тебя, чтоб рубить шеи и пояса.

Живой, я живые тела крушу, стальной, ты крушишь
металл,
И, значит, против своей родни каждый из нас восстал.

Когда после скачки молнией ты в Неджде начнешь
блистать,
Народы живительного дождя будут в Хиджазе ждать.

19

Когда ты рискуешь жизнью своей ради желанной чести,
Ничем довольствоваться не смей, что было бы ниже
созвездий.

Пойми: ради малого ты умрешь или ради великого
дела —
Рано иль поздно смерть все равно пожрет это брненное
тело.

Будут рыдать о моем коне, о резвом моем жеребенке
Мечи боевые, чьи слезы — кровь, а лезвия злы и тонки

Окрепи в пламени их клинки из заповедной стали:
Как девы — в роскоши, так в огне красой они
заблистали.

Они безупречными вышли из рук своих мастеров
неустанных.
А руки умельцев, что создали их, были в порезах,
в ранах.

Считает трус, что бессилье его и есть настоящий разум.
Но эту уловку бесчестной души честный увидит сразу.

Прекрасно бесстрашие, если им могучий боец украшен.
Но ничего прекраснее нет, если мудрец бесстрашен.

Много таких, кто на здравую речь яростно возражает:
Непониманье — их вечный недуг — любую мысль
искажает.

Однако разумный, в чьи уши войдут ошибочные
сужденья,
В меру ума и познаний своих увидит их заблужденья.

Оплакиваем мертвых мы: нет, не по доброй воле
Мир покидает человек, не ради лучшей доли.

И если поразмыслишь ты над своевольем рока,
Поймешь: неотвратима смерть, но более жестока

Любовь красавицы. Она — сулит одно лишь униженье.
Дитя родное нам дает всего лишь утешенье.

Отцовства сладость я познал и сам во дни былые,—
И все, что говорю, поверь, постиг я не впервые.

Не смогут времена вместить все, что про них я знаю,
И чтобы это записать, жизнь коротка земная.

Да, слишком много у судьбы и лжи и вероломства,
Чтоб ей надежды доверять и чтоб желать потомства.

Абу-ль-Али аль-Маарфи

(973—1057)

* * *

Человек благородный везде отщепенец
Для своих соплеменников и соплеменниц, —

Он вином темно-красным их не угощает
И неопытных девственниц не обольщает.

Наилучшая доля на свете — смиренность:
Даже хлеб наш несытный — благое даренье.

Рассыпается пеплом сгоревшая младость,
И чертоги средь звезд человеку не в радость.

На любовь я отвечу любовью по чести,
Буду льстить, и любовь ослабеет от лести.

Завершается детство к пятнадцатилетию,
К сорока увлечения не кажутся сетью.

Ты навряд ли доволен одеждой простою,
Но глупцом прослынешь без одежды зимою.

Возрастает на этой земле каменной
Защищенный шипами терновник душистый.

Нет еще окончанья Адамову роду,
Но женитьбой свою не связал я свободу.

Амр зевает, и Халид зевнул большеротый,
Но меня миновала зараза зевоты.

Крылья знаний меня от людей отлучили,
Я увидел, что люди — подобие пыли.

Опален мой камыш и подернут золою,
И теперь я бессилен исправить бывшее.

Пред судьбою склоняется лев, не противясь,
Держит страх куропатку степную, как привязь.

Радва и не заметила воинств на склонах,
А Кубба захлебнулась в походных знаменах.

Преступленья свершает отец, порождая —
Все равно — мудреца или правителя края;

Чем твой сын даровитей, тем выше преграда
Между вами, тем больше в душе его яда:

Тьмы загадок на сына обрушил ты разом,
Над которыми тщетно терзается разум.

Днем и ночью писателей алчная стая
Завывает, к обману людей призывая.

Смерть таится среди скал и в долинах просторных
И на поиски жертв посылает дозорных.

Лев дрожит, если близко мечи зазвенели.
Как судьбы не страшиться пугливой газели?

* * *

Молюсь молитвой лицемера, прости, мой боже!
Но лицемерие и вера — одно и то же.

Порою человек бывает приятен с виду,
А слово молвив, заставляет глотать обиду.

Твердить без веры божье имя и лгать о боге —
Нам с лицемерами такими не по дороге.

* * *

Побольше скромности! Я людям не судья.
Не покриви душой — себя судил бы я.

Когда нам, господи, забвенье ниспошлют
И мы в земле найдем последний свой приют?

Но не спешит душа из-под недвижных век:
Вплоть до истления страдает человек.

* * *

От взора свет бежит. Сиянье меркнет. Вера —
Вооружение лжеца и лицемера.

Ужель прольется дождь небесных благ для тех,
Кто забывает стыд среди земных утех?

О лживый мир! А мы не знали, что в мечети
Безгрешны все подряд, как маленькие дети!

О жалкая земля, обитель горя, плач!
Тебя хулил бедняк и посрамлял богач.

О вы, обман и ложь призвавшие в подмогу!
Поистине из вас никто не близок богу.

Когда бы по делам господь судил людей,
Не мог бы избежать возмездия злодей.

А сколько на земле мы видели пророков,
Пытавшихся спасти людей от их пороков,

И все они ушли, а наши беды — здесь,
И ваш недужный дух не исцелен поднесь,

Так предопределил господь во дни творенья
Созданьям рук своих, лишенным разуменья,

Восславим аллаха, кормильца земли!
Отвага и стыд от людей отошли.

Для щедрого сердца в смертельной болезни
Могильный покой всех бальзамов полезней.

Опеку возьму я над опекуном —
Душой, обитающей в теле моем.

И денно и ночью в толпе правоверных
Искал я молящихся нелицемерных.

Нашел я, что это бессмысленный скот,
Который вслепую по жизни бредет.

А кто половчей, тот с повадкой пророка
В гордыне великой вознесся высоко.

Посмотришь, одни — простецы и глупцы,
Другие — обманщики и хитрецы.

Безропотность за благочестье сочли вы?
Тогда и ослы ваши благочестивы,

Чесоточные, под ветрами степей,
Они, безглагольные, вас не глупей.

Мы нищие души: то рвань, то заплаты...
Но всех на поверку беднее богатый.

Мы смерть ненавидим и в жизнь влюблены,
А радостью любящих обойдены.

При жизни мы верных друзей не встречали,
По смерти мы внемлем притворной печали.

Познало бы солнце, что блещет впотьмах,
Жалело бы о расточенных лучах.

* * *

Мне улыбаются мои враги, пока
Их стрелы сердце мне язвят исподтишка.

Я избегаю их, и нам не будет встречи:
Мы — буквы «за» и «заль» в словах арабской речи.

* * *

Я горевал, когда под оболочкой дня
Все больше голова белела у меня.

Но чернота волос... быть может, это грязь?
И зубы чистые блестят, как день, светясь.

Мы любим эту жизнь, подобную любви
Тем, что сердца у нас и от нее в крови.

Стенает человек: «Продлись!» А жизнь — в ответ:
«Ни часа лишнего! Теперь на мне запрет».

Когда же кончится безвременье разлук
И встретит жизнь свою ее влюбленный друг?

Не раз твой верный щит спасал тебя от стрел.
Смирись и брось его, когда твой час приспел.

Я не похож на тех, кто, чуя смерти сеть,
Твердит, что все равно — жить или умереть.

Молитву совершать приходится, когда
Для омовения принесена вода.

Решимости былой тебя лишает ночь.
Друзья-созвездия спешат тебе помочь.

О верные друзья моих незрячих глаз,
Ведите и меня встречать последний час!

Нет горше ничего, чем жизни маета.
А горек твой глоток, так выплюнь изо рта.

Что со мною стряслось? Я сношу терпеливо беду,
И не жалуясь, и перемены судьбы я не жду.

Стал я точным подобием слабого звука в глаголе.
Над врачами смеются мои застарелые боли.

Жизнь моя затянулась, пора мне домой из гостей,
Мать-пустыня взыскует моих долгожданных костей.

Разве я из-за пьянства дойти не могу до постели?
От ночных переходов колени мои ослабели.

Надоела мне жизнь, истомил мою душу народ,
Чей правитель нещедрый лишил его добрых забот.

Говорят, что правитель — народу слуга и защита,
А у нас попеченье о благе народа забыто,

Убедился я в том, что не вдосталь еды у людей,
Что подлеjších из подлых писатели наши подлей.

То и дело хадисы твердят наизусть грамотей,
А богатство их сделало крыс ненасытных жаднее.

Преступи хоть на палец предел установленных прав,
Отвернется твой друг, отщепенцем тебя обозвав.

Так размеренный стих, измени в нем единое слово,
Даже букву одну, — от себя отворачивает любого.

Спящий сном любовался, а жизнь безвозвратно
прошла.
Чем же сон одарил его, кроме убытка и зла?

Славь деянья создавшего землю тебе на потребу,
Над которой созвездия пламень проносят по небу!

Знает зависть и конь, на чужую косится судьбу
И завидует тем, что со звездочкой белой во лбу.

Жизнь — как женщина в дни очищенья: желанна,
Да помочь нам не может. Но жизнь такова постоянно.

Не пресытившись ею, от жизни уходит богач;
Бедный тоже уснет и не вспомнит своих неудач.

Спорят, ссорятся жизнелюбивые законоведы,
Ищет мудрость их мнимая славы и легкой победы.

Я пристрастие к жизни хотел бы себе запретить,
Но лица не могу, не могу от нее отворотить.

* * *

Ученых больше нет, и мрак объемлет нас,
А человек простой в невежестве погряз,

Приметных некогда, как вороные кони,
Наставников лишась в годину беззаконий.

И жены и мужи, мы все до одного —
Рабы ничтожные для бога своего.

Ему подвластно все: и месяц, и Плеяды,
И полная луна, и горные громады,

Звезда Полярная, созвездье Льва, заря,
И солнце, и костер, и суша, и моря.

Скажи: «Велик господь, руководитель света!» —
Тебя и праведник не упрекнет за это.

О брат, недолго мне терпеть земную боль.
У неба испросить прощенья мне дозволяй!

Ты скажешь: праведность. Но это только слово, —
Есть лица, имена — и ничего иного.

Хадисы вымыслил обманщик в старину,
Чтоб ради выгоды умы держать в плену.

Взгляни на сонмы звезд. По мне, узоры эти —
Судьбою над людьми раскинутые сети.

Дивлюсь: невыносим судьбы железный гнет,
Один ее удар сильнеею спину гнет,

А людям невдомек, что смерть играет ими,
Когда горбы могил встают над их родными.

Неправда на земле царит с начала дней
И в ярости казнит мудрейших из людей.

От смерти, Асами, бежать не стоит в горы:
Неперекаемы у смерти приговоры.

Четыре составных слились в живую плоть,
Одна стремится часть другие побороть;

Здорова плоть, когда в ладу они друг с другом,
А несогласье их предшествует недугам.

Наш век и нем и груб; напрасно хочешь ты
Понять невнятные сужденья немоты.

Жизнь — полосы ночей, сменяющихся днями:
Змея двухцветная, ползущая за нами.

Пред смертью мы в долгу; в определенный час
Займодавица всегда находит нас.

Из чистого ключа спешит напиться каждый
С тех пор, как в оны дни погиб Кааб от жажды.

И лилии садов, и мирные стада,
И стаи хищные равно поит вода.

Когда бы дел своих последствия мы знали,
Как воду, кровь тогда мы лили бы едва ли.

Кто сострадателен от первых лет своих,
Тот сострадания достойней остальных.

Мы правды не хотим и гневно хмурим брови,
Когда нам говорят, что грех у нас в основе.

Адам, я вижу твой поросший шерстью лоб
И Еву из числа пятнистых антилоп.

Мы — пища времени. Никто в заботах света
Не плачет над конем разбойного поэта.

Мир в замешательстве, как зверь в морских волнах,
Как птица в грозовых кипящих облаках.

Душистый аль-бахар, питомец мирной лени,
Шипами защищен от наших покушений.

Жизнь — быстролетный миг, и мало пользы в том,
Что колют нас копьем и рубят нас мечом.

В ком сердце черное, тот черен сам и слуха
Лишен, тогда как я — всеслышащее ухо.

Ты выпустил стрелу, попала в цель стрела,
Зато душа твоя до цели не дошла.

Рок благородного ввергает в море бедствий,
Амр матери своей лишился в раннем детстве.

Главою крепости был Самуил-поэт,
Она еще стоит, а Самуила нет.

На собеседника Пляеда перст устави́т,
И смерть ваш разговор прервать его застави́т.

Персты шести Пляед, причастных небесам,
О силе божией свидетельствуют нам.

Разумный человек — безумного подобье,
Все беды для него судьба готовит в злобе.

В могиле мать и дочь. Коса расплетена,
Коса заплетена... Но смерти смерть равна.

Видения весны крошечной белизною
И дикой чернотой подменит время зноя.

Пересекающий безводные края,
Ведущий к смерти путь возненавидел я.

Окрест ни шороха, ни дружественной речи.
Мой путь — двуострый меч, всегда готовый к сече.

Зачем же благ земных не делит с бедным тот,
Кто вдоволь ест и пьет и в роскоши живет?

* * *

Живу я надеждой на лучшие дни.
Надежда советует: «Повремени!»

Душа моя тешится горьким вином,
Доколе мне смерть не прикажет: «Идем!»

* * *

Добивается благ только тот, кто привык
И в горячке держать за зубами язык.

Обернется грехом торопливая речь,
А молчанью дано от греха уберечь.

Если низкий вознесся превыше горы,
То высокий — посмешище смутной поры.

Ты, что хочешь бежать от невзгод, не спеши!
Что ни дом — ни одной беспечальной души.

Нет под кровлями необесчещенных жен,
Сын Адама багряным вином опьянен.

Скоро в нищей одежде правитель страны
Снидет в царство, где нет ни дворца, ни казны.

* * *

Когда в науке нет ни сердцу обороны,
Ни помощи уму — пускай умрет ученый!

Судьбы не изменить: ее судил аллах,
И мудрость мудрецов развеялась, как прах.

Не может человек бежать велений бога,
От неба и земли отвлечься хоть немного.

По торному пути покорным чередом —
Потомки умерших — мы к пращурам идем.

Давно я не дивлюсь тому, что пресыщенье
И муки голода — в противоположенье.

Стреляю, но врага щадит моя стрела,
Зато стрела судьбы мне прямо в грудь вошла.

В побеге лиственном сокрыта кость людская,
И кровь от корня вверх течет, не иссякая.

Зло не смыкает глаз и головы сечет,
Как предугадывал разумный звездочет.

Растратив золото на щедрые даянья,
Великодушие лишается признанья.

Жизнь порождает страх, и люди как во сне
Летят во весь опор у страха на спине.

Проснитесь наконец, обманутые дети!
Вы слепо верите лжецам былых столетий.

Корыстолюбие, не знавшее препон,
В могилу их свело, и умер их закон.

Они твердили вам, что близок день последний,
Что свет кончается,— но это были бредни,

Но это ложь была! Не слушайте речей
Извечной алчностью палимых главарей!

И ближний, как чужак, порой наносит рану.
Благоразумие да будет вам в охрану.

Я сердце оградил от радостей земных,
Когда увидел смерть в числе врагов своих.

* * *

О земные цари! Вы мечтаете смерть обмануть,
Но единым злодейством означили жизненный путь.

Что же истинной доблести вы не спешили навстречу?
Даже баловень женский порой устремляется в сечу.

Люди верят, что будет наставник ниспослан судьбой,
Чья высокая речь зазвучит над безмолвной толпой.

Не томись в ожиданье, надежду оставь, земножитель.
Для тебя твой рассудок — единственный руководитель.

Он во благо тебе, чти его справедливый устав
И в скитаньях своих, и на якорь у пристани став.

Это множество сект для того существует на свете,
Чтоб царей и рабов завлекать в хитроумные сети.

Люди чашами пьют наслаждений губительных яд,
Ни смиренницы юной, ни гордой жены не щадят.

Как восстания зинджей жестокий главарь или злобный
Вождь карматский... Поистине, все на земле им подобны.

Удались от людей, только правду одну говорящий,
Ибо правда твоя для внимающих желчи не слаще.

* * *

Ни на один приказ, ни на один совет
Мне от моей души в ответ ни слова нет.

В ошибках каяться? Но поглядите сами:
Числом они равны песчинкам под стопами.

Существование не стоит мне забот.
Не все ли мне равно, кто хлеба принесет

И кто мне уделит от своего запаса —
Плеяды, Сириус иль звезды Волопаса?

* * *

Разумные созданья бессмертного творца
Идут путем страданья до смертного конца,

И смертным смерть вручает подарок дорогой:
Наследникам — наследство, покойнику — покой.

* * *

Говорящим: «Побойся всезрящего бога!» —
Отвечай: «Хорошо, погодите немного!»

Семизвездью, играющему в буккару,
Уподоблю цветы и траву на ветру.

Но никто из живых ни в почете, ни в славе
Уподобиться канувшим в землю не вправе.

Я другим подражаю, стараюсь и я
Приспособиться к путанице бытия.

Многим смысл бытия разъясняет могила,
А меня жизнелюбие опустошило.

Мне, по правде сказать, не опасен сосед,
Я и знать не желаю — он друг мне иль нет,

Потому что моя не красива невеста
И насущный мой хлеб не из лучшего теста.

* * *

Преследователь спит. Мы в темный час идем.
Отважный свой поход мы будем славить днем.

Богатства на земле взыскует человек —
И в чистой кипени надмирных звездных рек.

Воитель со щитом, жнец со своим серпом,
Чьим хлебом первый сыт, обходят землю днем

И возвращаются под звездами домой —
С убытками один, со славою другой.

И все, кто сеет хлеб, и все, кто ищет клад,
Стригут своих овец и прочь уйти спешат.

Где быть седлу — окно, где быть окну — седло.
Все в жизни у тебя навыворот пошло.

И время у тебя скользит, как темнота,
Как саранча, когда бледнеет красота

Изглоданной травы... О сирые края!
Из рта верблюжьего так тянется струя

Слюны из-под кольца, когда в глуши степной
Тиранит всадника невыносимый зной.

Ты брата своего всегда судить готов,
А на твоём челе — печать твоих грехов.

Ты вовсе не похож на льва из аш-Шари,
Ты — волк. Тогда молчи и брата не кори.

Жизнь медленно ползет, пока надзора нет;
Посмотришь — нет ее, давно пропал и след.

Повсюду власть свою распространило зло,
Проникло в каждый дол и на горы взшло.

Пусть говорливостью гордится острослов,
Что Мекку восхвалял: «О мать городов!»

«О мать тьмы ночной!» — так он лозу нарек.
Пусть будет молчалив разумный человек.

Стремишься к выгоде, а что находишь ты?
Сам назовешь себя добычей нищеты.

И пусть не лжет злодей, что он аскет прямой!
О, как мне обойти такого стороной?

Когда ты смерть свою увидишь впереди,
Скажи: «Презренная, смелее подходи!»

Скажи: «Убей меня!» Когда она грозит,
Не стоит прятаться за бесполезный щит.

Возвышенных надежд моя душа полна;
Столкнут ее с горы дурные времена.

С престола своего нисходит гордый князь,
Бледнеет плоть его, преображаясь в грязь,

Уходит, бос и наг, и князю не нужны
Ни земли многие, ни золото казны.

Когда приходит гость еще в пыли пустынь,
Встань и приветь его и хлеб к нему придвинь.

Не презирай того, кто беден, слаб и мал,
Такой и льву не раз в несчастье помогал.

Стремятся юноши к походам боевым,
А рассудительность потом приходит к ним.

На смерть мой сон похож, но пробуждаюсь я,
А смерть — всевечный сон вдали от бытия.

И пусть бранят меня, пусть хвалят — все равно,
Раз тело брэнное уже погребено.

И все равно теперь истлевшему в земле,
В чем повод к смерти был: в копье или в стреле.

Кто воду из бадьи в степи безлюдной пьет,
А кто с людьми живет и собирает мед.

Есть мед — и хорошо, а меда нет — беда,
Но не тужи, не плачь, не жалуйся тогда.

И мы состарились, как пращуры до нас.
А миг похож на миг, и час похож на час,

И ночь сменяет день, и ясная звезда
Восходит в небесах и тает — как всегда.

* * *

Одно мученье — жизнь, одно мученье — смерть,
Но лучше плоть мою прими, земная твердь!

Пуста моя рука, и небо пересохло,
Но жадно смотрит глаз и ухо не оглохло.

Глядите: человек выходит со свечой,
Чтоб высоко поднять огонь во тьме ночной.

Ему потребен врач, он тешится надеждой
Насытить голод свой и плоть прикрыть одеждой.

Но тот, кто спит в земле, избавясь от забот,
Ни разорения, ни прибыли не ждет.

Копье, петля и меч ему всю жизнь грозили,
Он покорялся их неодолимой силе,

Но не страшится он в объятиях земли
Ни длинного копья, ни шелковой петли,

Ни острого меча. Лишившемуся тела
До кличек и обид нет никакого дела.

За брань и похвалы, покинув этот свет,
Он благодарен всем. Но мертвым счастья нет!

Пусть завистники своей достигнут цели,
Чтоб смерть у мертвецов отнять не захотели.

Душа-причудница служанку-плоть бранит,
А плоть покорствует и верность ей хранит

И каждый замысел своей хозяйки вздорной
Спешит осуществить исправно и покорно.

Растение плоду все соки отдает,
А человек ножом срезает этот плод.

И кто-то седину закрашивает хною;
Но как же быть ему со сгорбленной спиной?

И кто-то вздор несет, рассудок потеряв,
Пока не схватит смерть безумца за рукав.

Все на одно лицо: исполненный гордыни
Сын знатной женщины и жалкий сын рабыни.

Смерть приготовила напиток для меня
И сохранит его до рокового дня.

Хоть время говорит отчетливо и внятно,
А все же речь его не каждому понятна.

И тлен и золото — у времени в руках.
Где прежде был дворец, там вьется мелкий прах.

Обитель райская открыта человеку,
Зане он совершил паломничество в Мекку!

* * *

Довольствуй ум досужий запасом дум своих,
Не обличай порока, не укоряй других.

Своей бедой не надо судьбе глаза колоть,
Когда преступно сердце и многогрешна плоть.

Хоть привяжись он втайне веревкою к звезде,
От смерти злой обидчик не спрячется нигде.

Разит, как рот девичий, смертельное копьё,
Меж ребер клык холодный — и ты в руках ее.

Она и без кольчуги — что дева без прикрас.
Хинд и Зейнаб — вот поле ее войны сейчас.

Верблюд изнемогает и дышит тяжело,
А смерть опять бросает добычу на седло.

Повержен храбрый воин, и кровь, как водомет,
Шипит в глубокой ране и прямо в небо бьет.

Теперь его согбенной не выпрямят спины
Ни конь великолепный, ни трубный клич войны.

* * *

Ты в обиде на жизнь, а какая за нею вина?
Твой обидчик — ты сам. Равнодушно проходит жена,

И у каждого сердце палящей любовью объято,
Но красавица в этом пред встречными не виновата.

Говорят, что — бессмертная — облика ищет душа
И вселяется в плоть, к своему совершенству спеша,

И уходит из плоти... По смерти — счастливым награда
В благодатном раю, а несчастным — страдания ада.

Справедливого слова не слышал питомец земли,
Истязали его, на веревке по жизни влекли.

Если мертвая плоть не лишается всех ощущений,
То, клянусь тебе, сладостна смерть после стольких
мучений.

* * *

От мертвых нет вестей, ушли, не кажут глаз,
Но может быть, они богоугодней нас?

В неотвратимый час душа дрожит от страха.
Но долголетие... уж лучше сразу — плаха.

Все люди на земле сойдут в могильный прах —
И здесь, в родном краю, и там, в чужих краях.

Обречена земля искать питья и пищи;
Вода и хлеб ее — то царь, то жалкий нищий.

Нам солнце — лучший друг, а мы бесстыдно лжем,
Что поделом его бранят и бьют бичом.

Во гневе месяц встал, едва земля заснула:
Но и его копье с налету смерть согнула.

Всевидящий рассвет уже заносит меч,
Чтоб людям головы сносить наотмашь с плеч.

* * *

Подобно мудрецам, и я теперь обрушу
Разгневанную речь на собственную душу.

Из праха плоть пришла и возвратится в прах,
И что мне золото и что стада в степях?

О низости своей толкует жизнь земная
На разных языках и, смертных удивляя,

Разит без промаха своих же сыновей.
Мне, видно, суждено не удивляться ей.

Я жил — и жизнью сыт. Жизнь — курица на блюде,
Но в сытости едой пренебрегают люди.

У жизнелюбия — причина слез во всем:
И в солнечных лучах и в сумраке ночном.

От вздоха первого в день своего рожденья
Душа торопится ко дню исчезновенья.

Верблюды и быки спешат на водопой
Прямой, проверенной и правильной тропой.

И как путем кривым идти не страшно людям
Под копытами судьбы, нацеленными в грудь им?

Мне опротивел мир и мерзость дел мирских,
Я вырваться хочу из круга дней своих.

Отбрось тяжелый меч и щит свой бесполезный.
Смерть опытней тебя. Она рукой железной

И голову снесет, и в цель стрелу пошлет,
И распылит войска — непечный твой оплот.

Она взыскует жертв и насыщает щедро
Телами нашими земли немые недра.

* * *

Никогда не завидуй избранникам благополучия.
Жизнь их тоже смертельна, и все мы зависим от случая.

Чувства тянутся к миру, и страждет душа неразумная.
Есть у времени войска, а поступь у войска — бесшумная.

Если б знала земля о поступках своих обитателей,
Верно, диву далась бы: **на** что мы свой разум растратили?

Лучше б не было Евы. с повадкой ее беспокойною.
Влажность ранней весны превращается в засуху знойную.

О невыгодном выборе ты не жалеешь пока еще,
Но ты сломлен, очищен и ветвью поник увядающей.

Не для мирной молитвы ты прячешься в уединении,
Ты себя устыдился, бежал от стороннего мнения.

Мне — душа: «Я в грязи, я разбита и обезоружена!»
Я — душе: «Примиришь! Эта кара тобою заслужена».

* * *

На свете живешь, к наслаждениям плоти стремясь,
Но то, что приносят тебе наслаждения,— грязь.

Измыслил названия, сушу и воды нарек,
И месяц, и звезды... Но как ты солгал, человек!

Тот взор, что на солнце порочная плоть возвела,
К земле на поверку притянут веревками зла.

* * *

Муж приходит к жене, ибо страсть отягчает его,
Но от этого третье родится на свет существо.

И пока девять месяцев будут друг друга сменять,
Истомится под бременем тяжким страдалица мать.

К тем извечным стихиям она возвратится потом,
От которых мы все родословные наши ведем.

* * *

Так далеко зашли мы в невежестве своем,
Что мним себя царями над птицей и зверьем;

Искали наслаждений в любом углу земли,
Того добились только, что разум растрясли;

Соблазны оседлали и, бросив повода,
То вскачь, то рысью мчимся неведомо куда.

Душа могла бы тело беречь от всех потерь,
Покуда земляная не затворилась дверь.

Учи тому и женщин, чье достоянье — честь,
Но будь поосторожней! Всему границы есть.

Прелюбодейка спрячет под платом уголь глаз,
И верная откроет свое лицо подчас.

Дни следуют за днями, а за бедой — беда.
От зла на белом свете не скрыться никуда.

Гостить у нас не любят ни тишь, ни благодать:
Того, что ненавистно, от нас не отогнать.

Порой благодеянье ущерб наносит нам, —
Тогда врагов разумно предпочитать друзьям.

Приди на помощь брату, когда он одинок.
Душе во благо веет и слабый ветерок.

* * *

Сыны Адама с виду хороши,
Но мне по нраву ни одной души, —

Отрекшейся от суеты сует
И алчностью не одержимой — нет.

Я камень всем предпочитаю: тот
Людей не притесняет и не лжет.

* * *

Рассудок запрещает греховные поступки,
Но к ним влечет природа и требует уступки.

В беде житейский опыт не может нам помочь:
Мы доверяем кривде, а правду гоним прочь.

* * *

Я мог на гóре им увлечь их за собою
Дорогой истины иль близкой к ней тропюю.

Мне надоел мой век, я веку надоел.
Глазами опыта я вижу свой удел.

Когда придет мой час, мне сам собою с плеч
Седую голову снесет индийский меч.

Жизнь — верховой верблюд; мы держимся в седле.
Пока воровка-смерть не спрячет нас в земле.

И мутака́рибу подобен этот мир,
И на волне его я одинок и сир.

Беги, утратив цель! С детьми Адама связь
Наотмашь отруби, живи, уединясь!

Сражайся иль мирись, как хочешь. Друг войны
И мирной жизни друг поистине равны.

* * *

Лучше не начинайте болтать о душе наобум,
А начав, не пытайте о ней мой беспомощный ум.

Вот прощенья взыскав, человек многогрешный и слабый
Носит крест на груди иль целует устои Каабы.

Разве скину я в Мекке невежества душный покров
Средь паломников многих из разноязыких краев?.

Разве чаша познания для уст пересохших найдется
У паломников йеменских, не отыскавших колодца?

Их пристанища я покидаю, смиренен и тих,
Чести их не задев, не унизив достоинства их.

Молока не испив, ухожу, и погонщикам стада
Слова я не скажу, будто мне молока и не надо,

И в могиле меня обоймет утешительный плен,
Не разбудит в ночи завывание псов и гиен.

Тьмы рабов у тебя, ты несметных богатств обладатель,
Но не рабской неволей ты столь возвеличен, Создатель!

* * *

О племя писателей! Мир обольщает ваш слух
Напевом соблазнов, подобным жужжанию мух.

Кто ваши поэты, как не обитатели мглы,—
Рысучие волки, чья пища — хвалы и хулы.

Они вредоносней хватчиков, сеющих страх,
Как жадные крысы, они вороваты в стихах.

Ну что же, примите мои восхваленья как дань:
В них каждое слово похоже на резкую брань.

Цветущие годы утратил я в вашем кругу
И дней моей старости с вами делить не могу.

Уже я простился с невежеством ранним своим,
И хватит мне петь племена ар-рабаб и тамим.

* * *

Мы на неправде сошлись и расстались, и вот —
на прощание
Понял я нрав человека: его драгоценность — молчание.

Лжет называющий сына: «Живущий». Зато никогда еще
Не был правдивее тот, кто ребенка назвал
«Умирающий».

* * *

Мы сетуем с утра и жизнь спешим проклясть:
Разуверением чревата наша страсть.

Для каждого из нас у жизни есть в запасе
Обиды, бедствия и горечь в каждом часе.

Двух царств поборники сошли во прах, и вот
Нет больше этих царств. Нам только смерть не лжет.

Развей мирскую жизнь иль на нее не сетуй.
Но редко следуют разумному совету.

Во избежание неисчислимых бед
Не торопись бежать красавицам вослед.

А если на тебя призывно поглядели,
Пускай истаёт взор на полпути до цели.

Не взять бы людям в толк, что ты — гроза сердец
И что среди женщин ты — как волк среди овец.

Закроем свой Коран, когда под чтение это
Все громче в памяти звучат заботы света.

Твой голос — вопль самца, зовущего газель,
Откочевавшую за тридевять земель.

Надежней женщины для достиженья славы
Ночной поход, верблюды, булат и подвиг правый.

Четыре качества соединились в нас.
Но смерть расторгнет их, когда настанет час.

Превозносил бы ты, когда бы цену знал им,
Людей, умеющих довольствоваться малым.

Учись и на челе величья различать
Корыстолюбия позорную печать.

Два полчища — надежд и разочарований —
Глумятся над людьми, рубясь на поле брани.

Как быстрых молний блеск — времен поспешный бег,
И только миг живет на свете человек.

Блюсти законы дней ленивым неохота,
И пятницей для них становится суббота.

О, сколько раз мне слал рассвет свои лучи
В тот час, когда в домах не брезжит ни свечи!

Когда же наконец подымется с постели
Тот, у кого глаза от снов остекленели?

Без смысла засухи терзали грудь земли,
А тучи на луга дождей не привели,

Как будто гóспода ни горлица, ни роза
Не хвалят, как псалмов рифмованная проза.

Того, кто любит жизнь, одни страданья ждут,
Беду к его беде прибавит тяжкий труд.

И разум говорит: не верь надежде ложной,
К началу прошлых дней вернуться невозможно.

А если бодрствовать тебе запрещено,
Вот ложе: спи в земле! Другого не дано.

Мирская жизнь — мираж, и пусть ее обманы
Не выпьют по глотку твой разум богоданный.

За днем приходит ночь: жизнь — пестрая змея,
И жало у нее острее лезвия.

Порывы юности дряхлеют понемногу,
Мы сдержанность берем в дальнейшую дорогу.

Благоразумия спасительная власть
Поможет усмирить бунтующую страсть.

Живые существа от века скорбь тиранит,
Она крылом своим с налету насмерть ранит.

Напиток бытия испробовать спеша,
Захлебывается взалкавшая душа.

Хоть сердце в глубине к посеву не готово,
С наружной стороны взошли побеги слова.

Хоть и сгущается томительная тень,
Порой благую весть приносит новый день.

Касыда иногда рождается от обиды,
И вопль минувших дней звучит в стихах касыды.

Дряхлеет человек, слабеет с жизнью связь,
И смерть удар ему наносит, притаясь.

Потише говори и в раздраженье духа:
Чем громче голос твой, тем тягостней для слуха.

Под власть небытия страшимся мы подпасть,
Но, может быть, не столь опасна эта власть?

Любовью к жизни плоть от смерти не спасется:
Жена безлюбая о муже не печется.

Душа в смятении латает жизнь свою;
В заплатах толку нет, могилы на краю.

Безбожным тягостно молитвенное бденье,
Для них — что груз горы, коленопреклоненье.

Несет клеймо греха вершитель черных дел.
Сверкающий добром избрал благой удел.

Где красота страны, что нас очаровала?
А ведь она была уродлива сначала!

Ты пламени хоть раз касался ли рукой?
Пойми, что боль твоя хранит его покой.

Быть может, в темноте меняет суть природа,
И обитает ночь близ солнца в час восхода.

* * *

На волю отпущу, поймав блоху, затем,
Что воля — лучший дар, чем нищему дирхем.

Как чернокожему из Кинда, что в короне,
Так этой черненькой, что на моей ладони,

Мила земная жизнь: и у нее одна
Душа — не более горчичного зерна.

* * *

Я не спугнул ее, но птица улетела,
И я доверился крылам ее всецело.

Мне проповедники разнообразных вер
И толкователи с их бредом — не в пример?

«Плоть — в землю, а душа — куда спешит
из плоти?»

У них на свой вопрос ответа не найдете.

Когда наступит срок, хотим иль не хотим,
Душа, полна грехов, пойдет путем своим.

Избрали бы грехи другую оболочку —
Судья простил бы их и нам не ставил в строчку.

* * *

Ты болен разумом и верой. Приди за словом,
И тело снова станет сильным и дух здоровым.

Не убивай того, кто в море нашел жилище,
Четвероногих плоть живую не делай пищей.

Красавиц молоком животных поить не надо:
Чем обворованное вымя утешит чадо?

Не нападай врасплох на птицу, не грабь крылатой:
Насилье — тяжкий грех, который грозит расплатой.

Пчелиного не трогай меда: из дола в долы
За ним к цветам благоуханным летали пчелы

И не затем даянья утра слагали в соты,
Чтоб мы благодарили сборщиц за их щедроты.

Слезами руки отмываю. Зачем же ране —
До седины — не понимал я своих желаний?

Ты разгадал ли, современник, мой брат случайный,
Оберегаемые мною простые тайны?

О заблудившийся во мраке, подобно тени!
Ты не спешил на светлый голос благих стремлений.

Но проповедник заблуждений пришел — и сразу
Ты предал совесть, покорившись его указу.

* * *

Вгляни на собственную веру: в ее пустыне
Увидишь мерзость лицемерья и срам гордыни.

Прозрев, не окропляй булата росой багряной,
Не заставляй врача склоняться над свежей раной.

Пришелся бы и мне по нраву служитель бога,
Когда б из твоего достатка не брал так много.

По правде, тот хвалы достойней, кто ранней ранью
Встает и трудится до ночи за пропитанье.

Не помышляя для благочестья бежать в обитель,
Среди людей, как бедный странник, ходил Спаситель.

Зарой меня, когда почувешь зловонье тлена,
Иль пусть зловонная схоронит меня гиена.

А кто свои страшится кости смешать с костями,
Тот вживе сам — что кость сухая в могильной яме.

Дурной обычай: мы приходим в одежде черной
И с плакальщицами согласно скорбим притворно.

Я накануне рокового переселенья
Врагу и другу отпускаю их прегрешенья.

Твоей хвалы не принимаю: и лучший воин
Похвал моих за подвиг ратный не удостоен.

Моя душа — верблюд надежный в краю песчаном,
Еще по силам ей угнаться за караваном.

Под тяжестью плиты могильной былую силу
Не восстановит щедрый ливень, омыв могилу.

Была б вода живой водою, тогда бы люди
Дрались из-за могил в болотах, молясь о чуде.

* * *

О, если б, жалкое покинув пепелище,
Беглянку-молодость найти в другом жилище!

Но нечего мне ждать! Уж разве прежней силы
Исполнится Низар и выйдет из могилы...

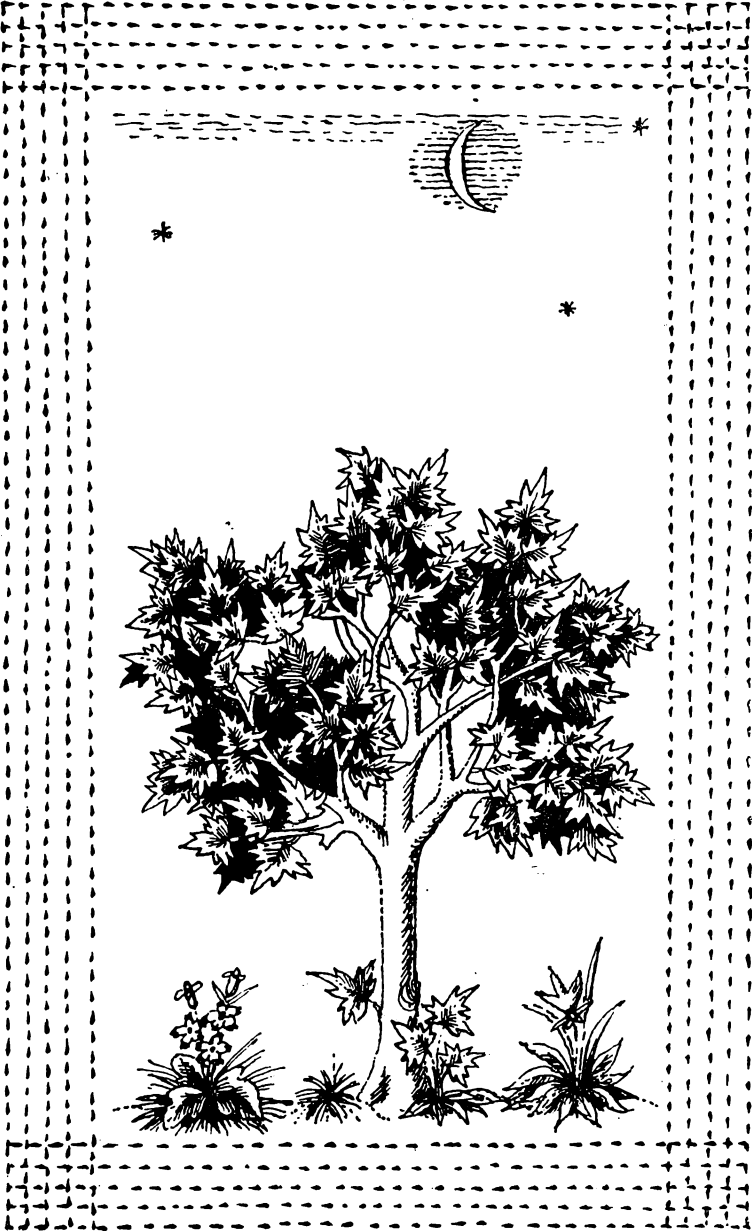
Исчезла молодость. Не я охрип в разлуке
От слез, и не мои ее хватают руки.

Так свертывает ночь румянец, как рабыни —
Покровы алые на женской половине.

Земная жизнь — война. Мы тягостное бремя
Несем, покуда нас не остановит время.

ИЗ
ПЕРСИДСКОЙ
ПОЭЗИИ

Рудаки

(ок. 860—941)

* * *

Только раз бывает праздник, раз в году его черед,—
Взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник
в сердце льет.

Раз в году блистают розы, расцветают раз в году,
Для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет.
Только раз в году срываю я фиалки в цветнике,
А твои лаская кудри, потерял фиалкам счет.
Только раз в году нарциссы украшают грудь земли,
А твоих очей нарциссы расцветают круглый год.
Эти черные нарциссы, чуть проснулись — вновь цветут
А простой нарцисс, увянув, новой жизнью не блеснет.
Кипарис — красавец гордый, вечно строен, вечно свеж,
Но в сравнении с тобою он — горбун, кривой урод.
Есть в одних садах тюльпаны, розы, лилии — в других,
Ты — цветник, в котором блещут все цветы земных
широт.

Ярче розы твой румянец, шея — лилии белей,
Зубы — жемчуг многоценный, два рубина — алый рот.
Вьется кругом безупречным мускус локонов твоих.
В центре — киноварью губы, точно ярко-красный плод.
Ты в движенье — перепелка, ты в покое — кипарис,
Ты — луна, что затмевает всех созвездий хоровод.
Ты — луна в кольчуге страсти и с колчаном нежных
стрел

Перепелка с кубком хмельным, кипарис, что песнь поет
Не цепями приковала ты влюбленные сердца —
Каждым словом ты умеешь в них метать огонь и лед...

* * *

О ты, чья бровь, как черный лук, чей локон петлею
завит,
Чьи губы красны, как рубин, нежнее шелка пух ланит!
Тюльпаном расцветает шелк, и пахнет мускусом аркан,
И стрелы посылает лук, и жемчуга рубин таит.
Цветут под сводами бровей нарциссы огненных очей,
Но пышный гиацинт волос от глаз моих куда скрыт.
Твоих кудрей волнистый шелк волшебник мускусом
натер.
И губы в сахар обратил, чтоб влажный лал не знал обид.
О сколько раз я в сеть любви смятенным сердцем
попадал!
О сколько раз я, как змеей, был страстью пламенной
обвит!
Но гибели я не страшусь, хоть вижу гибельную сеть,
Не замечаю смертных уз, хотя и мне аркан грозит.
Твой взор — двойник души твоей, он тем же полон
волшебством.
Мой стан — двойник твоих кудрей, в том горький мой
и сладкий стыд.
Но стан и кудри что роднит? — Дугой согбенная спина!
Но взор и душу что роднит? — Желанье, что тебя томит!
Не Заратуштры ли огонь пылает на твоих щеках?
Не мускуса ли аромат поток твоих кудрей струит?
Кудрями сердце отняла, его глазам ты отдала.
Истомлена моя душа, но сердце радостью горит...

* * *

Я потерял покой и сон — душа разлукою больна,
Так не страдал еще никто во все века и времена.
Но вот свиданья час пришел, и вмиг развеялась
печаль,—
Тому, кто встречи долго ждал, стократно сладостна она.
Исполнен радости, я шел давно знакомою тропой,
И был свободен мой язык, моя душа была ясна.
Как с обнаженной грудью раб, я шел знакомою тропой.
И вот навстречу мне она, как кипарис тонка, стройна.
И мне, ласкаясь, говорит: ты истомился без меня?
И мне, смущаясь, говорит: твоя душа любви верна?
И я в ответ: о ты, чей лик затмил бы гурию красой!

О ты, кто розам красоты на посрамленье рождена!
Мой целый мир в одном кольце твоих агатовых кудрей.
В темницу локонов твоих вся жизнь моя заключена.
Я сна лишился от тоски по завиткам душистых кос,
И от тоски по блеску глаз лишился я навеки сна.
Цветет ли роза без воды? Взойдет ли нива без дождя?
Бывает ли без солнца день, без ночи — полная луна?
Целую лалы уст ее — и точно сахар на губах,
Вдыхаю гиацинты щек — и амброй грудь моя полна.
Она то просит: дай рубин — и я рубин ей отдаю,
То словно чашу поднесет — и я пьянею от вина...

* * *

Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот,
Покрывл ковром цветочным дол и влажной пылью —
небосвод.

Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несет.
Под вечер заблистал в полях тюльпана пурпур огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.
Цветок смеется мне вдали — иль то зовет меня Лейли.
Рыдая, облако пройдет — Маджнун, быть может, слезы
льет.

И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод.
Ей стоит косу распустить — и сто сердец блаженство
пьют.

Но двести кровью изойдут, лишь гневный взор она
метнет.

Покуда розу от шипа глупец не в силах отличить,
Пока безумец, точно мед, дурман болезнетворный пьет,
Пусть будут розами шипы для всех поклонников твоих,
И, как дурман, твои враги пусть отвергают сладкий
мед...

* * *

Тебе, чьи кудри точно мускус, в рабы я небесами дан,
Как твой благоуханный локон, изогнут мой согбенный
стан
Доколе мне ходить согбенным, в разлуке мне страдать
доколе?

Как дни влачить в разлуке с другом, как жить
под небом чуждых стран?
Не оттого ли плачут кровью мои глаза в ночи бессонной?
Не оттого ли кровь струится потоком из сердечных ран?
Но вот заволновалась тучка, как бы Лейли, узрев

Маджнуна,
Как бы Узра перед Вамиком, расцвел пылающий
тюльпан.

И солончак благоухает, овеян севера дыханьем,
И камень источает воду, весенним ароматом пьян.
Венками из прозрачных перлов украсил ветви дождь
весенний,
Дыханье благовонной амбры восходит от лесных полян.
И, кажется, гранит покрылся зеленоблещущей лазурью,
И в небесах алмазной нитью проходит тучек караван...

* * *

Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы
не мог.

Позорно быть гуртоправом тому, кто саном высок.
В иссохшем ручье Эллады не станет искать воды
Тот, кто носителем правды явился в мир, как пророк.
Мой стих — Иосиф Прекрасный, я пленник его красоты.
Мой стих — соловьиная песня, к нему приковал меня
рок.

Немало вельмож я видел и не в одном распознал
Притворную добродетель и затаенный порок.
Одно таил я желанье: явиться примером для них.
И вот... разочарованье послал в награду мне бог.

* * *

Самум разлуки налетел — и нет тебя со мной!
С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной.
Твой локон — смертоносный лук, твои ресницы —
стрелы.

Моя любовь, как без тебя свершу я путь земной?
И кто дерзнет тебя спросить: «Что поцелуй твой
стоит?» —

Ста жизней мало за него, так как же быть с одной?
Ты солнцем гордой красоты мой разум ослепила.
Ты сердце опалила мне усладой хмельной.

* * *

О пери! Я люблю тебя, мой разум сокрушен тобой,
Хоть раз обрадуй Рудаки, свое лицо ему открой.
Ужель так тягостно тебе открыть лицо, поцеловать
И так легко меня терзать, губить навеки мой покой?
Что для меня легко — тебе великим кажется трудом,
Что тяжело мне, то тебе забавой кажется пустой.

* * *

О трех рубашках, красавица, читал я в притче седой.
Все три носил Иосиф, прославленный красотой.
Одну окровавила хитрость, обман разорвал другую.
От благоуханья третьей прозрел Иаков слепой¹.
Лицо мое первой подобно, подобно второй мое сердце.
О если бы третью найти мне начертано было судьбой!

* * *

Сквозь оболочку мира глаз твой не видит жизни
сокровенной,
Так научись глазами сердца глядеть на таинства
вселенной.
На все, что зримо и телесно, гляди открытыми глазами,
Но научи и сердце видеть изнанку видимости брэнной.

* * *

Фату на лик свой опустили в смущенье солнце и луна,
Как только с двух своих тюльпанов покров откинула
она
И с яблоком сравнить я мог бы ее атласный
подбородок,
Но яблок с мускусным дыханьем не знает ни одна
страха.

¹ Согласно библейской легенде, включенной в Коран, братья Иосифа, продав его в рабство, показали отцу его окровавленную рубашку, сказав, что Иосиф убит; жена египетского вельможи Пентефрия, разорвав рубашку Иосифа, сказала, что он покушался на ее честь; впоследствии Иосиф послал своему ослепшему от горя отцу Иакову собственную рубашку, и отец прозрел от ее благоухания.

* * *

Всевышний спас меня от горя, четыре качества мне дав:
Прославленное имя, разум, здоровье и веселый нрав.
Любой, кому даны всевышним четыре качества такие,
Пройдет свой долгий путь без горя, людских печалей
не узнав.

* * *

Он умер — караван поэта покинул бренный свет.
Но чем исчислить нам утрату, — кто может дать ответ?
Глаза, не размышляя, скажут: «Лишь одного не стало»,
Но разум горестно воскликнет: «Сколь многих больше
нет!»

* * *

Все тленны мы, дитя, таков вселенной ход.
Мы — словно воробьи, а смерть, как ястреб, ждет.
И рано ль, поздно ли — любой цветок увянет, —
Своею теркой смерть всех тварей перетрет.

* * *

Аромат и цвет похищен был тобой у красных роз:
Цвет взяла ты щек румяных, аромат — для черных кос.
Станут розовыми воды, где омоешь ты лицо,
Пряным мускусом повеет от распущенных волос.

* * *

Пришла... «Кто?» — «Милая». — «Когда?» —
«Предутренней зарей»
Спасалась от врага... «Кто враг?» — «Ее отец родной».
И трижды я поцеловал... «Кого?» — «Уста ее». —
«Уста?» — «Нет». — «Что ж?» — «Рубин». —
«Какой?» — Багряно-огневой.

* * *

Те, перед кем ковер страданий постлало горе, — вот
кто мы!
Те, кто скрывает в сердце пламень и скорбь во взоре, —
вот кто мы!

Те, кто игрою сил враждебных впряжен в ярем судьбы
жестокой,
Кто носится по воле рока в бурлящем море,—
вот кто мы!

* * *

Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит,
И к тебе из губ раскрытых крик любви не излетит,
Дорогая, сядь на коврик и с улыбкою скажи:
«Как печально! Умер, бедный, не стерпев моих обид!»

* * *

Слепую прихоть подавляй — и будешь благороден!
Калек, слепых не оскорбляй — и будешь благороден!
Не благороден, кто на грудь упавшему наступит.
Нет! Ты упавших поднимай — и будешь благороден!

* * *

Оставь мечеть! Предпочитай пиры!
Где гурии Тараза, Бухары?
Живи для них! Мой бог молитв не любит,
Он для любовной создал нас игры.

* * *

Он без ушей отлично слышит, он хром, а поступь
так легка;
Лишенный глаз, весь мир он видит, красноречив
без языка;
Как стан возлюбленной, он гибок, змее движеньями
подобен;
Он наделен печали цветом и грозной остротой клинка¹.

* * *

Моя душа больна разлукой, тоской напрасной
ожиданья,
Но от возлюбленной, как радость, она приемлет
и страданья.
Тебя ночами вспоминаю и говорю: великий боже!
Отраднa и разлука с нею, каким же будет день
свиданья!

¹ Стихотворение представляет собой загадку. Разгадка: калам — тростниковое перо.

* * *

О Рудаки, будь волен духом, не так, как прочий люд,
И разумом, и сердцем светел, как мудрецы живут,
Не думай, что тебе лишь плохо, для всех же — мир
Пойми: плохого в мире много — ты для благих минут

живи!
живи!
благоустроен.
живи!

* * *

Как тебе не надоело в каждом ближнем видеть скрягу.
Быть слепым и равнодушным к человеческой судьбе!
Изгони из сердца жадность, ничего не жди от мира,
И тотчас безмерно щедрым мир окажется к тебе.

* * *

О время! Юношей богатым, светлоречивым, ясноликим
Сюда для службы он явился на гордом скакуне верхом
Ну а понравится ль он шаху, когда, спустя десятилетия,
Он возвратится нищий, старый, проделав дальний путь
пешком?

* * *

Точеной тросточке, блестящей и красивой,
Не стать плакучею зеленокурой ивой.

* * *

К тебе стремится прелесть красоты,
Как вниз поток стремится с высоты.

* * *

Поцелуй любви желанный, — он с водой соленой схож:
Чем сильнее жаждешь влаги, тем неистовее пьешь.

(ок. 1048—ок. 1123)

РУБАЙАТ

1

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятно нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно! —
Вот последняя правда, открытая мной.

2

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжок: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

3

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

4

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»

Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

5

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, — кричит он, — гончар, продавец,
покупатель?»
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

6

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

7

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека...

8

Когда плачут весной облака — не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

9

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

10

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
 Он песком забавляется — строит дворец.
 Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
 С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

11

Управляется мир Четырьмя и Семью.
 Раб магических чисел — смиряюсь и пью.
 Все равно семь планет и четыре стихии
 В грош не ставят свободную волю мою!

12

В колыбели — младенец, покойник — в гробу:
 Вот и все, что известно про нашу судьбу.
 Выпей чашу до дна — и не спрашивай много:
 Господин не откроет секрета рабу.

13

Я познание сделал своим ремеслом,
 Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
 Все тугие узлы я распутал на свете,
 Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

14

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
 Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
 Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
 Верь минуте текущей — будь счастлив теперь!

15

Месяца месяцами сменялись до нас,
 Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
 Эти мертвые камни у нас под ногами
 Прежде были зрачками пленительных глаз.

16

Как жар-птица, как в сказочном замке княжна,
 В сердце истина скрытно храниться должна.
 И жемчужине, чтобы налиться сияньем,
 Точно так же глубокая тайна нужна.

17

Ты едва ли былых мудрецов превзойдешь,
 Вечной тайны разгадку едва ли найдешь.
 Чем не рай тебе — эта лужайка земная?
 После смерти едва ли в другой попадешь...

18

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
 Твой шатер подпирают гнилые столбы.
 Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
 Берегись, ибо колья палатки слабы!

19

Те, что веруют слепо, — пути не найдут.
 Тех, кто мыслит, — сомнения вечно гнетут.
 Опасаюсь, что голос раздастся однажды:
 «О невежды! Дорога не там и не тут!»

20

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
 Чем в число блюдолизов презренных попасть.
 Лучше кости глотать, чем прельститься
сластями
 За столом у мерзавцев, имеющих власть.

Недостойно — стремиться к тарелке любой,
 Словно жадная муха, рискуя собой.
 Лучше пусть у Хайама ни крошки не будет,
 Чем подлец его будет кормить на убой!

Если труженик, в поте лица своего
 Добывающий хлеб, не стяжал ничего —
 Почему он ничтожеству кланяться должен
 Или даже тому, кто не хуже его?

Вижу смутную землю — обитель скорбей,
 Вижу смертных, спешащих к могиле своей,
 Вижу славных царей, луноликих красавиц,
 Отблеставших и ставших добычей червей.

Не одерживал смертный над небом побед.
 Всех подряд пожирает земля-людоед.
 Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
 Погоди: попадешь муравьям на обед!

Все, что видим мы, — видимость только одна.
 Далеко от поверхности мира до дна.
 Полагай несущественным явное в мире,
 Ибо тайная сущность вещей — не видна.

Даже самые светлые в мире умы
 Не смогли разогнать окружающей тьмы.
 Рассказали нам несколько сказочек на ночь —
 И отправились, мудрые, спать, как и мы.

Удивленья достойны поступки творца!
 Переполнены горечью наши сердца,
 Мы уходим из этого мира, не зная
 Ни начала, ни смысла его, ни конца.

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
 Ни конца, ни начала его мы не зрим.
 Этот круг недоступен для логики нашей,
 Меркой разума нашего неизмерим.

В поднебесье светил ослепительных тьма,
 Помыкая тобою, блуждает сама.
 О мудрец! Заблуждаясь, в сомненьях теряясь,
 Не теряй путеводную нитку ума!

Так как истина вечно уходит из рук —
 Не пытайся понять непонятное, друг,
 Чашу в руки бери, оставайся невеждой,
 Нету смысла, поверь, в изученье наук!

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
 Нет из мрака возврата, о сердце мое!
 И не надо надеяться, о мое сердце!
 И бояться не надо, о сердце мое!

Когда с телом душа распростится, скорбя,
 Кирпичами из глины придавят тебя
 И бездушное, ставшее глиною, тело
 Пустят в дело, столетие погода.

Где мудрец, мирозданья постигший секрет?
 Смысла в жизни ищи до конца своих лет:
 Все равно ничего достоверного нет —
 Только саван, в который ты будешь одет...

Тот, кто следует разуму, — донт быка,
 Умник будет в убытке наверняка!
 В наше время доходней валять дурака,
 Ибо разум сегодня в цене чеснока.

Здесь владыки блистали в парче и в шелку,
 К ним гонцы подлетали на полном скаку.
 Где все это? В зубчатых развалинах башни
 Сиротливо кукушка кукует: «Ку-ку»...

Этот старый дворец называется — мир.
 Этот царский, царями покинутый пир.
 Белый полдень сменяется полночью черной,
 Превращается в прах за кумиром кумир.

Где Бахрам отдыхал, осушая бокал,
 Там теперь обитают лиса и шакал.
 Видел ты, как охотник, расставив капканы,
 Сам, бедняга, в глубокую яму попал?

Если низменной похоти станешь рабом —
 Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
 Оглянись на себя и подумай о том,
 Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

В прах судьбою растертые видятся мне,
 Под землей распростертые видятся мне.
 Сколько я ни вперяюсь во мрак запредельный:
 Только мертвые, мертвые видятся мне...

Вижу: птица сидит на стене городской,
 Держит череп в когтях, повторяет с тоской:
 «Шах великий! Где войск твоих трубные клики?
 Где твоих барабанов торжественный бой?»

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
 Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
 Лепит чаши гончар из голов и из рук,
 Из великих царей и последних пьянчуг.

Эй, гончар! И доколе ты будешь, злодей,
 Издеваться над глиной, над прахом людей?
 Ты, я вижу, ладонь самого Фаридуна
 Положил в колесо. Ты — безумец, ей-ей!

Я кувшин что есть силы об камень хватил.
 В этот вечер я лишнего, видно, хватил.
 «О несчастный! — кувшин возопил. — И с тобою
 Точно так же поступят, как ты поступил!»

Слышал я: под ударами гончара
 Глина тайны свои выдавать начала:
 «Не топчи меня! — глина ему говорила. —
 Я сама человеком была лишь вчера».

Поглядите на мастера глиняных дел:
 Месит глину прилежно, умен и умел.
 Приглядитесь внимательней: мастер —
 безумен,
 Ибо это не глина, а месиво тел!

Сей кувшин, принесенный из погребка,
 Был влюбленным красавцем в былые века.
 Это вовсе не ручка на горле кувшинном —
 А обвившая шею любимой рука.

На зеленых коврах хорасанских полей
 Вырастают тюльпаны из крови царей,
 Вырастают фиалки из праха красавиц,
 Из пленительных родинок между бровей...

В этой тленной Вселенной в положенный срок
 Превращаются в прах человек и цветок.
 Кабы прах испарялся у нас из-под ног —
 С неба лился б на землю кровавый поток!

Поутру просыпается роза моя,
 На ветру распускается роза моя.
 О жестокое небо! Едва распустилась —
 Как уже осыпается роза моя.

Половина друзей моих погребена.
 Всем судьбой уготована участь одна.
 Вместе пившие с нами на празднике жизни
 Раньше нас свою чашу испили до дна.

Книга жизни моей перелистана — жаль!
 От весны, от веселья осталась печаль.
 Юность — птица: не помню, когда прилетела
 И когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

Мастер, шьющий палатки из шелка ума,
 И тебя не минует внезапная тьма.
 О Хайам! Оборвется непрочная нитка.
 Жизнь твоя на толкучке пойдет задарма.

Мы — послушные куклы в руках у творца!
 Это сказано мною не ради слова.
 Нас по сцене всевышний на ниточках водит
 И пихает в сундук, доведя до конца.

Даже гений — творенья венец и краса —
 Путь земной совершает за четверть часа.
 Но в кармане земли и в подоле у неба
 Живы люди — покуда стоят небеса!

Люди тлеют в могилах, ничем становясь.
 Распадается атомов тесная связь.
 Что же это за влага хмельная, которой
 Опоила их жизнь и повергнула в грязь?

Я спустился однажды в гончарный подвал,
 Там над глиной гончар, как всегда, колдовал.
 Мне внезапно открылось: прекрасную чашу
 Он из праха отца моего создавал!

Разорвался у розы подол на ветру.
 Соловей наслаждался в саду поутру.
 Наслаждайся и ты, ибо роза — мгновенна,
 Шепчет юная роза: «Любуйся! Умру...»

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
 Смерть терзает сердца и кромсает тела,
 Возвратившихся нет из загробного мира,
 У кого бы мне справиться: как там дела?

В детстве ходим за истиной к учителям,
 После — ходят за истиной к нашим дверям.
 Где же истина? Мы появились из капли.
 Станем — ветром. Вот смысл этой сказки, Хайам!

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
 Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
 Веселитесь же, тленные пленники мига,
 Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

Все, что в мире нам радует взоры, — ничто.
 Все стремления наши и споры — ничто.
 Все вершины Земли, все просторы — ничто.
 Все, что мы волочем в свои норы, — ничто.

В этом мире ты мудрым слывешь? Ну и что?
 Всем пример и совет подаешь? Ну и что?
 Дó ста лет ты намерен прожить? Допускаю.
 Может быть, до двухсот проживешь. Ну и что?

Что есть счастье? Ничтожная малость. Ничто.
 Что от прѳжитой жизни осталось? Ничто.
 Был я жарко пылавшей свечой наслажденья.
 Все, казалось,— мое. Оказалось — ничто.

Вот беспутный гуляка, хмельной ветрогон:
 Деньги, истину, жизнь — все поставит на кон!
 Шарият и Коран — для него не закон.
 Кто на свете, скажите, отважней, чем он?

В божий храм не пускайте меня на порог.
 Я — безбожник. Таким сотворил меня бог.
 Я подобен блуднице, чья вера — порок.
 Рады б грешники в рай — да не знают дорог.

Этот мир — эти горы, долины, моря —
 Как волшебный фонарь. Словно лампа — заря
 Жизнь твоя — на стекло нанесенный рисунок,
 Неподвижно застывший внутри фонаря.

Я нигде преклонить головы не могу.
 Верить в мир замогильный — увы! — не могу.
 Верить в то, что, истлевши, восстану из праха
 Хоть бы стеблем зеленой травы,— не могу.

Ты не очень-то щедр, всемогущий творец:
 Сколько в мире тобою разбитых сердец!
 Губ рубиновых, мускусных локонов сколько
 Ты, как скряга, упрятал в бездонный ларец!

Жизнь — пустыня, по ней мы бредем нагишом.
 Смертный, полный гордыни, ты просто смешон!
 Ты для каждого шага находишь причину —
 Между тем он давно в небесах предрешен.

Вместо солнца весь мир озарить — не могу,
 В тайну сущего дверь отворить — не могу.
 В море мыслей нашел я жемчужину смысла,
 Но от страха ее просверлить не могу.

Ухожу, ибо в этой обители бед
 Ничего постоянного, прочного нет.
 Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
 Кто прожить собирается тысячу лет.

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
 Так как свыше указана смертным стезя,
 Так как вечные вещи не слепишь из воска —
 То и плакать об этом не стоит, друзья!

Мы источник веселья — и скорби рудник.
 Мы вместилище скверны — и чистый родник.
 Человек, словно в зеркале мир — многолик.
 Он ничтожен — и он же безмерно велик!

Ты не волен в желаньях своих и делах?
 Все равно будь доволен: так хочет аллах!
 Следуй разуму: помни, что брненное тело —
 Только искра, и капля, и ветер, и прах...

Веселись! Ибо нас не спросили вчера.
 Эту кашу без нас заварили вчера.
 Мы не сами грешили и пили вчера —
 Все за нас в небесах предрешили вчера.

Бренность мира узрев, горевать погоди!
 Верь: недаром колотится сердце в груди.
 Не горюй о минувшем: что было — то сплыло.
 Не горюй о грядущем: туман впереди...

Если б мог я найти путеводную нить,
 Если б мог я надежду на рай сохранить,—
 Не томился бы я в этой тесной темнице,
 А спешил место жительства переменить!

В этом замкнутом круге — крути не крути —
 Не удастся конца и начала найти.
 Наша роль в этом мире — прийти и уйти.
 Кто нам скажет о цели, о смысле пути?

Отчего всемогущий творец наших тел
 Даровать нам бессмертия не захотел?
 Если мы совершенны — зачем умираем?
 Если несовершенны — то кто бракодел?

Изваял эту чашу искусный резец
 Не затем, чтоб разбил ее пьяный глупец.
 Сколько светлых голов и прекрасных сердец
 Между тем разбивает напрасно творец!

Двери в рай всемогущий господь затворил
 Для того, кто из глины бутылъ сотворил.
 Как же быть, милосердный, с бутылью из тыквы?
 Ты об этом, по-моему, не говорил!

Заглянуть за опущенный занавес тьмы
 Неспособны бессильные наши умы.
 В тот момент, когда с глаз упадет завеса,
 В прах бесплотный, в ничто превращаемся мы.

Часть людей обольщается жизнью земной,
 Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
 Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
 Высшей истины, скрытой за этой стеной.

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
 Путь домой находили с грехом пополам.
 Но никто из ушедших отсюда навеки
 Не вернулся обратно, не встретился нам.

Ни от жизни моей, ни от смерти моей
 Мир богаче не стал и не станет бедней.
 Задержусь ненадолго в обители сей —
 И уйду, ничего не узнавши о ней.

Ты не слушай глупцов, умудренных житьем.
 С молодой уроженкой Тараза вдвоем
 Утешайся любовью, Хайам, и питьем,
 Ибо все мы бесследно отсюда уйдем...

Видит бог: не пропившись, я пить перестал,
 Не с ханжой согласившись, я пить перестал.
 Пил — утешить хотел безутешную душу.
 Всей душою влюбившись, я пить перестал.

Были б добрые в силе, а злые слабы —
 Мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы!
 Если б в мире законом была справедливость —
 Не роптали бы мы на превратность судьбы.

И седых стариков, и румяных юнцов —
 Всех одно ожидает в конце-то концов.
 Задержаться в живых никому не удастся —
 Не помирует смерть ни детей, ни отцов.

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
 Но не верь ничему — все обманчиво тут.
 Поколения смертных придут — и уйдут.
 Рви цветы — и тебя в свое время сорвут.

О кумир! Я подобных тебе не встречал.
 Я до встречи с тобой горевал и скучал,
 Дай мне полную чарку и выпей со мною,
 Пока чарок из нас не наделал гончар!

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда,
 Быть сановным и важным — не стоит труда.
 Не нужны всемогущему господа-богу
 Ни усы твои, друг, ни моя борода!

Хорошо, если платье твое без прорех.
 И о хлебе насущном подумать не грех.
 А всего остального и даром не надо —
 Жизнь дороже богатства и почестей всех.

Я страдать обречен до конца своих дней,
 Ты же день ото дня веселишься сильней.
 Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
 Много хитрых уловок в запасе у ней.

Океан, состоящий из капель, велик.
 Из пылинок слагается материк.
 Твой приход и уход — не имеют значенья.
 Просто муха в окно залетела на миг...

Каждый розовый, взоры ласкающий куст
 Рос из праха красавиц, из розовых уст.
 Каждый стебель, который мы топчем ногами,
 Рос из сердца, вчера еще полного чувств.

Нищим дервишем ставши — достигнешь высот.
 Сердце в кровь изодравши — достигнешь высот.
 Прочь, пустые мечты о великих свершеньях!
 Лишь с собой совладавши — достигнешь высот.

Снова туча на землю роняет слезу.
 Трезвый, этого зрелища я не снесу.
 Нынче мы, на траве развалясь, отдыхаем —
 Завтра будем лежать под травой, внизу.

Жизнь моя тяжела: в беспорядке дела,
 Ни покоя в душе, ни двора, ни кола.
 Только горестей вдоволь судьба мне дала.
 Что ж, Хайам, хоть за это аллаху хвала!

100

От судьбы мне всегда достаются плевки,
 Жизнь слагается воле моей вопреки,
 И душа собирается тело покинуть:
 «Больно стены жилья, — говорит, — не крепки!»

101

Все пройдет — и надежды зерно не взойдет,
 Все, что ты накопил, ни за грош пропадет.
 Если ты не поделиться вовремя с другом —
 Все твое достоянье врагу отойдет.

102

Как нужна для жемчужины полная тьма —
 Так страданья нужны для души и ума.
 Ты лишился всего, и душа опустела?
 Эта чаша наполнится снова сама!

103

До того, как мы чашу судьбы изопьем,
 Выпьем, милая, чашу иную вдвоем.
 Может статься, что сделать глотка перед
 смертью
 Не позволит нам небо в безумье своем.

104

До рождения ты не нуждался ни в чем,
 А родившись, нуждаться во всем обречен.
 Только сбросивши гнет ненасытного тела,
 Снова станешь свободным, как бог, богачом.

Из допущенных в рай и повергнутых в ад
 Никогда и никто не вернулся назад.
 Грешен ты или свят, беден или богат —
 Уходя, не надейся и ты на возврат.

Вот лицо мое — словно прекрасный тюльпан,
 Вот мой стройный, как ствол кипарисовый, стан.
 Одного, сотворенный из праха, не знаю:
 Для чего этот облик мне скульптором дан?

Если б мне этой жизни причину постичь —
 Я сумел бы и нашу кончину постичь.
 То, чего не постиг я, в живых пребывая,
 Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
 Где утёк, где основа всех наших надежд?
 Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
 Где же дым? Где же смысл? Оправдание — где ж?

Этой чаше рассудок хвалу воздает,
 С ней влюбленный целуется ночь напролет,
 А безумный гончар столь изящную чашу
 Создает — и об землю без жалости бьет!

Жизни стыдно за тех, кто сидит и скорбит,
 Кто не помнит утех, не прощает обид.
 Пой, куда у чанга не лопнули струны!
 Пей, куда об камень сосуд не разбит!

Старость — дерево, корень которого сгнил.
 Возраст алые щеки мои посинил.
 Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
 Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

Нет на свете тиранов злобней и жадней,
 Чем земля и жестокое небо над ней.
 Распороть бы земле ненасытное брюхо:
 Сколько в нем засверкает бесценных камней!

Двери в этой обители: выход и вход.
 Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
 Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
 Кто совсем не родился — счастливее тот.

Добровольно сюда не явился бы я.
 И отсюда уйти не стремился бы я.
 Я бы в жизни, будь воля моя, не стремился
 Никуда. Никогда. Не родился бы я.

Над землей небосвод наклонится вновь,
 Как над чашей кувшин. Между ними любовь.
 Только хлещет на землю не кровь винограда,
 А сынов человеческих алая кровь.

Двести лет проживешь или тысячу лет —
 Все равно попадешь муравьям на обед.
 В шелк одет или в жалкие тряпки одет,
 Падишах или пьяница — разницы нет!

Этот мир красотой Хайама пленил,
 Ароматом и цветом своим опьянил.
 Но источник с живою водою — иссякнет,
 Как бы ты бережливо его ни хранил!

Я скажу по секрету тебе одному:
 Смысл мучений людских недоступен уму.
 Нашу глину аллах замесил на страданиях:
 Мы выходим из тьмы, чтобы кануть во тьму!

Если гурия страстно целует в уста,
 Если твой собеседник мудрее Христа,
 Если лучше небесной Зухры музыкантша —
 Все не в радость, коль совесть твоя не чиста!

Угнетает людей небосвод-мирод:
 Он ссужает их жизнью на несколько лет.
 Знал бы я об условиях этих кабальных —
 Предпочел бы совсем не родиться на свет!

Милосердия, сердце мое, не ищи.
 Правды в мире, где ценят вранье, — не ищи.
 Нет еще в этом мире от скорби лекарства.
 Примирись — и лекарств от нее не ищи.

Плачет роза под прессом: «Зачем из меня
 Соки жмут перегонщики, масло гоня?»
 «Годы горя и слез, — соловей отвечает, —
 Вот цена одного безмятежного дня!»

Семь небес или восемь? По-разному врут.
Важно то, что меня они в прах разотрут.
И какая мне разница: черви в могиле
Или волки в степи мое тело сожрут?

О мудрец! Коротай свою жизнь в погребке.
Праха великих властителей — чаша в руке.
Все, что кажется прочным, незыблемым, вечным,
Лишь обманчивый сон, лишь мираж вдалеке...

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

Если мельницу, баню, роскошный дворец
Получает в подарок дурак и подлец,
А достойный идет в кабалу из-за хлеба —
Мня плевать на твою справедливость, творец!

Неужели таков наш ничтожный удел:
Быть рабами своих вожделеющих тел?
Ведь еще ни один из живущих на свете
Вожделений своих утолить не сумел!

Много ль проку в уме и усердье твоём,
Если жизнь — краткосрочный кабальный заем?
Есть ли смысл заключенным в тюрьму
сокрушаться,
Что явились мы поздно и рано уйдем?

Если б мне всемогущество было дано —
 Я бы небо такое низринул давно
 И воздвиг бы другое, разумное небо,
 Чтобы только достойных любило оно!

Плачь — не плачь, а придется и нам умереть.
 Небольшое несчастье — однажды истлеть.
 Горстка грязи и крови... Считай, что на свете
 Нас и не было вовсе. О чем сожалеть?

Мы попали в сей мир, как в силок — воробей.
 Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
 В эту круглую клетку, где нету дверей,
 Мы попали с тобой не по воле своей.

Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой,
 Что сердца наполняются смертной тоской.
 Счастлив тот, кто ее поскорее покинет.
 Кто совсем не родится — познает покой.

О душа! Ты меня превратила в слугу.
 Я твой гнет ощущаю на каждом шагу.
 Для чего я родился на свет, если в мире
 Все равно ничего изменить не могу?

И того, кто умен, и того, кто красив,
 Небо в землю упрячет, под корень скосив.
 Горе нам! Мы истлеем без пользы, без цели.
 Станем бывшими мы, бытия не вкусив.

Долго ль спину придется мне гнуть или нет,
 Скоро ль мне суждено отдохнуть или нет —
 Что об этом вздыхать, если даже, вздыхая,
 Я не знаю: успею вздохнуть или нет?

От безбожья до бога — мгновенье одно.
 От нуля до итога — мгновенье одно.
 Береги драгоценное это мгновенье:
 Жизнь — ни мало, ни много — мгновенье одно!

Некто мудрый внушал задремавшему мне:
 «Просыпайся, счастливым не станешь во сне.
 Брось ты это занятие, подобное смерти.
 После смерти, Хайам, отоспишься вполне!»

Мертвецам все равно: что минута — что час,
 Что вода — что вино, что Багдад — что Шираз.
 Полнолуние сменится новой луною
 После нашей гибели тысячи раз.

То, что бог нам однажды отмерил, друзья,
 Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
 Постараемся с толком истратить наличность,
 На чужое не зарясь, взаймы не прося.

Принеси заключенный в кувшине рубин —
 Он один мой советчик и друг до седин.
 Не сиди, размышляя о бренности жизни,—
 Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

Пристрастился я к лицам румянее роз,
 Пристрастился я к соку божественных лоз,
 Из всего я стараюсь извлечь свою долю,
 Пока частное в целое не влилось.

В окруженьи друзей, на веселом пиру
 Буду пить эту влагу, пока не умру!
 Буду пить из прекрасных гончарных изделий,
 До того как сырем послужить гончару.

Не выращивай в сердце печали росток,
 Книгу радостей выучи назубок,
 Пей, приятель, живи по велению сердца:
 Неизвестен отпущенный смертному срок.

Оттого, что неправеден мир, не страдай,
 Не тверди нам о смерти и сам не рыдай,
 Наливай в пиалу эту алую влагу,
 Белогрудой красавице сердце отдай.

Тот, кто мир преподносит счастливым в дар
 Остальным — за ударом наносит удар.
 Не горюй, если меньше других веселился.
 Будь доволен, что меньше других пострадал.

Как прекрасны и как неизменно новы
 И румянец любимой, и зелень травы!
 Будь веселым и ты: не скорби о минувшем,
 Не тверди, обливаясь слезами: «Увы!»

Встанем утром и руки друг другу пожмем,
 На минуту забудем о горе своем,
 С наслаждением вдохнем этот утренний воздух
 Полной грудью, пока еще дышим, вздохнем!

Лунолика! Чашу вина и греха
 Пей сегодня — на завтра надежда плоха.
 Завтра, глядя на землю, луна молодая
 Не отыщет ни славы моей, ни стиха.

Мой закон: быть веселым и вечно хмельным,
 Ни святошей не быть, ни безбожником злым.
 Я спросил у судьбы о размере калыма.
 «Твое сердце,— сказала,— достойный калым!»

Виночерпий, бездонный кувшин приготовь!
 Пусть без устали хлещет из горлышка кровь.
 Эта влага мне стала единственным другом,
 Ибо все изменили — и друг и любовь.

Травка блещет, и розы горят на кустах.
 В нашей утренней радости кроется страх,
 Ибо мы оглянуться с тобой не успеем —
 Скосят травку, а розы рассыплются в прах.

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
 Что вчера утекла? Если да, то — когда?»
 Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
 Разрешит все вопросы сковорода!»

Когда ветер у розы подол разорвет,
 Мудрый тот, кто кувшин на двоих разопьет
 На лужайке с подругой своей белогрудой
 И об камень ненужный сосуд разобьет!

Встань и полную чашу налей поутру,
 Не горюй о неправде, царящей в миру.
 Если б в мире законом была справедливость —
 Ты бы не был последним на этом пиру.

Жизнь в разлуке с лозою хмельною — ничто.
 Жизнь в разладе с певучей струною — ничто.
 Сколько я ни вникаю в дела под луною:
 Наслаждение — все, остальное — ничто!

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал
 В сад любви удались и наполни бокал,
 Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
 Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

Не горюй, что забудется имя твое.
 Пусть тебя утешает хмельное питье.
 До того, как суставы твои распадутся,—
 Утешайся с любимой, лаская ее.

Чем стараться большое именье нажить,
 Чем себе, закоснев в самомнении, служить,
 Чем гоняться до смерти за призрачной славой,
 Лучше жизнь, как во сне, в опьянении прожить!

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
 День прошел — и назад не придет никогда,
 Будем жить, о подруга моя, настоящим!
 Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

Ты не знаешь, о чем петухи голоса?
 Не о том ли, что мертвых не воскресят?
 Что еще одна ночь истекла безвозвратно,
 А живые, об этом не ведая, спят?

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
 Ради звонкой монеты поклонов не бей.
 Если друга ты вовремя не накормишь —
 Все сожрет без остатка наследник-злодей.

Не пекись о грядущем. Странанье—удел
 Дальновидных вершителей завтрашних дел.
 Этот мир и сегодня для сердца не тесен—
 Лишь бы долю свою отыскать ты сумел.

Если сердце мое отобьется от рук —
 То куда ему деться? Безлюдье вокруг!
 Каждый жалкий дурак, узколобий невежда,
 Выпив лишку — Джемшидом становится вдруг.

День прекрасен: ни холод с утра, ни жара.
 Ослепителен блеск травяного ковра,
 Соловей над раскрытою розой с утра
 Надрывается: братья за чашу пора!

Научась отличать свои руки от ног,
 Я рукой шевельнуть самовольно не мог.
 Жаль, что в счет мне поставят бесплодные годы,
 Когда не был я пьян, когда был одинок.

Что меня ожидает — неведомо мне,
 Скорбь рождает раздумье о завтрашнем дне.
 Пей, Хайам! Не пролей ни глотка этой влаги,
 Этой жизни, которой все меньше на дне.

Всем сердечным движениям волю давай,
 Сад желаний возделывать не устай,
 Звездной ночью блаженствуй на шелковой травке:
 На закате — ложись, на рассвете — вставай.

Лживой книжной премудрости лучше бежать,
 Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
 До того, как судьба твои кости иссушит,—
 Лучше чашу без устали осушать!

Приходи — и не будем о прошлом тужить,
 Будем пить и минутой сегодняшней жить.
 Завтра, вслед за другими, ушедшими прежде,
 Нам в дорогу пожитки придется сложить.

Отврати свои взоры от смены времен,
 Весел будь неизменно, влюблен и хмелен.
 Не нуждается небо в покорности нашей —
 Лучше пылкой красавицей будь покорен!

Беспощадна судьба, наши планы круша.
 Час настанет — и тело покинет душа.
 Не спеши, посиди на траве, под которой
 Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

Если есть у тебя для жилья закуток —
 В наше подлое время — и хлеба кусок,
 Если ты никому не слуга, не хозяин —
 Счастлив ты и воистину духом высок.

Тучам солнца высокого не потушить.
 Горю сердца веселого не сокрушить.
 Для чего нам к неведомой цели спешить?
 Лучше пить и в свое удовольствие жить!

Встань, Хайама поздравь с наступающим днем
 И хрустальную чашу наполни огнем.
 Помни: этой минуты в обители тлена
 Мы с тобою уже никогда не вернем.

Смертный, если не ведаешь страха — борись.
 Если слаб — перед волей аллаха смирись.
 Но того, что сосуд, сотворенный из праха,
 Прахом станет — оспаривать не берись.

Мир — капкан, от которого лучше бежать.
 Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
 Пламя скорби гаси утешительной влагой.
 Ветру смерти не дай себя с прахом смешать.

Что за утро! Налей-ка, не мешкая, мне
 Что там с ночи осталось в кувшине на дне.
 Прелесть этого утра душою почувствуй —
 Завтра станешь бесчувственным камнем в стене.

За страданья свои небеса не кляни.
 На могилы друзей без рыданья взгляни.
 Оцени мимолетное это мгновенье,
 Не гляди на вчерашний и завтрашний дни.

Разум к счастью стремится, все время твердит:
 «Дорожи каждым мигом, пока не убит!
 Ибо ты — не трава, и когда тебя скосят —
 То земля тебя заново не возродит».

Жизнь — мгновенье. Вино — от печали бальзам.
 День прошел беспечально — хвала небесам!
 Будь доволен тебе предназначенной долей,
 Не пытайся ее переделывать сам.

Если жизнь твоя нынче, как чаша, полна —
 Не спеши отказаться от чаши вина.
 Все богатства судьба тебе дарит сегодня —
 Завтра, может случиться, ударит она!

Если все государства, вблизи и вдали,
 Покоренные, будут валяться в пыли —
 Ты не станешь, великий владыка, бессмертным.
 Твой удел невелик: три аршина земли.

Плеч не горби, Хайам! Не удастся и впредь
 Черной скорби душою твоей овладеть.
 До могилы глаза твои с радостью будут
 На ручей, на зеленую ниву глядеть.

Не молящимся грешником надобно быть —
 Веселящимся грешником надобно быть.
 Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
 Шутником и насмешником надобно быть.

Над Землею сверкает небесный Телец.
 Скрыл другого тельца под землею творец.
 Что ж мы видим на пастбище между тельцами?
 Миллионы безмозглых ослов и овец!

Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
 Всем желающим тело свое продаешь!»
 «Я,— сказала блудница,— и вправду такая.
 Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»

Я в мечеть не за праведным словом пришел,
 Не стремясь приобщиться к основам, пришел.
 В прошлый раз утащил я молитвенный коврик,
 Он истерся до дыр — я за новым пришел.

Мы чалму из тончайшего льна продадим,
 И корону султана спьянá продадим,
 Принадлежность святош — драгоценные четки,
 Не торгуясь, за чашу вина продадим.

Если Ты не велишь мне глядеть на луну —
 Я, покорный Тебе, на нее не взгляну.
 Это так же жестоко, как полную чашу
 Поднести, запретив прикасаться к вину!

Если пост я нарушу для плотских утех —
 Не подумай, что я нечестивее всех.
 Просто: постные дни — словно черные ночи,
 А ночами грешить, как известно, не грех!

Когда тело мое на кладбище снесут —
 Ваши слезы и речи меня не спасут.
 Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
 А потом из меня изготовьте сосуд!

К черту пост и молитву, мечеть и муллу!
 Воздадим полной чашей аллаху хвалу.
 Наша плоть в бесконечных своих превращениях
 То в кувшин превращается, то в пиалу.

Если истину сердцу постичь не дано,
 Для чего же напрасно страдает оно?
 Примирись и покорствуй бесстрастному року,
 Ибо то, что предписано, — сбыться должно!

В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
 Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
 Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
 Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

В этом мире на каждом шагу — западня.
 Я по собственной воле не прожил и дня.
 Без меня в небесах принимают решения,
 А потом бунтарем называют меня!

Благородство и подлость, отвага и страх —
 Все с рожденья заложено в наших телах.
 Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
 Мы такие, какими нас создал аллах!

От неожиданного счастья, глупец, не шалей.
 Если станешь несчастным — себя не жалеяй.
 Зло с добром не вали без разбора на небо:
 Небу этому в тысячу раз тяжелей!

Все, что будет: и зло, и добро — пополам
 Предписал нам заранее вечный калам.
 Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях
 Нету смысла страдать и печалиться нам.

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
 Словно птица небесного рая — любовь.
 Но еще не любовь — соловьиные стоны.
 Не стонать, от любви умирая, — любовь!

Небо сердцу шептало: «Я знаю — меня
 Ты поносишь, во всех своих бедах виня.
 Если б небо вращеньем своим управляло —
 Ты бы не было, сердце, несчастным ни дня!»

Ты меня сотворил из земли и воды.
 Ты — творец моей плоти, моей бороды.
 Каждый умысел мой предначертан тобою.
 Что ж мне делать? Спасибо сказать за труды?

В день, когда оседлали небес скакуна,
 Когда дали созвездиям их имена,
 Когда все наши судьбы вписали в скрижали —
 Мы покорными стали. Не наша вина.

Где вчерашние юноши, полные сил?
 Всех без жалости серп небосвода скосил.
 Горевать бесполезно: что было — то сплыло.
 Дай вина, чтобы смертный бессмертья вкусил!

Много ль проку от наших молитв и кадил?
 В рай лишь тот попадет, кто не в ад угодил
 Что кому на роду предначертано будет —
 До начала творенья господь утвердил!

Мир чреват одновременно благом и злом:
 Все, что строит, — немедля пускает на слом.
 Будь бесстрашен, живи настоящей минутой,
 Не пейись о грядущем, не плачь о былом.

Кипарис языками, которых не счесть,
 Не болтает. Хвала кипарису и честь!
 А тому, кто одним языком обладает,
 Но болтлив, — не мешало бы это учесть...

Муж ученый, который мудрее муллы,
 Но бахвал и обманщик,— достоин хулы.
 Муж, чье слово прочнее гранитной скалы,—
 Выше мудрого, выше любой похвалы!

Те, в ком страсти волнуются, мысли кипят,—
 Все на свете понять и изведать хотят.
 Выпьют чашу до дна — и лишатся сознания,
 И в объятиях смерти без памяти спят.

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
 В ад согласен безумец влюбленный попасть.
 Безразлично влюбленным, во что одеваться,
 Что на землю стелить, что под голову класть.

Чем за общее счастье без толку страдать —
 Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
 Лучше друга к себе привязать добротой,
 Чем от пут человечество освободить.

Из верченья гончарного круга времен
 Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
 Или пьяный, привычный к вращению мира,
 Ничего ровным счетом не смыслящий в нем!

Небо — пояс загубленной жизни моей,
 Слезы падших — соленые волны морей,
 Рай — блаженный покой после страстных усилий,
 Адский пламень — лишь отблеск угасших страстей.

Хоть мудрец — не скупец и не копит добра,
 Плохо в мире и мудрому без серебра.
 Под забором фиалка от нищенства никнет,
 А богатая роза красна и щедра!

Есть ли кто-нибудь в мире, кому удалось
 Утолить свою страсть без мучений и слез?
 Дал себя распилить черепаховый гребень,
 Чтобы только коснуться любимых волос!

Пей с достойным, который тебя не глупей,
 Или пей с лунолицой любимой своей.
 Никому не рассказывай, сколько ты выпил.
 Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей.

Много мыслей в моей голове, но увы:
 Если выскажу их — не сносить головы!
 Только эта бумага достойна доверья.
 О друзья, недостойны доверия вы!

Я к неверной хотел бы душой охладеть,
 Новой страсти позволить собой овладеть.
 Я хотел бы — но слезы глаза застилают,
 Слезы мне не дают на другую глядеть!

Когда песню любви запоют соловьи —
 Выпей сам и подругу вином напои.
 Видишь, роза раскрылась в любовном
 томленьи?
 Утоли, о влюбленный, желанья свои!

Пью не ради запретной любви к питию,
 И не ради веселья душевного пью,
 Пью вино потсму, что хочу позабыться,
 Мир забыть и несчастную долю свою.

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
 Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
 Ад и рай — не круги во дворце мироздания,
 Ад и рай — это две половины души.

Для того, кто за внешностью видит нутро,
 Зло с добром — словно золото и серебро.
 Ибо то и другое — дается на время,
 Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

Вновь на старости лет я у страсти в плену.
 Разве иначе я пристрастился б к вину?
 Все обеты нарушил возлюбленной ради
 И, рыдая, свое безрассудство клянчу.

Дай вина! Здесь не место пустым словесам.
 Поцелуй любимой — мой хлеб и бальзам,
 Губы пылкой возлюбленной — винного цвета,
 Буйство страсти подобно ее волосам.

Если жизнь все равно неизбежно пройдет —
 Так пускай хоть она безмятежно пройдет!
 Жизнь тебя, если будешь веселым, утешит.
 Если будешь рыдать — безутешно пройдет.

Влагу, к жизни тебя возродившую, пей,
 Влагу, юность тебе возвратившую, пей,
 Эту алую, с пламенем схожую, влагу,
 В радость горе твое превратившую, пей!

В этом мире не вырастет правды побег.
 Справедливость не правила миром вовек.
 Не считай, что изменишь течение жизни.
 За подрубленный сук не держись, человек!

Нам дорогу забыть к харабату нельзя,
 Доброй славы добыть и за плату нельзя.
 Веселитесь! Чадра добродетели нашей
 В дырах вся — и поставить заплату нельзя.

Мы грешим, истребляя вино. Это так.
 Из-за наших грехов процветает кабак.
 Да простит нас аллах милосердный! Иначе
 Милосердие божье проявится как?

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
 Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
 Чем Ты лучше меня, если мне в наказанье
 Ты ответное зло совершил? Отвечай!

Ты кувшин мой разбил, всемогущий господь,
 В рай мне дверь затворил, всемогущий господь,
 Драгоценную влагу ты пролил на камни —
 Ты видать, перепил, всемогущий господь?

Каждый молится богу на собственный лад.
 Всем нам хочется в рай и не хочется в ад.
 Лишь мудрец, постигающий замысел божий,
 Адских мук не страшится и раю не рад.

Мы не ропщем и рабских поклонов не бьем,
 Мы, надеясь на милость всевышнего, пьем.
 Грех ценней добродетели, ибо всевышний
 Должен что-то прощать в милосердьe своем!

Вы, злодейству которых не видно конца,
 В Судный день не надейтесь на милость творца!
 Бог, простивший не сделавших доброго дела,
 Не простит сотворившего зло подлеца.

Светоч мысли, сосуд сострадания — мы.
 Средоточие высшего знания — мы.
 Изречение на этом божественном перстне,
 На бесценном кольце мироздания — мы!

Вместо розы — колючка сухая сойдет.
 Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
 Если нет под рукою муллы и мечети —
 Поп сгодится и вера чужая сойдет!

Скакуна твоего, небом избранный шах,
 Подковал золотыми гвоздями аллах,
 Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
 Чтоб копыта его не ступали во прах.

Без меня собираясь в застолье хмельном,
Продолжайте блистать красотой и умом.
Когда чаши наполнит вином виночерпий —
Помяните ушедшего чистым вином!

Из сиреневой тучи на зелень равнин
Целый день осыпается белый жасмин.
Наливаю подобную лилии чашу
Чистым розовым пламенем — лучшим из вин.

Если вдруг на тебя снизошла благодать —
Можешь все, что имеешь, за правду отдать.
Но, святой человек, не обрушивай гнева
На того, кто за правду не хочет страдать!

Не моли о любви, безнадежно любя,
Не броди под окном у неверной, скорбя.
Словно нищие дервиши, будь независим —
Может статься, тогда и полюбят тебя.

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

В этом мире неверном не будь дураком:
Полагаться не вздумай на тех, кто кругом,
Трезвым оком взгляни на ближайшего друга —
Друг, возможно, окажется злейшим врагом,

Не завидуя тому, кто силен и богат.
 За рассветом всегда наступает закат.
 С этой жизнью короткою, равною вздоху,
 Обращайся как с данной тебе напрокат.

Горе сердцу, которое льда холодней,
 Не пылает любовью, не знает о ней.
 А для сердца влюбленного — день, проведенный
 Без возлюбленной, — самый пропащий из дней!

Алый лал наливай в пиалу из ковша,
 Пиала — это тело, а влага — душа.
 Улыбается весело полная чаша,
 Слезы сердца осушишь, ее осуша.

Пусть я плохо при жизни служил небесам,
 Пусть грехов моих груз не под силу весам —
 Полагаюсь на милость Единого, ибо
 Отродясь никогда не двуличничал сам!

Утром лица тюльпанов покрыты росой,
 И фиалки, намокнув, не блещут красой.
 Мне по сердцу еще не расцветшая роза,
 Чуть заметно подол приподнявшая свой.

«Снизойди, — меня сердце просило, — к мольбе:
 Научи меня истине, ясной тебе!» —
 «А!» — сказал я. «Достаточно! — сердце
сказало. —
 Много ль надо ума, чтобы вымолвить «Бэ»?»

Сердце слепо — само в западню норовит,
 То впадает в соблазн, то молитву творит.
 Скучно быть новичком неумелым в мечети,
 Лучше будь в харабате, Хайам, знаменит!

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
 Станем думать о счастье, о светлом вине.
 Мне раскаянья бог никогда не дарует,
 Ну а если дарует — зачем оно мне?

Вождедея, желаний своих не таи.
 В лапах смерти угаснут желанья твои.
 А пока мы не стали безжизненным прахом —
 Виночерпий, живую водой напои!

Те, что ищут забвения в чистом вине,
 Те, что молятся богу в ночной тишине, —
 Все они, как во сне, над разверзнутой бездной,
 А Единый над ними не спит в вышине!

Не давай убаюкать себя похвалой —
 Меч судьбы занесен над твоей головой.
 Как ни сладостна слава, но яд наготове
 У судьбы. Берегись отравиться халвой!

Смерти я не страшусь, на судьбу не ропщу,
 Утешенья в надежде на рай не ищу,
 Душу вечную, данную мне ненадолго,
 Я без жалоб в положенный срок возвращу.

Из всего, что аллах мне для выбора дал,
 Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
 Для спасенья души голодал и страдал,
 Ставши нищим, богаче богатого стал.

Трудно замыслы божьи постичь, старина.
 Нет у этого неба ни верха, ни дна.
 Сядь в укромном углу и довольствуйся малым:
 Лишь бы сцена была хоть немного видна!

Пить аллах не велит не умеющим пить,
 С кем попало, без памяти смеющим пить,
 Но не мудрым мужам, соблюдающим меру,
 Безусловное право имеющим пить!

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
 Стал, в погоне за истиной, сух и угрюм.
 Притязающий с детства на знание жизни,
 Виноградом не став, превратился в изюм.

О вино! Ты прочнее веревки любой.
 Разум пьющего крепко опутан тобой.
 Ты с душой обращаешься, словно с рабой,
 Стать ее заставляешь самую собой.

Под мелодию флейты, звучащей вблизи,
 В кубок с розовой влагой уста погрузи.
 Пей, мудрец, и пускай твое сердце ликует,
 А непьющий святоша — хоть камни грызи!

Рóзан хвастал: «Иосиф Египетский я,
Отрок, проданный в рабство в чужие края».
Я сказал: «Предъяви доказательства, рóзан». —
«Вот покрытая кровью рубашка моя!»

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

Все святые сегодня творят чудеса:
Землю влагой живою кропят небеса,
Каждой ветки рукою коснулся Муса,
В каждой малой травинке проснулся Иса.

Волшебства о любви болтовня лишена,
Как остывшие угли — огня лишена.
А любовь настоящая жарко пылает,
Сна и отдыха ночи и дня лишена.

Вместо злата и жемчуга с янтарем
Мы другое богатство себе изберем:
Сбрось наряды, прикрой свое тело старьем,
Но и в жалких лохмотьях — останься царем!

Если бог не услышит меня в вышине —
Я молитвы свои обращу к сатане.
Если богу желанья мои неуютны —
Значит, дьявол внушает желания мне!

Если я согрешил — то не сам по себе.
 Путь земной совершил я не сам по себе.
 Где я был? Кто я был? Жил впотьмах,
исполняя
 Все, что Он предрешил, а не сам по себе.

Для достойного — нету достойных наград,
 Я живот положить за достойного рад.
 Хочешь знать, существуют ли адские муки?
 Жить среди недостойных — вот истинный ад!

Разум мой не силен и не слишком глубок,
 Чтобы замыслов божьих распутать клубок.
 Я молюсь и аллаха понять не пытаюсь —
 Сущность бога способен постичь только бог.

Ты задáлся вопросом: что есть Человек?
 Образ божий. Но логикой бог пренебрег:
 Он его извлекает на миг из пучины—
 И обратно в пучину швыряет навек.

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
 Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
 Даже если простит меня бог милосердный,
 Стыдно будет стоять перед богом — увы!

Ты, о небо, за горло счастливецá берешь,
 Ты рубаху, в которой родился он, рвешь,
 Ветер — в пламя и воду — во прах превращая,
 Ни вздохнуть, ни напитокá ему не даешь.

Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд,
 После смерти на небо тебя вознесут!
 Там — ты дома, а здесь — ты в неволе у тела,
 Ты стыдишься того, что находишься тут.

Пощади меня, боже, избавь от оков!
 Их достойны святые — а я не таков.
 Я подлец — если ты не жесток с подлецами.
 Я глупец — если жалуешь ты дураков.

Согрешив, ни к чему себя адом страшать,
 Стать безгрешным не надо, Хайам, обещать.
 Для чего милосердному богу безгрешный?
 Грешник нужен всевышнему — чтобы прощать!

О жестокое небо, безжалостный бог!
 Ты еще никогда никому не помог.
 Если видишь, что сердце обуглено горем,—
 Ты немедля еще добавляешь ожог.

Веселись! Невеселые сходят с ума.
 Светит вечными звездами вечная тьма.
 Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
 Кирпичи изготовят и сложат дома?

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
 Книгу славы мирской никогда не листал,
 Кто, как птица Симург, отрешился от мира,
 Но совою, подобно Хайаму, не стал.

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
О сохранности глаз, языка и ушей!

Увидав черепки — не топчи черепка.
Берегись! Это бывших людей черепа.
Чаши лепят из них — а потом разбивают.
Помни, смертный: придет и твоя череда!

Дом разрушу, последний кирпичик в стене
Я отдам за вино, ненавистное мне.
«Чем расплатишься завтра?» — Чалмой
и халатом.
Не Марьям соткала их — сойдемся в цене!

Не рыдай! Ибо нам не дано выбирать:
Плачь не плачь — а придется и нам умирать,
Глиной ставшие мудрые головы наши
Завтра будет ногами гончар попирать.

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

О Палаточник! Бренное тело твое —
Для бесплотного духа земное жильё.
Смерть снесет полотняную эту палатку,
Когда дух твой бессмертный покинет ее.

Не позор и не грех — в харабат забрести.
 Благородство и мудрость у пьяниц в чести.
 Медресé — вот рассадник невежд с подлецами!
 Я без жалости их повелел бы снести.

В жизни сей опьянение лучше всего,
 Нежной гурии пение лучшего всего,
 Вольной мысли кипение лучше всего,
 Всех запретов забвение лучше всего.

Я терплю издевательства неба давно.
 Может быть, за терпенье в награду оно
 Ниспошлет мне красавицу легкого нрава
 И тяжелый кувшин ниспошлет заодно?

Руси

(1207—1273)

ПРИТЧИ

ПОСЕЛЯНИН И ЛЕВ

Однажды, к пахарю забравшись в хлев,
В ночи задрал и съел корову лев.

И сам в хлеву улегся отдыхать.
Покинул пахарь тот свою кровать;

Не вздув огня, он поспешил на двор —
Цела ль корова, не залез ли вор?

И льва нащупала его рука,
Погладил льву он спину и бока.

Льву думалось: «Двуногий сей осел,
Видать, меня своей коровой счел!

Да разве б он посмел при свете дня
Рукой касаться дерзкою меня?

Пузырь бы желчный лопнул у него
От одного лишь вида моего!»

Ты, мудрый, суть вещей сперва познай,
Обманной внешности не доверяй.

РАССКАЗ О БЕДУИНЕ,
У КОТОРОГО СОБАКА
ПОДОХЛА ОТ ГОЛОДА

У бедуина пес околевал,
Над ним хозяин слезы проливал.

Спросил его прохожий: «Ты о чем,
О муж могучий, слезы льешь ключом?»

Ответил: «При смерти мой верный пес.
Так жаль его... Не удержать мне слез.

Он на охоте дичь мне выгонял,
Не спал ночами, стадо охранял».

Спросил прохожий: «Что у пса болит?
Не ранен он? Хребет не перебит?»

А тот: «О нет! Он только изнурен.
От голода околевает он!»

«Будь терпелив,— сказал прохожий тот,—
Бог за терпенье благом воздает».

Потом спросил: «А что в большом мешке,
Который крепко держишь ты в руке?»

«В мешке? Хлеб, мясо... много там всего
Для пропитанья тела моего».

«О человек,— спросил прохожий,— что ж
Собаке ты ни корки не даешь?»

Ответил: «Не могу ни крошки дать,—
В пути без денег хлеба не достать;

Хоть не могу над псом я слез не лить...
А слезы — что ж... за слезы не платить...»

И тут прохожий в гневе закричал:
«Да будь ты проклят, чтобы ты пропал!

Набитый ветром ты пустой бурдюк!
Ведь этот пес тебе был верный друг!

А ты в сто раз презреннее, чем пес.
Тебе кусок еды дороже слез!

Но слезы — кровь, пролитая бедой,
Кровь, от страданья ставшая водой.

Пыль под ногой — цена твоим слезам,
И не дороже стоишь весь ты сам!»

РАССКАЗ ОБ УКРАДЕННОМ БАРАНЕ

Барана горожанин за собой
Ташил с базара,— видно, на убой.

И вдруг в толпе остался налегке
С веревкой перерезанной в руке.

Барана нет. Добычею воров
Овчина стала, и курдюк, и плов.

Тот человек, в пропаже убедясь,
Забегал, бестолково суетясь.

А вор возле колодца, в стороне,
Вопил и причитал: «Ой, горе мне!»

«О чем ты?»— обворованный спросил.
«Я кошелек в колодец уронил.

Все, что имел я,— сто динаров там!
Достанешь — я в награду двадцать дам».

А тот: «Да это целая казна!
Ведь десяти баранов в ней цена.

Я одного барана потерял,
Но бог взамен верблюда мне послал!»

В колодец он с молитвою полез,
А вор с его одеждою исчез.

О друг, по неизвестному пути
Ты должен осмотрительно идти.

Но жадность заведет в колодец бед
Того, в ком осмотрительности нет.

О ТОМ, КАК ШАХ ТЕРМЕЗА ПОЛУЧИЛ «МАТ» ОТ ШУТА

Шах в шахматы с шутком своим играл.
«Мат» получил и гневом запылал.

Взяв горсть фигур, шута он по лбу хватъ.
«Вот «шах» тебе! Вот — «мат»! Учись играть!

Ферзем куда не надо — не ходи».
А шут: «Сдаюсь, владыка, пощади!»

Шах молвил: «Снова партию начнем».
А шут дрожал, как голый под дождем.

Сыграли быстро. Шаху снова «мат».
Шут подхватил заплатанный халат;

Под шесть тяжелых, толстых одеял
Забился, притаился и молчал.

«Эй, где ты там?» — шах закричал в сердцах.
А шут ему: «О справедливый шах,

Чтоб перед шахом правду говорить,
Надежно надо голову прикрыть.

«Мат» получил ты от меня опять.
Теперь твой ход — и мне несдобровать».

О ТОМ, КАК СТАРИК ЖАЛОВАЛСЯ
ВРАЧУ НА СВОИ БОЛЕЗНИ

Старик сказал врачу: «Я заболел!!
Слезотечение... Насморк одолел».

«От старости твой насморк», — врач сказал.
Старик ему: «Я плохо видеть стал».

«От старости, почтенный человек,
И слабость глаз, и покраснение век».

Старик: «Болит и ноет вся спина!»
А врач: «И в этом старости вина».

Старик: «Мне в пользу не идет еда».
А врач: «От старости твоя беда».

Старик: «Я кашляю, дышу с трудом».
А врач: «Повинна старость в том и в том».

Ведь если старость в гости к нам придет,
В подарок сто болезней принесет».

«Ах ты, дурак! — сказал старик врачу.—
Я у тебя лечиться не хочу!

Чему тебя учили, о глупец?
Лекарствами сумел бы врач-мудрец

Помочь в недомогании любом,
А ты — осел, оставшийся ослом!..»

А врач: «И раздражительность твоя —
От старости, тебе ручаюсь я!»

РАССКАЗ
О ВОРЕ-БАРАБАНИЦИКЕ

Однажды темной ночью некий вор
Подкапывался под чужой забор.

Старик, что на соседней кровле спал,
Услышав стук лопатки, с ложа встал.

Окликнул вора: «Бог на помощь, брат!
Ты что там делаешь, когда все спят?»

Скажи на милость мне — ты кто такой?»
А вор: «Я барабанщик городской».

«А чем сейчас ты занят — знать хочу!» —
«Сам видишь — в барабан я колочу!»

«Что ж грома барабана твоего
Не слышно, плут?» — старик спросил его.

А вор: «Настанет утро — и тогда
Услышишь гром и вопли: «Ай, беда!»

СПОР ВЕРБЛЮДА, БЫКА И БАРАНА

Верблюд, Баран и Бык дорогой шли
И связку сена свежего нашли.

«Как разделить? — Баран им говорит.—
Ведь ни один из нас не будет сыт!»

Не лучше ли судить по старшинству?
Кто старше всех — пусть эту съест траву.

Пророк, принесший миру благодать,
Нам завещал старейших почитать».

Бык промычал: «Ну что ж, друзья, ну что ж...
Совет Барана мудрого хорош.

Расскажем о себе с начала дней.
Кто старше всех — тот и травой владеет».

Сказал Баран: «Я пасся в тех стадах,
Что разводил пророк Халил-Уллах.

Дружил я с тем барашком молодым,
Которого зарезал Ибрагим».

А Бык: «Куда со мной тягаться вам!
Я — старше всех! На мне пахал Адам!»

Хоть изумлен Верблюды их ложью был,
Нагнул он шею, сено ухватил,

Высоко поднял связку и сказал:
«Пусть Бык не лгал, и пусть Баран не лгал,

Не буду спорить, кто из нас древней,
Поскольку шея у меня длинней.

И всем, конечно, ведомо, что я
Вас не моложе, добрые друзья».

РАССКАЗ О САДОВНИКЕ

Садовник увидал, войдя в свой сад,
Что трое незнакомцев в нем сидят.

«Похожи,— он подумал,— на воров!»
Суфий, сейид и третий — богослов.

А был у них троих один порок:
Душа как незавязанный мешок.

Сказал садовник: «Сада властелин
Я иль они? Их трое, я один!

Хитро на этот раз я поступлю,
Сперва их друг от друга отделию.

Как в сторону отправлю одного —
Всю бороду я вырву у него.

Ух, как поодиночке проучу,
Как только их друг с другом разлучу!»

И вот злоумный этот человек
К такой коварной выдумке прибег.

Сказал суфию: «Друг! Возьми скорей
В сторожке коврик для своих друзей!»

Ушел суфий. Садовник говорит:
«Вот ты — законовед, а ты — сейид,

Старинный род твой царственно высок,
Ведь предок твой был сам святой пророк!

А ты — ученый муж, ведь по твоим
Установленьям мы и хлеб едим!

Но тот суфий — обжора и свинья,
Да разве он годится вам в друзья?»

Гоните прочь его — и у меня
Вы погостите здесь хоть два-три дня,

Мой дом, мой сад всегда для вас открыт.
Что — сад! Вам жизнь моя принадлежит!»

Поверили они словам его
И спутника прогнали своего.

Настиг суфия беспощадный враг —
Садовник с толстой палкою в руках,

Сказал: «Эй ты, суфий-собака, стой!
Как ты проворно в сад залез чужой!

Или тебя забыть последний стыд
Наставили Джанейд и Баязид?»

До полусмерти палкой он избил
Суфия. Голову раскровенил.

Сказал суфий: «Сполна мне этот зверь
Отсыпал. Ваша очередь теперь!

Того ж отведасть, что отведал я,
Придется вам, неверные друзья!

Вы — обольщенные своим врагом —
Подобным же подавитесь куском!

Всегда в долине злачной бытия
К тебе вернется эхом речь твоя!»

* * *

Избив суфия, добрый садовод
Такой с гостями разговор ведет:

«О дорогой сейид, сходи ко мне
В сторожку и скажи моей жене,

Чтобы лепешек белых испекла
И жареного гуся принесла!»

Внук божьего избранника ушел.
Хозяин же такую речь завел:

«Вот ты — законовед и веры друг,
Твердыня правды, мудрый муж наук!

Бесспорно это. Но обманщик тот —
Себя он за сейида выдает!

А что его почтеннейшая мать
Продельвала — нам откуда знать?

Любой ублюдок в наши дни свой род
От корня Мухаммедова ведет!»

Все, что ни лгал он злобным языком,
То было правдою о нем самом.

Но так садовник льстиво говорил,
Что вовсе гостя он обворожил.

И многоумудрый муж, законовед,
«Ты прав!» — сказал хозяину в ответ.

Тогда к сейиду садовод пошел
С дубиною, промолвив: «Эй, осел!

Вот! Иль оставил сам святой пророк
Тебе в наследство гнусный твой порок?

На льва детеныш львиный всем похож!
А ты-то на пророка чем похож?»

И тут дубиною отделал он
Сейида бедного со всех сторон.

Казнил его, как лютый хариджит,
Сразил его, как Шмир и как Езид.

Весь обливаясь кровью, тот лежал
И так в слезах законнику сказал:

«Вот ты один остался, предал нас,
Сам барабаном станешь ты сейчас!

Я в мире не из лучших был людей,
Но лучше все ж, чем этот лиходея!

Себя ты погубил, меня губя,
Плохая вышла мена у тебя!»

Тогда, к последнему из трех пришел,
Сказал садовник: «Эй, законовед!

Так ты законовед? Да нет, ты вор!
Ты — поношенье мира и позор.

Или разрешено твоей фатвой
Влезать без позволенья в сад чужой?

Где, у каких пророков, негодяй,
Нашел ты это право? Отвечай!

В «Посреднике» иль в книге «Океан»
Ты это вычитал? Скажи, болван!

И, давши волю гневу своему,
Садовник обломал бока ему.

Мучителю сказал несчастный: «Бей!
Ты прав в законной ярости твоей:

Я кару горше заслужил в сто раз,
Как всякий, кто друзей своих предаст!

Да поразит возмездие бедой
Тех, кто за дружбу заплатил враждой».

РАССКАЗ О ВИНОГРАДЕ

Вот как непонимание порой
Способно дружбу подменить враждой,

Как может злобу породить в сердцах
Одно и то ж на разных языках.

Шли вместе тюрк, перс, араб и грек.
И вот какой-то добрый человек

Приятелям монету подарил
И тем раздор меж ними заварил.

Вот перс тогда другим сказал: «Пойдем
На рынок и ангур приобретем!»

«Врешь, плут,— в сердцах прервал его араб,—
Я не хочу ангур! Хочу эйнаб!»

А тюрк перебил их: «Что за шум,
Друзья мои? Не лучше ли узум!»

«Что вы за люди! — грек воскликнул им.—
Стафилъ давайте купим и съедим!»

И так они в решении сошлись,
Но, не поняв друг друга, подрались.

Не знали, называя виноград,
Что об одном и том же говорят.

Невежество в них злобу разожгло,
Ущерб зубам и ребрам нанесло.

О, если б стоязычный с ними был,
Он их одним бы словом помирил.

«На ваши деньги,— он сказал бы им,—
Куплю, что нужно всем вам четверым,

Монету вашу я учетверю
И снова мир меж вами водворю!

Учетверю, хоть и не разделю,
Желаемое полностью куплю!

Слова несведущих несут войну,
Мои ж — единство, мир и тишину».

НАСТАВЛЕНИЕ ПОЙМАННОЙ ПТИЦЫ

Какой-то человек дрозда поймал.
«О муж почтенный,— дрозд ему сказал,—

Владелец ты отар и косяков.
Ты много съел баранов и быков,

Но пищей столь обильною мясной
Не пресыщен — насытишься ли мной?»

Ты отпусти меня летать, а там
Тебе я три совета мудрых дам.

Один в твоей руке прощобечу,
Другой, когда на крышу я взлечу;

А третий — с ветки дерева того,
Что служит сенью крова твоего.

Моим советам вняв,— пока ты жив,—
Во всем удачлив будешь и счастлив.

Вот первый мой совет в твоих руках:
Бессмыслице не верь ни в чьих устах».

Свободу птице человек вернул,
И дрозд на кровлю весело вспорхнул.

Пропел: «О невозвратном не жалеЙ!
Когда пора прошла — не плачь о ней

И за потери не кляни судьбу!
Бесценный, редкий перл в моем зобу.

Дирхемов верных десять весит он...
Им был навеки б ты обогащен!

Такого перла больше не сыскать,
Да не тебе богатством обладать!»

Как женщина в мучениях родов,
Стонал, кричал несчастный птицелов.

А дрозд: «Ведь я давал тебе совет —
Не плачь о том, чему возврата нет!

Глухой ты, что ли, раз не внял тому
Разумному совету моему?»

Совет мой первый вспомни ты теперь:
Ни в чьих устах бессмыслице не верь.

Как десять я дирхемов мог бы несть,
Когда дирхема три я вешу весь».

А человек, с трудом в себя пришед,
Просил: «Ну, дай мне третий твой совет».

А дрозд: «Ты следовал советам двум,
Пусть третий озарит теперь твой ум:

Когда болвана учат мудрецы,
Они посев бросают в солонцы,

И как ни штопай — шире, чем вчера,
Назавтра будет глупости дыра!»

ДЖУХА И МАЛЬЧИК

Отца какой-то мальчик провожал
На кладбище и горько причитал:

«Куда тебя несут, о мой родной,
Ты скроешься навеки под землей!

Там никогда не светит белый свет,
Там нет ковра, да и подстилки нет!

Там не кипит похлебка над огнем,
Ни лампы ночью там, ни хлеба днем!

Там ни двора, ни кровли, ни дверей,
Там ни соседей добрых, ни друзей!

О, как же ты несчастен будешь в том
Жилье угрюмом, мрачном и слепом!

Родной! От тесноты и темноты
Там побледнеешь и увянешь ты!»

Так в новое жильё он провожал
Отца и кровь — не слезы — проливал.

«О батюшка! — Джуха промолвил тут.—
Покойника, ей-богу, к нам несут!»

«Дурак!» — сказал отец. Джуха в ответ:
«Приметы наши все, сомненья нет!

Всё как у нас: ни кровли, ни двора,
Ни хлеба, ни подстилки, ни ковра!»

СПОР МУСУЛЬМАНИНА С ОГНЕПОКЛОННИКОМ

Огнепоклоннику сказал имам:
«Почтенный, вам пора принять ислам!»

А тот: «Приму, когда захочет бог,
Чтоб истину уразуметь я мог».

«Святой аллах,— имам прервал его,—
Желает избавленья твоего;

Но завладел душой твоей шайтан:
Ты духом тьмы и злобы обуян».

А тот ему: «По слабости моей,
Я следую за теми, кто сильней.

С сильнейшим я сражаться не берусь,
Без спора победителю сдаюсь.

Когда б аллах спасти меня хотел,
Что ж он душой моей не завладел?»

ПОСЕЩЕНИЕ ГЛУХИМ БОЛЬНОГО СОСЕДА

«Зазнался ты! — глухому говорят.—
Сосед твой болен много дней подряд!»

Глухой подумал: «Глух я! Как пойму
Болящего? Что я скажу ему?

Нет выхода... Не знаю, как и быть,
Но я его обязан навестить.

Пусть я глухой, но сведущ и неглуп;
Его пойму я по движенью губ.

«Как здоровье?» — спрошу его сперва.
«Мне лучше!» — воспоследуют слова.

«И слава богу! — я скажу в ответ.—
Что ел ты?» Молвит: «Кашу иль шербет».

Скажу: «Ешь пищу эту! Польза в ней!
А кто к тебе приходит из врачей?»

Тут он врача мне имя назовет.
Скажу: «Благословляй его приход!»

Как за тебя я радуюсь, мой друг!
Сей лекарь уврачует твой недуг».

Так подготовив дома разговор,
Глухой пришел к болящему во двор.

С улыбкой он шагнул к нему в жилье,
Спросил: «Ну, друг, как здоровье твое?»

«Я умираю...» — простонал больной.
«И слава богу!» — отвечал глухой.

Похолодел больной от этих слов,
Сказал: «Он — худший из моих врагов!»

Глухой движенье губ его следил,
По-своему все понял и спросил:

«Что кушал ты?» Больной ответил: «Яд!» —
«Полезно это! Ешь побольше, брат!

Ну, расскажи мне о твоих врачах». —
«Уйди, мучитель, — Азраил в дверях!»

Глухой воскликнул: «Радуйся, мой друг!
Сей лекарь уврачует твой недуг!»

Ушел глухой и весело сказал:
«Его я добрым словом поддержал.

От умиленья плакал человек:
Он будет благодарен мне весь век».

Больной сказал: «Он мой смертельный враг,
В его душе бездонный адский мрак!»

Вот как обрел душевный мир глухой,
Уверенный, что долг исполнил свой.

СПОР О СЛОНЕ

Из Индии недавно приведен,
В сарае темном был поставлен слон.

Но тот, кто деньги сторожу платил,
В загон к слону в потемках заходил.

А в темноте, не видя ничего,
Руками люди шарили его.

Слонов здесь не бывало до сих пор.
И вот пошел среди любопытных спор.

Один, коснувшись хобота рукой:
«Слон сходен с водосточною трубой!»

Другой, пощупав ухо, молвил: «Врешь,
На опахало этот зверь похож!»

Потрогал третий ногу у слона,
Сказал: «Он вроде толстого бревна».

Четвертый, спину глядя: «Спор пустой —
Бревно, труба... он просто схож с тахтой».

Все представляли это существо
По-разному, не видевши его.

Их мнения — несуразны, неверны —
Неведением были рождены.

А были б с ними свечи — при свечах
И разногласья не было б в речах.

РАССКАЗ
О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОМ ДОЛЖНИКЕ

Все потеряв — имущество и дом,
Муж некий деньги задолжал кругом.

И, в неоплатных обвинен долгах,
Он брошен был в темницу в кандалах.

Прожорлив, дюж — в тюрьме он голодал
И пищу заключенных поедал.

Не то что хлеба черствого кусок,
Корову он украл бы, если б мог.

Изнемогли от хищности его
Колодники узилища того

И наконец начальнику тюрьмы
Пожаловались: «Гибнем вовсе мы!»

Безропотно мы жребий наш несли,
Пока злодея к нам не привели.

Он, осужденный просидеть весь век,
Всех нас погубит, подлый человек.

Едва нам пищу утром принесут,
Он у котла, как муха,— тут как тут.

На шестьдесят колодников еда
Его не насыщает никогда.

«Довольно! — мы кричим.— Оставь другим!»
А он прикидывается глухим.

Потом вечернюю несут еду
Ему — на радость, прочим — на беду.

А доводы его одни и те ж:
«Аллах велел — дозволенное ешь».

Так он бесчинства каждый день творит
И нас три года голодом морит.

Пусть от казны паек дадут ему
Или очистят от него тюрьму!

Мы умоляем главного судью —
Пусть явит справедливость нам свою».

Смотритель тут же пред судьей предстал
И жалобу ему пересказал.

Все расспросил судья и разузнал
И привести обжору приказал.

Сказал ему: «Весь долг прощаю твой.
Свободен ты! Иди к себе домой!»

«Твоя тюрьма — мой рай,— ответил тот,—
Мой дом и пища— от твоих щедрот.

Коль из тюрьмы меня прогонишь ты,
Умру от голода и нищеты».

«Когда несостоятельность твоя
Впрямь безнадежна,— говорит судья,—

То где твои свидетели?» — «Их тьма!
Свидетелей моих полна тюрьма».

Судья: «Несчастные, что там сидят,
Лишь от тебя избавиться хотят;

Они и клятву ложную дадут!»
Но тут весь при суде служащий люд

Сказал: «Хоть жди до Страшного судя,
Долгов он не заплатит никогда!

Его на волю лучше отпустить,
Чем целый век за счет казны кормить».

Судья помощнику: «Ну, если он
Действительно до нитки разорен,

Его ты на верблюда посади;
А сам — с глашатаями впереди —

Весь день его по улицам вози,
Всем о его позоре возгласи,

Что нищий он, чтоб ни одна душа
Ему не доверяла ни гроша,

Чтобы никто с ним ни торговых дел,
Ни откупных водить не захотел.

Всем возглашай, что суд ни от кого
Не примет больше жалоб на него,

Что ничего нельзя с него взыскать
И незачем в тюрьму его таскать!

О стонущий в оковах бытия!
Несостоятельность — вина твоя!

Нам от пророка заповедь дана.
«Неплатежеспособен сатана,

Но ловок он вводить людей в обман,—
Так не имей с ним дел!» — гласит Коран.

В делах твоих участвуя, банкрот
Тебя до разоренья доведет».

Был на базаре курд с верблюдом взят,
Поставивший дрова в горшечный ряд.

Бедняга курд о милости взывал,
Монету в руку стражнику совал,

Но все напрасно — так решил, мол, суд,
На целый день был взят его верблюд.

Обжора на верблюда сел. Пошли,
По городу верблюда повели,

Не умолкая, барабан гремел,
Народ кругом толпился и глазел.

И люди знатные, и голь, и рвань
Возле базаров, у открытых бань

Указывали пальцем. «Это он.
Он самый»,— слышалось со всех сторон.

Глашатаи с трещотками в руках
На четырех кричали языках:

«Вот лжец! Мошенник! Низкая душа!
Он не имеет денег ни гроша!

Всем задолжать вам ухитрился он!
Да будет он доверия лишен!

Остерегайтесь дело с ним водить!
Он в долг возьмет — откажется платить!

Вы на него не подавайте в суд!
Его в темницу даже не возьмут!

Хоть он в речах приятен и хорош,
Но знайте, что ни скажет он,— все ложь.

И пусть он к вам придет в парчу одет —
Исподнего белья под нею нет.

Чужое платье поносить на час
Он выпросит и вновь обманет вас.

Он приведет корову продавать —
Не вздумайте корову покупать,

И помните, корову он украл
Иль простаку барыш пообещал.

И кто одежду купит у него,
Сам будет отвечать за воровство.

Когда невежды мудрое гласят,
Ты знай, что эта мудрость — напрокат!»

Так ездили, пока не пала тень.
Курд за верблюдом бегал целый день.

Обжора наконец с верблюда слез.
А курд: «Весь мой барыш дневной исчез.

Ты ездил целый день, и у меня
Соломы нет, не то что ячменя.

Плати!» А тот в ответ: «Соломы нет?
Как вижу я, рассудка дома нет,

Несчастный, в голове твоей пустой!
Ты сам ведь бегал целый день за мной.

Глашатаев громкоголосых крик
Седьмого неба, кажется, достиг!

Что разорен, что все я потерял,
Все слышали — ты только не слышал.

Я от долгов судом освобожден.
«Да будет он доверия лишен!

Обманщик, надуватель он и лжец!» —
Кричали обо мне. А ты, глупец,

На что надеясь, бегал ты за мной,
Весь день терпя и духоту и зной?»

СПОР ГРАММАТИКА С КОРМЧИМ

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:

«Читал ты синтаксис?»—

«Нет»,— кормчий отвечал.

«Полжизни жил ты зря!»— ученый муж сказал.

Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.

Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:

«Учился плавать ты?»

Тот в трепете великом

Сказал: «Нет, о мудрец совета, добрый ликом!»

«Увы, ученый муж!»— промолвил мореход.—

Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет!»

НАПУГАННЫЙ ГОРОЖАНИН

Однажды некто в дом чужой вбежал,
От перепугу бледный, он дрожал.

Спросил хозяин: «Кто ты? Что с тобой?
Ты отчего трясешься, как больной?»

А тот хозяину: «Наш грозный шах
Испытывает надобность в ослах.

Сейчас во исполнение шахских слов,
На улицах хватают всех ослов».

«Хватают ведь ослов, а не людей!
Что за печаль тебе от их затей?»

Ты не осел благодаря судьбе;
Так успокойся и ступай себе».

А тот: «Так горячо пошли хватать!
Что и меня, пожалуй, могут взять».

А как возьмут, не разберут спроста —
С хвостом ты ходишь или без хвоста.

Готов тиран безумный, полный зла,
И человека взять взамен осла».

О ТОМ, КАК ХАЛИФ УВИДЕЛ ЛЕЙЛИ

«Ужель из-за тебя,— халиф сказал,—
Меджнун-бедняга разум потерял?»

Чем лучше ты других? Смугла, черна...
Таких, как ты, страна у нас полна».

Лейли в ответ: «Ты не Меджнун! Молчи!»
Познанья свет не всем блеснет в ночи.

Не каждый бодрствующий сознает,
Что беспробудный сон его гнетет.

Лишь тот, как цепи, сбросит этот сон,
Кто к истине душою устремлен.

Но если смерти страх тебя томит,
А в сердце жажда прибыли горит,

То нет в душе твоей ни чистоты,
Ни пониманья вечной красоты!

Спит мертвым сном плененный суетой
И видимостью ложной и пустой.

О ТОМ, КАК ВОР УКРАЛ
ЗМЕЮ У ЗАКЛИНАТЕЛЯ

У заклинателя индийских змей
Базарный вор, по глупости своей,

Однажды кобру сонную стащил —
И сам убит своей добычей был.

Беднягу заклинатель распознал,
Вздыхнул: «Он сам не знал, что воровал!

С молитвой к небу обратился я,
Чтобы нашлась пропавшая змея.

А ей от яда было тяжело;
Ей, видно, жалить время подошло...

Отвергнута была моя мольба,
От гибели спасла меня судьба».

Так неразумный молится порой
О пользе, что грозит ему бедой.

И сколько в мире гонится людей
За прибылью, что всех потерь лютей!

О БАКАЛЕЙЩИКЕ И ПОПУГАЕ,
ПРОЛИВШЕМ В ЛАВКЕ МАСЛО

Жил бакалейщик; в лавке у него
Был попугай, любимый друг его.

Как сторож, днем у входа он сидел,
За каждым покупателем глядел.

И не был он бессмысленно болтлив, —
Он, как оратор, был красноречив.

Неловко раз на полку он порхнул
И склянку с маслом розовым столкнул.

На шум хозяин в лавку прибежал,
Потерю и убыток увидал,—

Вся лавка в масле, залит маслом пол.
И вырвал попугаю он хохол.

Тот, облысев, дар слова потерял.
Хозяин же в раскаянье вздыхал

И бороду, стелая, рвал свою:
«Увы! Я сам затмил судьбу мою!

Да лучше руку мне б свою сломать,
Чем на сладкоречивого поднять!»

Всем дервишам подарки он дарил,
Молясь, чтоб попугай заговорил.

Нахохлившись, три дня молчал певец;
Хоть ласку всевозможную купец

Оказывал любимцу своему,
Надеясь, что вернется речь к нему.

Шел мимо некий странник в этот час,
Без колпака, плешивый, словно таз.

Внезапно попугай обрел язык.
Он крикнул дервишу: «Эй ты, старик!

Эй, лысый! Кто волос тебя лишил?
Ты разве масло где-нибудь разлил?»

Смеялись все стоявшие кругом,
Когда себя сравнил он с мудрецом.

Хоть в начертанье «лев» и «молоко»
Похожи, нам до мудрых далеко.

Мы судим по себе об их делах,
И оттого блуждает мир впотьмах.

Повадно нам — порочным, жадным, злым,
Равнять себя пророкам и святым.

Мол, в них и в нас найдешь ты суть одну,
И всяк подвержен голоду и сну!

Ты пропасти, что разделяет вас,
Не видишь в слепоте духовных глаз.

Два вида пчел в густых ветвях снуют.
Те — только жалят, эти — мед несут.

Вот две породы серн. Одна дает
Чистейший муск, другая — лишь помет.

Два рода тростника встают стеной,
Но пуст один, и сахарный другой.

А что таким сравненьям счета нет,
Поймешь в пути семидесяти лет.

РАССКАЗ О ТОМ,
КАК ШУТ ЖЕНИЛСЯ
НА РАСПУТНИЦЕ

Сказал сейид шуту: «Ну что ж ты, брат!
Зачем ты на распутнице женат?»

Да я тебя — когда б ты не спешил —
На деве б целомудренной женил!»

Ответил шут: «Я на глазах у вас
На девушках женился девять раз —

Все стали потаскухами они.
Как почернел я с горя — сам взгляни!»

Я шлюху ввел женой в свое жильё —
Не выйдет ли жены хоть из нее...

Путь разума увлек меня в беду,
Теперь путем безумия пойду»

РАССКАЗ О НАПАДЕНИИ ОГУЗОВ

Разбой в степях привольных полюбя,
Огузы налетели, пыль клубя.

В селении добычи не нашли
И старцев двух, схватив, приволокли.

Скрутив арканом руки одному,
Кричали: «Выкуп — или смерть ему!»

А старец им: «О сыновья князей,
Что вам за прибыль в гибели моей?»

Я беден, гол, убог. Какая стать
Вам старика бесцельно убивать?»

В ответ огузы: «Мы тебя казним,
Чтобы пример твой страшен был другим,

Чтоб сверстник твой, лишась душевных сил,
Открыл нам, где он золото зарыл».

Старик им: «Верьте седине моей,
Как я ни беден — он меня бедней».

А тот, несвязанный, вопил: «Он лжет!
Он в тайнике богатства бережет!»

А связанный сказал: «Ну, если так,
Я думал: я бедняк и он бедняк.

Но если будете предполагать,
Что мы условились пред вами лгать,

Его сперва убейте, чтобы я
Открыл от страха, где казна моя!»

КРИКИ СТОРОЖА

При караване караульщик был,
Товар людей торговых сторожил.

Вот он уснул. Разбойники пришли,
Все взяли и верблюдов увели.

Проснулись люди; смотрят — где добро:
Верблюды, лошади и серебро?

И прибежали к сторожу, крича,
И бить взялись беднягу сгоряча,

И молвили потом: «Ответ нам дай,
Где наше достоянье, негодяй!»

Сказал: «Явилось множество воров.
Забрали сразу все, не тратя слов...»

«А ты где был, никчемный человек?
Ты почему злодейство не пресек?»

Сказал: «Их было много, я один...
Любой из них был грозный исполин!»

А те ему: «Так что ты не кричал:
«Вставайте! Грабят!» Почему молчал?»

«Хотел кричать, а воры мне: молчи!
Ножи мне показали и мечи.

Я смолк от страха. Но сейчас опять
Способен я стонать, вопить, кричать.

Я онемел в ту пору, а сейчас
Я целый день могу кричать для вас».

РАССКАЗ
О ДВУХ МЕШКАХ

В пыли верблюд араба-степняка
Нес на себе огромных два мешка.

Хозяин дюжий сам поверх всего
Уселся на верблюда своего.

Спросил араба некий пешеход,
Откуда он, куда и что везет.

Ответил: «У меня в мешке одном —
Пшеница, и степной песок — в другом».

«Спаси аллах, зачем тебе песок?» —
«Для равновесия», — сказал ездок.

А пешеход: «Избавься от песка,
Рассыпь свою пшеницу в два мешка.

Когда верблуду ношу облегчишь —
Ты и дорогу вдвое сократишь».

Араб сказал: «Ты — истинный мудрец!
А я-то — недогадливый глупец...»

Что ж ты — умом великим одарен —
Плетешься гол, и пеш, и изнурен?

Но мой верблюд еще не стар и дюж.
Я подвезу тебя, достойный муж!

Беседой сократим мы дальний путь.
Поведай о себе мне что-нибудь.

По твоему великому уму —
Ты царь иль друг халифу самому?»

А тот: «Не ходят в рубищах цари,
Ты на мои лохмотья посмотри».

Араб: «А сколько у тебя голов
Коней, овец, верблюдов и коров?»

«Нет ничего». — «Меня не проведешь.
Ты, вижу я, заморский торг ведешь.

О друг, скажи мне, истину любя,
Где на базаре лавка у тебя?»

«Нет лавки у меня», — ответил тот.
«Ну, значит, из богатых ты господ.

Ты даром сеешь мудрости зерно.
Тебе величье знания дано.

Я слышал: в золото превращает медь
Сумевший эликсиром овладеть».

Ответил тот: «Клянусь аллахом — нет!
Я — странник, изнуренный в бездне бед.

Подобные мне странники бредут
Туда, где корку хлеба им дадут.

А мудрость награждается моя
Лишь горечью и мукой бытия».

Араб ответил: «Прочь уйди скорей,
Прочь, со злосчастной мудростью своей,

Чтоб тень тебя постигнувшего зла
Проказой на меня не перешла!

Ты на восход пойдешь, я — на закат,
Вперед пойдешь — я поверну назад.

Пшеница пусть лежит в мешке одном,
Песок останется в мешке другом.

Твои никчемны знания, лжемудрец.
Пусть буду я, по-твоему, глупец, —

Благословенна глупость, коль она
На благо от аллаха мне дана!»

Как от песка, от мудрости пустой
Избавься, чтоб разделаться с бедой.

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР И ЕГО ВЕСЫ

Раз, к золотому мастеру пришел,
Сказал старик: «Весы мне дай, сосед».

Ответил мастер: «Сита нет у нас».
А тот: «Не сито! Дай весы на час».

А мастер: «Нет метелки, дорогой».
Старик: «Ты — что? Смеешься надо мной?»

Прошу я: «Дай весы!» — а ты в ответ —
То сита нет, а то метелки нѣт».

А мастер: «Я не глух. Оставь свой крик!
Я слышал все, но дряхлый ты старик.

И знаю я, трясущейся рукой
Рассыплешь ты песок свой золотой

И за метелкою ко мне придешь
И золото с землю подметешь,

Придешь опять и скажешь: «Удружи
И ситечко на час мне одолжи».

Начало зная, вижу я конец.
Иди к соседям с просьбою, отец!

Богатые соседи ссудят вам
Весы, метелку, сито... Вассалам!»

РАССКАЗ О ФАКИХЕ
В БОЛЬШОЙ ЧАЛМЕ И О ВОРЕ

Факих какой-то (бог судья ему)
Лохмотьями набил свою чалму,

Дабы в большой чалме, во всей красе,
Явиться на собрание в медресе.

С полпуда рвани он в чалму набил,
Куском красивой ткани обкрутил.

Чалма снаружи — всем чалмам пример.
Внутри она — как лживый лицемер.

Клочки халатов, рваных одеял
Красивый внешний вид ее скрывал.

Вот вышел из дому факих святой,
Украшенный огромною чалмой.

Несчастье ждет, когда его не ждем, —
Базарный вор таился за углом.

Сорвав чалму с факиха, наутек
Грабитель тот со всех пустился ног.

Факих ему кричит: «Эй, ты! Сперва
Встряхни чалму, пустая голова!

Уж если ты как птица полетел,
Вгляни сначала, чем ты завладел.

А на потерю я не посмотрю,
Я, так и быть, чалму тебе дарю!»

Встряхнул чалму грабитель. И тряпье
И рвань взлетели тучей из нее.

Сто тысяч клочьев из чалмищи той
Рассыпалось по улице пустой.

В руке, у вора лишь кусок один
Остался, не длиннее, чем в аршин.

И бросил тряпку и заплакал вор:
«Обманщик ты! Обманщику позор!

На хлеб я нынче заработать мог.
Когда б меня обман твой не увлек!»

РАССКАЗ О КАЗВИНЦЕ И ЦИРЮЛЬНИКЕ

Среди казвинцев жив и посейчас
Обычай — удивительный для нас —

Накалывать, с вредом для естества,
На теле образ тигра или льва.

Работают же краской и иглой,
Клиента подвергая боли злой.

Но боль ему приходится терпеть,
Чтоб это украшение иметь.

И вот один казвинский человек
С нуждою той к цирюльнику прибег.

Сказал: «На мне искусство обнаружь!
Приятность мне доставь, почтенный муж!»

«О богатырь! — цирюльник спросил. —
Что хочешь ты, чтоб я изобразил?»

«Льва разъяренного! — ответил тот. —
Такого льва, чтоб ахнул весь народ.

В созвездье Льва — звезда судьбы моей!
А краску ставь погуще, потемней».

«А на какое место, ваша честь,
Фигуру льва прикажете навесть?»

«Ставь на плечо,— казвинец отвечал,—
Чтоб храбрым и решительным я стал,

Чтоб под защитой льва моя спина
В бою и на пиру была сильна!»

Когда ж иглу в плечо ему вонзил
Цирюльник, «богатырь» от боли взвыл:

«О дорогой! Меня терзаешь ты!
Скажи, что там изображаешь ты?»

«Как что? — ему цирюльник отвечал.—
Льва! Ты ведь сам же льва мне заказал!»

«С какого ж места ты решил начать
Столь яростного льва изображать?»

«С хвоста». — «Брось хвост! Не надобно хвоста!
Что хвост? Тщеславие и суета!

Проклятый хвост затмил мне солнце дня,
Закупорил дыханье у меня!

О чародей искусства, светоч глаз,
Льва без хвоста рисуй на этот раз».

И вновь цирюльник немощную плоть
Взялся без милосердия колоть.

Без жалости, без передышки он
Колол, усердьем к делу вдохновен.

«Что делаешь ты?» — мученик вскричал
«Главу и гриву», — мастер отвечал.

«Не надо гривы мне, повремени!
С другого места рисовать начни!»

Колоть пошел цирюльник. Снова тот
Кричит: «Ай, что ты делаешь?» — «Живот».

Взмолился вновь несчастный простота:
«О дорогой, не надо живота!»

Столь яростному льву зачем живот?
Без живота он лучше проживет!»

И долго, долго — мрачен, молчалив —
Стоял цирюльник, палец прикусив.

И, на землю швырнув иглу, сказал:
«Такого льва господь не создавал!»

Где, ваша милость, льва видали вы
Без живота, хвоста и головы?

Коль ты не терпишь боли, прочь ступай,
Иди домой, на льва не притязай!»

О друг, умей страдания сносить,
Чтоб сердце светом жизни просветить.

Тем, чья душа от плотских уз вольна,
Покорны звезды, солнце и луна.

Тому, кто похоть в сердце победил,
Покорны тучи и круги светил.

И зноем дня не будет опален
Тот, кто в терпенье гордом закален.

(1210—1292)

ГАЗЕЛИ И ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

В зеркале сердца отражен прекрасный образ твой,
Зерцало чисто, дивный лик пленяет красотой.

Как драгоценное вино в прозрачном хрустале,
В глазах блистающих твоих искрится дух живой.

Воображение людей тобой поражено,
И говорливый мой язык немеет пред тобой.

Освобождает из петли главу степная лань,
Но я захлестнут навсегда кудрей твоих петель.

Так бедный голубь, если он привык к одной стрехе,
Хоть смерть грозит, гнезда не вьет под кровлю другой.

Но жаловаться не могу я людям на тебя,
Ведь бесполезен плач и крик гонимого судьбой.

Твоей душою дай-на миг мне стать и запылать,
Чтоб в небе темном и глухом сравниться с Сурайей.

Будь неприступной, будь всегда, как крепость в высоте,
Чтобы залетный попугай не смел болтать с тобой.

Будь неприступной, будь всегда суровой, красота!
Дабы пленяться пустозвон не смел твоей хвалой.

Пусть в твой благоуханный сад войдет лишь Саади!
И пусть найдет закрытым вход гостей осиный рой.

* * *

Коль спокойно ты будешь на муки страдальца
взирать —
Не смогу я свой мир и душевный покой отстоять.

Красоту свою гордую видишь ты в зеркале мира —
Но пойми: что влюбленным приходится претерпевать!

О, приди! Наступила весна. Мы умчимся с тобою,
Бросим сад и в пустыне оставим других ночевать.

Почему над ручьем не шумишь ты густым кипарисом?
Кипарисом тебе подобает весь мир осенять.

Ты такой красотой сияешь, таким совершенством,
Что и красноречивым каламом их не описать.

Кто сказал, что смотреть я не должен на лик твой
чудесный?
Стыдно годы прожить и лица твоего не видеть.

Так тебя я люблю, что из рук твоих чашу любую
Я приму, пусть мне яд суждено в том напитке принять.

Я от горя в молчанье горю. Ты об этом не знаешь!
Ты не видишь: слеза на глазах моих блещет опять!

Ты ведь знал, Саади: твое сердце ограблено будет...
Как набегу разбоя грозящего противостать?

Но надежда мне брезжит теперь, что придет исцеленье.
Ночь уходит, глухая зима удаляется вспять.

* * *

В ночь разлуки с любимой мне завесы парча
не нужна,—
В темной опочивальне одинокая ночь так длинна.

Люди мудрые знают, как теряет свой ум одержимый.
У влюбленных безумцев впереди безнадежность одна.

Сочувствия полным взглядом хоть раз на меня взгляни,
Чтоб не был я жалким нищим в чертоге царских пиров.

Владыка жестокосердный рабов несчастных казнит,
Но есть ведь предел терпенья и в душах его рабов.

Я жизни своей не мыслю, любимая, без тебя,
Как жить одному, без друга, среди низменных
и врагов?

Когда умру, будет поздно рыдать, взывать надо мной.
Не оживить слезами убитых стужей ростков.

Моих скорбей и страданий словами не описать,
Поймешь, когда возвратишься, увидишь сама —
без слов

Дервиш богатствами духа владеет, а не казной.
Вернись! Возьми мою душу, служить я тебе готов!

О небо, продли подруге сиянье жизни ее,
Чтоб никогда не расстались мы в темной дали веков.

В глазах Красоты презренны богатство и блеск владык,
И доблесть, и подвиг верных, как ни был бы подвиг
суров.

Но если бы покрывало упало с лица Лейли,—
Врагов Меджнуна убило б сиянье ее зрачков.

Внемли, Саади, каламу своей счастливой судьбы
И, что ни даст, не сгибайся под ношей ее даров!

* * *

Я нестерпимо жажду, кравчий! Скорей наполни чашу
нам

И угости меня сначала, потом отдай ее друзьям.

Объятый сладостными снами, ходил я долго между
вами,

Но расставаясь с друзьями: «Прощайте»,— молвил
прежним снам.

Перед мечетью проходила она, и сердце позабыло
Священные михраба своды, подобные ее бровям.

Я не онагр степной, не ранен, ничьей петлей
не заарканен,
Но от стрелы ее крылатой по вольным не уйду степям.

Я некогда испил блаженство с той, что зовется
Совершенство...
Так рыба на песке, в мученьях, тоскует по морским
волнам.

До пояса не доставал мне ручей, и я пренебрегал им;
Теперь он бурным и бездонным вдруг уподобился
морям.

И я тону... Когда ж судьбою я буду выброшен
на берег,—
О грозном океанском смерче в слезах поведаю я вам.

И вероломным я не стану, и не пожалуюсь хакану,
Что я сражен ее очами, подобно вражеским мечам.

Я кровью сердца истекаю, от ревности изнемогаю,
Так бедный страж дворца рыдает, певцам внимая
по ночам.

О Саади, беги неверный! Увы... Ты на крючке,
как рыба,—
Она тебя на берег тянет; к ней — волей — не идешь
ты сам.

* * *

Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна,
Красотой твоею будет слава солнца посрамлена.

Сбить с пути аскета могут эти пламенные глаза,
А от глаз моих давно уж отогнали отраду сна.

И давно бразды рассудка уронила моя рука.
Я безумен. Мне святыня прежней истины не видна.

Но Меджнуна не избавит от мучений встреча с Лейли,
Изнуренному водянкой чаша полная не полна.

Тот не искренний влюбленный, кто не выпьет
из милых рук
Чашу огненного яда вместо искристого вина.

Как жалка судьба лишенных человечности и любви!
Ведь любовь и человечность — неразрывная суть одна.

Принеси огня скорее и собрание озари!
А с пустых руин налога не потребует и казна.

Люди пьют вино надежды, но надежд они лишены.
Я не пью, душа любовью к ней навеки опьянена.

Саади в себе не волен, он захлестнут петлей любви,
Сбит стрелой, чьим жалом ярость Афросьба
сокрушена

* * *

В дни пиров та красавица сердце мое привлекла,
Кравчий, дай нам вина, чтобы песню она завела.

В ночь на пиршестве мудрых ты нас красотой озарила.
Тише! Чтобы кутилы не знали, за кем ты ушла!

Ты вчера пировала. Все видят — глаза твои томны.
Я от всех утаю, что со мною вино ты пила.

Ты красива лицом, голос твой мое сердце чарует,
Хорошо, что судьба тебе голос волшебный дала.

Взгляд турчанки — стрела, брови темные выгнуты
луком.
Боже мой! Но откуда у ней эти лук и стрела?

Я — плененный орел, я сижу в этой клетке железной.
Дверцу клетки открой. И свои распахну я крыла!

Саади! Был проворен в полете, а в сети попался;
Кто же, кроме тебя, мог поймать его, словно орла?

* * *

Я влюблен в эти звуки, в это сердце мне ранящий
стон.
Я беспечен, и день мой проплывает неясно, как сон.

Ночи... Ночи бессонные в ожиданье моей светлоокой,
Но тускнеет пред нею свет, которым весь мир озарен.

Если вновь приведется мне лицо ее нежное видеть —
Сам себя я счастливым буду звать до скончанья
времен.

Я — не муж, если скрою свою грудь от камней
порицанья
Муж душой своей твердой, как щитом, от копья
огражден

Не изведав несчастий, не достигнешь заветного счастья
Кто дождался Ноуруза, стужу зимнюю вытерпел он.

Хоть жнецы были мудры, но Лейли они тайны не знали.
Лишь Меджнун ее ведал, кем был весь урожай их спален

Сонм влюбленных, что верой и богатствами мира
играет,
Жатвы не собирает, а несметным добром наделен.

Ты другого арканом уловляй! Мы же — верные слуги
Ведь не нужно стреножить скакуна, что давно приручен

День вчерашний умчался, ну, а завтра пока не настало
Саади, лишь сегодня ты и волен в себе и силен!

О, если бы мне опять удалось увидеть тебя ценой
любой,
На все времена до Судного дня я был бы доволен
своей судьбой!

Но вьюк с моего верблюда упал... В туманную даль
ушел караван.
Я брошен толпой вероломных друзей, что заняты были
только собой

Когда чужестранец в беду попадет, ему и чужой
сострадает народ
Друзья же обидели друга в пути, покинув его
в пустыне глухой.

Надеюсь я — долгие дни пройдут, раскаянье тронет
души друзей.
Я верю — придут они, друга найдут, измученные
своею нуждой

Ведь воля,— о муж,— это воля твоя! Захочешь —
воюй, захочешь — мирись.
Я волю свою давно зачеркнул — иду за тобой
безвестной тропой

А кто на чужбине осла завязил в трясине и сам
свалился без сил.
Ты молви ему, что в сладостном сне увидит он край
покинутый свой.

Ты счастья, ты радости ищешь себе. На образ
красавицы этой взгляни!
А если взглянул — с отрадой простишь, навеки забудь
свой сон и покой.

Огнепоклонник, и христианин, и мусульманин — по вере
своей,—
Молитвы возносят, но только мы, о пери, твоей
пленены красотой!

* * *

Что не вовремя ночью глухой барабан зазвучал?
Что, до света проснувшись, на дереве дрозд закричал?

Миг иль целую ночь приникал я устами к устам...
Но огонь этой страсти пылающей не потухал.

Я и счастлив и грустен. Лицо мое, слышу, горит.
Не вмещается в сердце все счастье, что в мире я взял.

Головою склоняюсь к твоим, о мой идол, ногам.
На чужбину с тобой я ушел бы и странником стал.

О, когда бы судьба помирилась со счастьем моим,
Онемел бы хулигель и низкий завистник пропал.

В мир явился кумир. И прославленный ваш Саади
Изменился душой, — поклоняться он идолу стал.

* * *

Мне опостылело ходить в хитоне этом голубом!
Эй, друг, мы осмеем ханжей с их «святостью»
и плутовством

Кумиру поклонялись мы, весь день молитвы бормоча.
Ты нас теперь благослови — и мы свой идол разобьем.

Средь юных я хочу сидеть, и пить вино, и песни петь,
Чтобы бежала детвора за охмелевшим чудаком.

В простор пустынь меня влечет из этой душной тесноты
Несется радостная весть ко мне с рассветным ветерком

Пойми, когда разумен ты! Не прозевай, когда ты мудр!
Возможно, лишь одним таким ты одарен счастливым
днем

Где одноногий кипарис шумит, колеблясь на ветру,
Пусть пляшет юный кипарис, блистая чистым серебром.

Ты утешаешь сердце мне, ты радуешь печальный взор.
Но разлучаешь ты меня с покоем сердца, с мирным
сном!

Терпенье, разум, вера, мир теперь покинули меня,
Но может ли простолоудин взывать пред шаховым
шатром?

Пусть льется дождь из глаз твоих, и в молниях —
гроза скорбей —
Ты пред невеждой промолчи, откройся перед мудрецом.

Смотри: не внемлет Саади укорам низких и лжецов.
Суфий, лишения терпи! Дай, кравчий, мне фиал
с вином!

* * *

Тяжесть печали сердце мое томит,
Пламя разлуки в сердце моем кипит.

Розы и гиацинты мне не забыть,
В памяти вечно смоль твоих кос блестит.

Яда мне горше стал без тебя шербет,
Дух мой надежда встречи с тобой живит

На изголовье слезы я лью в ночи,
Днем — ожиданье в сердце моем горит

Сотнею кубков пусть упоят меня,
В чаши отравы разлука их превратит.

Предан печалям, как палачам, Саади!
Не измени мне, иль пусть я буду убит!

* * *

Кто предан владыке — нарушит ли повиновение?
И мяч пред чоуганом окажет ли сопротивление?

Из лука бровей кипарис мой пускает стрелу,
Но верный от этой стрелы не отпрянет в смятенье.

Возьми мою руку! Беспомощен я пред тобой,
Обвей мою шею руками, полна сожаленья!

О, если бы тайны завеса открылась на миг —
Сады красоты увидел бы весь мир в восхищенье...

Все смертные пламенным взглядом твоим сражены,
И общего больше не слышно теперь осужденья.

Но той красоты, что я вижу в лице у тебя,
Не видит никто. В ней надежда и свет откровенья.

Сказал я врачу о беде моей. Врач отвечал:
«К устам ее нежным устами прильни на мгновенье».

Я молвил ему, что, наверно, от горя умру,
Что мне недоступно лекарство и нет исцеленья.

Разумные по наковальне не бьют кулаком,
А я обезумел. Ты — солнце. А я? — буду тенью!

Но тверд Саади, не боится укоров людских,—
Ведь капля дождя не боится морского волненья,

Кто истине предан, тот голову сложит в бою!
Лежит перед верным широкое поле сраженья.

* * *

Эй, виночерпий! Дай кувшин с душою яхонта красней!
Что — яхонт? Дай мне ту, чей взгляд вина багряного
хмельней

Учитель старый, наш отец, вино большою чашей пил,
Чтоб защитить учеников от брани лжеучителей.

Скорбей на жизненном пути без чаши не перенести,
Верблюду пьяному шагать с тяжелой ношей веселей.

Ты утешаешь нам сердца. Бесмысленной была бы
жизнь
Без солнца твоего лица, что солнца вечного светлей.

Что я о красоте твоей, о сущности твоей скажу?
Немеет пред тобой хвала молящихся тебе людей.

Пусть держит медоносных пчел разумный старый
пчеловод.
Но тот, кто пьет из уст твоих, мед соберет вселенной
всей.

Ты сердце, как коня, взяла и в даль степную угнала,
Но если сердце увела, то и душой моей владей!

Или отравленной стрелой меня ты насмерть порazi,
Или спасительной стрелы душе моей не пожалей.

Предупреди меня, молю, пред тем, как выпустить
стрелу,
Пред смертью дай поцеловать туранский лук твоих
бровей,

Какие муки снес, гляди, с тобой в разлуке Саади,
Так обещаи же встречу мне, надеждой радости повеи!

Но хоть целительный бальзам затянет рану, может
быть,—
Останутся рубцы от ран, как видно, до скончанья дней.

* * *

Кто дал ей в руки бранный лук? У ней ведь скор
неправый сул
От оперенных стрел ее онагра ноги не спасут.

Несчастных много жертв падет, когда откроешь ты
колчан,
Твой лик сплит, а свод бровей, как черный лук Турана,
крут.

Тебе одной в пылу войны ни щит, ни панцирь
не нужны
Кольчугу локонов твоих чужие стрелы не пробьют.

Увидев тюркские глаза и завитки индийских кос,
Весь Индостан и весь Туран на поклонение придут,

Покинут маги свой огонь, забудут идолов своих;
О идол мира, пред тобой они курильницы зажгут,

На кровлю замка можешь ты забросить кос твоих
аркан,
Коль башни замка под твоим тараном гневным не падут.

Я был, как на горах Симург. Но ты меня в полон
взяла.
Так когти сокола в траве индейку горную берут.

Уста увидел я. И лал в моих глазах дешевым стал.
Ты слово молвила — пред ним померкли перл и изумруд.

Твои глаза громят базар созвездий вечных и планет.
Где чудеса творит Муса, убогий маг,— при чем он тут?

Поверь, счастливую судьбу не завоеешь силой рук!
Запечатленный тайны клад откапывать — напрасный
труд.

О Саади! Ты знаешь: тот, кто сердце страсти отдает,—
И нрав избранницы снесет, и сонмище ее причуд.

* * *

Не нужна нерадивому древняя книга познания,
Одержимый не может вести по пути послушанья.

Пусть ты воду с огнем — заклинания силой сольешь,
Не любовь и терпенье, тоска мне стесняет дыханье.

Наблюдай всей душою кумира приход и уход.
Как движенье планет, как луны молодой нарастанье.

Не уйдет, коль прогонишь,— уйдя, возвратится она.
В этом вечном кругу непостижном — ее обитанье.

Не прибавишь ни слова ты в книге печали моей.
Суть одна в ней: твоя красота и мое пониманье.

Саади! О, как долго не бьет в эту ночь барабан!
Иль навек эта ночь? Или это — любви испытанье?

* * *

Нет, истинно царская слава от века ущербна не знала.
Когда благодарность дервишам и странникам бедным
являла.

Клянусь я живою душою! — осудит и злой ненавистник
Того, чья калитка для друга в беде запертою бывала.

Нет, милость царей-миродержцев от прежних времен
и донныне
Из хижины самой убогой всегда нищету изгоняла.

А ты меня все угнетаешь, ты жизнь мою горько
стесняешь,
Ну что ж! Я тебе благодарен за боль, за язвящие жала

Заботятся люди на свете о здравии, о многолетье.
Ценою здоровья и жизни душа моя все искупала.

Невежда в любви, кто ни разу мучений любви
не изведал
И чья на пороге любимой в пыли голова не лежала.

Вселенную всю облетела душа и примчалась обратно.
Но, кроме порога любимой, пристанища не отыскала.

О, внемли молениям несчастных, тобою покинутых
в мире!
Их множество шло за тобою и прах твоих ног целовало.

Не видел я платья красивей для этого бедного тела,
И тела для пышного платья прекрасней земля
не рождала.

Коль ты ослепительный лик свой фатою опять
не закроешь,
Скажи: благочестье из Фарса навеки отпочевало.

Не мучь меня болью разлуки, ведь мне не снести
этой муки —
Ведь ласточка мельничный жернов вовек еще
не подымала.

Едва ли ты встретишь на свете подобных — мне
преданно верных,
Душа моя, верная клятве, как в бурю скала, устояла.

Услышь Саади! Он всей жизнью стремится к тебе, как
молитва.
Услышь! И надежды и мира над ним опусти покрывало!

* * *

Я лика другого с такой красотой и негой такой
не видал,
Мне амбровых кос завиток никогда так сердце
не волновал.

Твой стан блистает литым серебром, а сердце, кто
знает — что в нем?
Но ябедник мускус дохнул мне в лицо и тайны твои
рассказал.

О пери с блистающим ликом, ты вся — дыхание ранней
весны.
Ты — мускус и амбра, а губы твои — красны, словно
яхонт и лал.

Я в мире скиталец... И не упрекай, что следую я
за тобой!
Кривому чоугану желаний твоих мячом я
послушным бы стал.

Кто радости шумной года пережил и горя года перенес,
Тот весело шуму питейных домов, и песням, и крикам
внимал.

Я в чашу садов удалился, безумьем любви одержимый.
 Дыханьем цветов опьяненный, забылся — дремотой
 долимым.

Но роза под плач соловьиный разорвала свои ризы,
 Раскаты рыдающей песни бесследно покой унесли мой.

О ты, что в сердцах обитаешь! О ты, что, как облако,
 таешь,
 Являешься и исчезаешь за тайною неисследимой!

Тебе принеся свою клятву, все прежние клятвы забыл я
 Обетов и клятв нарушение — во имя твое — несудимо.

О странник, в чьих полах застряли шипы одинокой
 печали,
 Увидя цветущий весенний цветник, обойди его мимо.

О сваленный с ног своим горем дервиш, безнадежно
 влюбленный,
 Не верь ни врачам, ни бальзаму! Болезнь твоя
 неизлечима!

Но если любовь нам запретна и сердца стремление
 тщетно,
 Мы скроемся в дикой пустыне, ветрами и зноем
 палимой.

Все остро-пернатые стрелы в твоём, о кумир мой,
 колчане
 Пронзят меня... Жертв твоих сонмы умножу я, раной
 томимый.

Кто взглянет на лик твой, на брови, подобные черному
 луку,
 Пусть мудрость свою и терпенье подымет, как щит
 нерушимый.

«Зачем, Саади, ты так много поешь о любви?» — мне
 сказали.
 Не я, а поток поколений несметных поет о любимой!

Когда б на площади Ширази ты кисею с лица сняла,
То сотни истых правоверных ты сразу бы во грех
ввела.

Тогда б у тысяч, что решились взглянуть на образ
твой прекрасный,
У них у всех сердца, и разум, и волю ты б отобрала.

Пред войском чар твоих я сердце открыл, как ворота
градские,
Чтоб ты мой город разрушенью и грабежу не предала.

Я в кольцах кос твоих блестящих запутался стопами
сердца,
Зачем же ты, блестя кудрями, лучом лица меня
сожгла?

Склонись, послушай вкратце повесть моих скорбей, моих
страданий!
Ведь роза, освежась росой, стенанью жаждущих вяла,

Но ветер, погасив светильник, вдаль беспечально
улетает.
Печаль светильни догоревшей луна едва ль бы поняла.

Пусть отдан я на поруганье, но я тебя благословляю,
О, только б речь сахарноустой потоком сладостным
текла.

Насмешница, задира злая, где ныне смех твой
раздается?
Ты там — на берегу зеленом. Меня пучина унесла.

Я пленник племени печалей, но я не заслужил упреков.
Я ждал — ты мне протянешь руку, ведь ты бы мне
помочь могла.

При виде красоты подруги, поверь, терпенье
невозможно.
Но я терплю, как терпит рыба, что на песке изнемогла.

Ты, Саади, на воздержанье вновь притязашь?
Но припомни,
Как притязателей подобных во все века толпа гнала!

* * *

До рассвета на веки мои не слетает сон.
О, пойми, о услышь, ты — чей временем взгляд усыплен.

Ты — с натянутым луком, обетам ты неверна,
Разве это клятва аскетов, чье слово закон?

Без тебя мое тело колючки пустыни язвят,
Хоть лежу я на беличьих шкурах, в шелка облачен.

Как к михрабу глаза правоверных обращены,
Так мой взгляд на тебя обращен, лишь в тебя я
влюблен.

Сам по собственной воле жертвою страсти я стал.
Стариком в этой школе подростков попал я в полон.

Смертным ядом, из розовой чаши ладоней твоих,
Я, как сладким гулабом, как чистым вином, упоен.

Я — безумец. Близ кельи красавиц кружусь я всю ночь.
Мне привратник с мечом и копьем его жалким смешон.

Нет, никто и ничто Саади не властно убить,
Но разлукой с любимой высокий дух сокрушен.

* * *

Не беги, не пренебрегай, лунолика, мной!
Кто убил без вины — отягчил свою душу виной.

Ты вчера мне явилась во сне, ты любила меня,
Этот сон мне дороже и выше всей яви земной.

Мои веки в слезах, а душа пылает огнем,
В чистых водах — во сне я, а днем — в беде огневой.

Слыша стук у дверей моих, думаю: это она.
Так мираж умирающих манит обманной водой,

Для стрелы твоей цель хороша — дервиша душа,
Кровь его на ногтях твоих рдеет багряною хной.

Твоя речь, как река, в беспредельность уносит сердца.
Что же соль ты на раны мне сыплешь беспечной рукой?

Ты прекрасна, и роскошь одежды лишь портит тебя,
Кисея на лице, словно туча над ясной луной

Эту за ухом нежную впадинку ты позабуди,
Ты приникни к поле, пропитай ее красной росой,

Да, тюрчанка соблазна полна со свечою в руке,
В сладком уединенье с тобой, с головою хмельной,

Ты бы внешнего солнца затмила сиянье и блеск,
Если б солнечный лик не скрывала густой кисеей.

Саади, если хочешь, как чанг, быть в объятьях ее,—
Претерпи эту боль, чтобы струн своих выверить строй.

* * *

О утренний ветер, когда долетишь до Ширази,
Друзьям передай этот свиток рыдающих строк.

Шепни им, что я одинок, что я гибну в изгнанье,
Как рыба, прибором извергнутая на песок.

* * *

Если в рай после смерти меня поведут без тебя,—
Я закрою глаза, чтобы светлого рая не видеть.

Ведь в раю без тебя мне придется сгорать, как в аду,
Нет, аллах не захочет меня так жестоко обидеть!

* * *

Спросил я: «В чем вина моя, что ты не смотришь
на меня?
Куда ушла твоя любовь и ласковость минувших лет?»
Она мне: «В зеркало взгляни, увидишь сам — ты сед
и стар.
Тебе не свадебный наряд, а траурный приличен цвет».

* * *

Красавица и в рубище убогом,
И в бедности всех будет затмевать.

А той — уродине в парче и злате —
Покойников пристало обмывать.

* * *

Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь петь?
Ведь стройно ты за жизнь свою десятка бейтов
не связал!

Смотри, как в помыслах высок владыка слова Саади,—
Он пел любовь, одну любовь — земных владык
не восхвалял.

* * *

Я хочу в уединенье до рассвета быть с тобой.
В неизвестности и тайне от врагов и от друзей...

За грехи да будет кара! Почему же за любовь
Вкруг меня все гуще злоба и гоненья все сильней?

(1325—1389)

ГАЗЕЛИ

1

Хмельная, опьяненная, луной озарена,
В шелках полурасстегнутых и с чашею вина

(Лихой задор в глазах ее, тоска в изгибе губ),
Хохочущая, шумная пришла ко мне она.

Пришла и села, милая, у ложа моего:
«Ты спишь, о мой возлюбленный? Взгляни-ка: я пьяна!»

Да будет век отвергнутым самой любовью тот,
Кто этот кубок пенистый не осушит до дна.

Поди же прочь, о трезвенник, вина не отбирай!
Ведь господом иная нам отрада не дана.

Все то, что в кубки легкие судьбою налито,
Мы выпили до капельки, до призрачного сна!

Нектар ли то божественный? Простой ли ручеек,
В котором безысходная тоска разведена?

Об этом ты не спрашивай, о мудрый мой Хафиз
Вино да косы женские — вот мира глубина.

Не прерывай, о грудь моя, свой слезный звездопад:
Удары сердца пусть во мне всю душу раздробят!

Ты скажешь нам: «Тюрчанку ту я знаю хорошо,—
Из Самарканда род ее!» Но ты ошибся, брат:

Та девушка вошла в меня из строчки Рудаки:
«Ручей Мульяна к нам несет той девы аромат».

Скажи: кто ведает покой под бурями небес?
О виночерпий, дай вина! Хоть сну я буду рад.

Не заблужденье ли — искать спокойствие в любви?
Ведь от любви лекарства нет,— нам старцы говорят.

Ты слаб? От пьянства отрекись! Но если сильный
Пускай, воспламенив сердца, испепелит разврат! ^{трезв,}

Да, я считаю, что пора людей переродить:
Мир надо заново создать — иначе это ад!

Но что же в силах дать Хафиз слезинкою своей?
В потоке слез она плывет росинкой наугад.

Ушла любимая моя, ушла, не известила нас,
Ушла из города в тот час, когда заря творит намаз.

Нет, либо счастье мое пренебрегло стезей любви,
Либо красавица не шла дорогой правды в этот раз.

Я поражен! Зачем она с моим соперником дружна!
Стекларус на груди осла никто ж не примет за алмаз!

Я буду вечно ждать ее, как белый тополь ветерка.
Я буду оплывать свечой, куда пламень не погас.

Но нет! Рыданьями, увы, я не склоню ее к любви:
Ведь капли камня не пробьют, слезами жалобно струясь

Кто поглядел в лицо ее, как бы лобзал глаза мои:
В очах моих отражено созвездие любимых глаз.

И вот безмолвствует теперь Хафиза стертное перо:
Не выдаст тайны никому его газели скорбный глас.

4

Одиночество мое! Как уйти мне от тоски?
Без тебя моя душа бьется, сжатая в тиски.

Что ты сделала со мной? Одержим я! Исступлен!
Даже днем я вижу ночь. Впереди меня — ни зги.

О любимая моя! Снизойди ко мне: я слаб.
Будем снова мы вдвоем и по-прежнему близки.

Но, увы, я не один! Сто соперников грозят:
Сто весенних ветерков оплели твои виски.

Виночерпий! Подойди! Ороси пустынный дол!
Белый тополь, поднимись! Осени мои пески!

Сердце бедное в крови от познания вещей...
Дай хмельного! Без вина мысли горькие низки.

Черным циркулем судьбы круг начертан вокруг меня.
В этом круге — точка я. Пешка шахматной доски.

Но донесся аромат приближенья твоего!
Надо мной опять луна, нет и не было тоски...

5

Нет, я не циник, мухтасиб, уж это видит бог:
От девушки да от вина отречься б я не мог.

Ханжа — мне имя, если я в молитвенник взгляну,
Когда в свой розовый цветник влетает ветерок.

Сиятельного солнца дар, как милости динар,
Отвергну я, хоть мой наряд и беден и убог.

Мой старый плащ дороже всей султанской мишуры,—
Так что же даст мне небосвод — изменчивый игрок?

Хоть нищ — горю своим огнем! И пусть ослепну я,
Коль отраженьем божества заблещет мой зрачок.

Любовь — жемчужина на дне. Нырнул я глубоко.
Где ж выплыву? Мой океан — всего лишь погребок.

Когда любимая моя пошлет меня в огонь —
Я и не вспомню про Ковсар! Столь сладостен мой рок!

Я, у которого сейчас блаженство всех миров,
Польщусь ли на грядущий рай, что обещал пророк?

Не слишком доверяю я дарам седьмых небес —
До гроба верен лишь вину. Вздымайся ж, пенный рог!

Мне образ ринда, признаюсь, не очень по душе,
Но, раз вступив на этот путь, не улизну я вбок.

Полуулыбкою блеснул рисунок алых уст,—
Могу ли, слушая муллу, презреть такой намек?

Высокий свод ее бровей — убежище мое.
И в нем я буду, как Меджнун, твердить любви урок.

И не прельщай меня постом во дни цветенья роз:
К вину и гурии бегу в укромный уголок.

В весеннем опьянении ты гони, Хафиз, святош
Заключением: «От сатаны да сохранит нас бог!»

Уйди, аскет! Не обольщай меня, аскет!
Ах, что мне святости твои и твой скелет!

Пыланье роз, пыланье роз меня пьянит.
Увы, не вечен аромат и нежный цвет!

Приди же, милая моя! Свою любовь
В твои я косы заплету среди бесед.

Тюльпаном чаша предо мной полна вина:
Оно как плавленный рубин! Оно — рассвет!

Прекрасней трезвости, друзья, веселый хмель,—
О виночерпий, окропи ты наш обет!

Увы, прошла моя весна... Прошла весна...
Я это чувствую по тысяче примет.

Но не в раскаянье спасение для нас.
Не станет суфием Хафиз на склоне лет.

7

Что святош во власяницах вся гурьба?
Греховодная милей мне голытьба!

Грязь покрыла власяницы,— а взгляни,
Как ярка бродяги вольного каба!

Опьянил меня твой глаз — так пей вино:
Тяготит нас взоров трезвых ворожба.

Лик твой нежен, стан твой хрупок! Я страшусь:
Ведь гурьба святош драчлива и груба!

Я мучений лживых суфиев не зрел —
Так не мучьте тех, чья радостна гульба!

Взор твой — хмель, а губы — алое вино,
И вино кипит, и в нем — к тебе мольба.

Погляди на лицемеров: ведь от них
Плачет чанг, вину горька его судьба.

Дух Хафиза пламенеет. Берегись:
Перед ним и сила пламени слаба.

Дам тюрчанке из Шираза
 Самарканд, а если надо —
 Бухару! А в благодарность
 жажду родинки и взгляда.
 Дай вина! До дна! О кравчий!
 Ведь в раю уже не будет
 Муссалы садов роскошных
 и потоков Рокнабада.
 Из сердец умчал терпенье —
 так с добычей мчатся турки —
 Рой причудниц, тот, с которым
 больше нет ширазцу слада.
 В нашем жалком восхищенье
 красоте твоей нет нужды.
 Красоту ль твою украсят
 мушки, краски иль помада?
 Красота Юсуфа, знаю,
 в Зулейхе зажгла желанья,
 И была завесы скромной
 ею сорвана преграда.
 Горькой речью я утешен,—
 да простит тебя создатель! —
 Ведь в устах у сладкоустой
 речь несладкая — услада.
 Слушай, жизнь моя, советы:
 ведь для юношей счастливых
 Речи о дороге жизни —
 вразумленье, не досада.
 О вине тверди, о пляске —
 тайну вечности ж не трогай:
 Мудрецам не поддается
 эта темная шарада.

Сердце, воспрянь! Пост прошел, настала весна.
В хумах вино отстоялось, требуй вина.

Минуло время клятв и молитв лицемерных.
Риндов пора наступила — веселья полна.

Пусть утешаются ринды песней за чашей.
В чем преступление пьющих? В чем их вина?

Лучше уж пьяница искренний, не лицемерный,
Чем этот постник-ханжа, чья совесть черна.

Мы не аскеты, мы — чистосердечные ринды.
Знание правды — вот наша тайна одна.

Зла мы не делаем людям, покорны Йездану.
Но если скажут: «Не пей!» — мы выпьем до дна.

Лучше уж быть винопийцей, чем кровопийцей.
Кровь виноградной лозы для уст не грешна.

Кто без греха? Есть ли грех в опьяняющей чаше?
Грех мой на мне, если чаша мне эта вредна!

10

Я отшельник. До игрищ и зрелищ здесь дела нет мне.
До вселенной всей, если твой переулочек есть, — дела нет
мне.

Эй, душа! Ты меня бы спросила хоть раз, что мне
нужно!
До того ж, как до райских дверей мне добрость, —
дела нет мне.

Падишах красоты! Вот я — нищий, дервиш, погорелец...
До понятий: достаток, достоинство, честь — дела
нет мне.

Просьба дерзкая есть у меня; до всего же другого,
Коль пред богом ее не могу произнестъ,— дела нет мне

Нашей крови ты хочешь. Ты нас предаешь
разграбленью.
До пожитков убогих — куда их унести — дела нет мне.

Разум друга — как чаша Джамшида, что мир отразила.
И дошла до тебя или нет эта вестъ — дела нет мне.

Благодарен я жемчуголову. Пусть море полудня
Эту отмель песками решило заместъ — дела нет мне.

Прочь, хулитель! Со мною друзья! До того, что
решился,
Сговорившись с врагами, меня ты известъ,— дела
нет мне

Я влюбленный дервиш. Коль султанша меня не забыла,
До молитв, до того, как их к небу вознестъ,— дела нет
мне.

Я Хафиз. Моя доблестъ — со мной. До клевет и наветов,
Что сплетают презренная завистъ и мездъ,— дела нет
мне.

11

Эй, проповедник, прочь поди! Мне надоел твой
нудный крик.
Я сердце потерял в пути. А ты что потерял, старик?

Среди всего, что сотворил из ничего творец миров,
Мгновенье есть; в чем суть его — никто доселе не постиг.

Все наставленья мудрецов — лишь ветер у меня в ушах.
Пока томят, влекут меня уста, как сахарный тростник.

Не сменит улицу твою дервиш на восемь райских куц
Освобожден от двух миров — своей любовью он велик.

Хоть опьянением любви я изнурен и сокрушен,
Но в гибели моей самой высокий строй души возник.

В несправедливости ее, в насилии не обвиняй!
Скажи: то милостей поток и справедливости родник!

Уйди, Хафиз, и не хитри! И сказок мне не говори!
Я прежде много их слышал и много вычитал из книг.

12

«Владычица,— сказал я,— сжался Ты видишь —
погибает странник»
Она ж: «Влекомый волей сердца, свой путь всегда
теряет странник»

Я умолял ее: «Помедли». Она: «Увы! Нельзя мне
медлить.
Хотя — привычный к мирной неге — в пути изнемогает
странник».

Да и какая ей забота, на ложе из мехов и шелка,
Что на камнях и на колючках в пустыне засыпает
странник?

Опутан черными кудрями, как неразрывными цепями.
Пред родинкой твоей индийской безмолвно замирает
странник

И на лице, рассвета краше, играет отблеск винной чаши
Так отблеск листьев аргавана на розах замечает
странник.

Любуюсь: нежный лик округлый очерчен тонкой тенью
смуглой
Так письма с благоговеньем в святилище читает
странник.

Рассветный ветер с доброй вестью влетел в проем моих
дверей,
Шепнул: «Идет на убыль время твоих несчастий
и скорбей!»

Так отдадим певцам в награду свои разорванные платья
За вести утреннего ветра! Он прежних вестников добрей.

О красота, с высот эдема в мир принесенная Ризваном,
Внемли молениям сокровенным! О гурия, приди скорей!

В Шираз вступаю я под сенью небесного благоволенья;
Хвала тебе — любовь дарящей, хвала владычице моей!

С твоим венцом хотел сравниться мой войлочный колпак
дервиша,
Склонись к раскаянью безумца, тревогу дум моих
развей!

Луна безмолвная, бывало, моим рыданиям внимала,
Когда твой голос доносился из пышного шатра царей

Хафиз до солнца подымает победоносные знамена,
Найдя прибежище у трона прекрасной гурии своей!

Те, кто взглядом и прах в эликсир превратят,
Хоть однажды на жизнь эту бросят ли взгляд?

Утаю от врачей мои скорби. Быть может,
За чертой бытия мой недуг исцелят.

Мой кумир не снимает с лица покрывала,
Что же столько о нем небылиц говорят?

И гуляка и постник равны перед богом.
Лучше в добрых делах ты найди тарикат.

Я — отступник любви, устремленный к познанию,
Стал мужам просветленным поистине брат.

Смутно там — за завесой. Когда же завеса
Упадет — что увидим? Что нам возгласят?

Плачут, внемля мне, камни, и круг прозорливых
Слушать повести сердца поистине рад.

Пей вино! Даже сотня грехов твоих скрытых
Благочестия ложного лучше в сто крат.

16

Ты, чье сердце — гранит, чьих ушей серебро —
колдовское литье,
Унесла ты мой ум, унесла мой покой и терпенье мое!

Шаловливая пери, тюрчанка в атласной кабе,
Ты, чей облик — луна, чье дыханье — порыв, чей
язык — лезвиё!

От любимого горь, от страсти любовной к тебе
Вечно я клопочу, как клокочет в котле огневое питье.

Должен я, что каба, всю тебя обхватить и обнять,
Должен я, хоть на миг, стать рубашкой твоей, чтоб
вкусить забытья.

Пусть сгниют мои кости, укрыты холодной землей,—
Вечным жаром любви одолею я смерть, удержу бытие.

Жизнь и веру мою, жизнь и веру мою унесли
Грудь и плечи ее, грудь и плечи ее, грудь и плечи ее!

Только в сладких устах, только в сладких устах,
о Хафиз,—
Исцеленье твое, исцеленье твое, исцеленье твое!

Взгляни, как праздничный стол
расхищен девой-судьбой!

По кругу чашу ведет
горящий серп молодой.

Паломник добрый! Стократ
тебе воздастся за пост,

Коль ты в трущобу любви
вошел смиренной стопой.

Для нас в трущобах любви
всегда готов уголок,

А тот, кто их возводил,
был подвижим волей святой.

И пусть свершает намаз
под сводом милых бровей,

Кто кровью сердца омыл
любовный помысел свой!

Ведь сам имам городской,
носящий коврик молитв,

Омыл одежду свою
хмельной пурпурной струей.

Но этот шейх-лицемер
с презрением смотрит на тех,

Чья бочка нынче полна,
а завтра станет пустой.

Пусть шейх искусно поет,—
к Хафизу, друг, приходи!

Его любовным псалмом
и слух и сердце раскрой!

Свершая утром намаз,
я вспомнил своды бровей,—

И вопль восторга потряс
михраб мечети моей.

Терпенья больше не жди,
к рассудку впредь не зывай!
Развеял ветер полей
терпенье тысячи дней.

Прозрачным стало вино,
пьянеют птицы в саду.
Вернулось время любви,—
вздохнуло сердце нежней.

Блаженный ветер полей
цветы и радость принес.
Приди, невеста любви!
Весь мир дыханьем согрей!

Укрась свой брачный покой,—
жених ступил на порог.
И зелень — радость сердец —
сверкает все зеленой.

Благоухает весь мир,
как будто счастьем дышу:
Любовь цветет красотой,
что небо вверило ей.

Пускай деревья согнет
тяжелый их урожай,—
Будь счастлив, мой кипарис,
отвергший время скорбей!

20

В дни, когда наш луг покрыт райским цветущим ковром.
Кравчий, с пурпурным вином в светлое поле пойдём!

«Ржавчину горя с души снимет рубиновый хмель»,—
Так говорил мне вчера друг, одаренный умом.

Если твой винный сосуд камнем пробьет мухтасиб,
Тыкву его головы ты проломи кирпичом!

256

Пусть я невежда, ты мудр, —мы перед небом равны
Честный ты, подлый,— слепцу мало заботы о том.

Праведник! Что мне кредит! Только наличность я чту
Гурия есть у меня, раю подобен мой дом!

Христианин, даже тот молвил мне как-то: «Хафиз!
Как опостылел мне звон там, под высоким крестом»

21

Вероломство осенило каждый дом.
Не осталось больше верности ни в ком.

Пред ничтожеством, как нищий, распростерт
Человек, богатый сердцем и умом.

Ни на миг не отдыхает от скорбей
Даже тот, кого достойнейшим зовем,

Сладко дышится невежде одному:
За товар его все платят серебром.

Проструятся ли поэтовы стихи
В наше сердце, зажигая радость в нем,—

Здесь поэта — хоть зовись он Сенаи —
Не одарят и маисовым зерном!

Вот что мудрость говорила мне вчера:
«Нищетою своей прикройся, как плащом!

Будь же радостен и помни, мой Хафиз:
Прежде сгинешь ты — прославишься потом!»

22

Коль туда, куда стремлюсь я, я направлю полет,—
Так за дело я возьмусь, что тоска запоет!

Сильных мира я бегу, словно зимних ночей,
Жду от солнца одного лучезарных щедрот.

Благородства не ищи у надменных владык:
Прежде чем откроют дверь, жизнь бесследно пройдет.

Пусть же сгинет эта жизнь — умерщвляющий ад!
Славь, певец, другую жизнь — услаждающий сот!

Пожелай, мой соловей, чтоб земля наконец
Стала садом, где твой дух к нежной розе придет!

Здесь упорство с торжеством в давней дружбе живут
Кто упорство впустит в дом — торжество призовет.

Мудрено ли, что всегда беззаботен Хафиз:
Вольный странник на земле не страшится тягот!

23

Пошел я в сад поразмышлять на воле.
Там голос соловья звенел от боли.

Бедняга, как и я, влюбленный страстно,
Над розою стонал... Не оттого ли,

Что вся она в шипах? Бродя по саду,
Я размышлял о соловьиной доле.

Из века в век одна и та же песня:
Она — в шипах, а он — в слезах. Доколе?

И что мне делать, если эти трели
Меня лишают разума и воли?

Ни разу люди розы не срывали.
Чтобы шипы им рук не искололи.

Увы, Хафиз! Нет счастья в этом мире,
Нет утоленья нам в земной юдоли...

Сокровища души моей — все те же, что и были.
И тайна, и печать на ней — все те же, что и были.

Я тот же задушевный друг, немного захмелевший
От запаха колец-кудрей — все тех же, что и были!

Я не прошу рубинов в дар и россыпей жемчужин:
Скупцы не сделались добрей — все те же, что и были.

Твои уста, чей алый цвет моей окрашен кровью,—
Все те же, сколько кровь ни пей, все те же, что и были!

Моя религия — любовь, я — основатель веры.
Озера полных слез очей — все те же, что и были.

Тобой убитый — на тебя я снова уповаю:
Глупцы не сделались умней — все те же, что и были.

Все так же дичь арканишь ты кудрями смоляными,
Силки давно минувших дней — все те же, что и были.

Хафиз, кровавых слез из глаз еще прольешь немало!
Истоки счастья и скорбей — все те же, что и были.

Как я страдал, как я любил — не спрашивай меня.
Как яд разлуки долгой пил — не спрашивай меня.

Как я любовь свою искал и кто в конце концов
Теперь мне больше жизни мил — не спрашивай меня

Как я от страсти изнывал и сколько горьких слез
Я в пыль у этой двери лил — не спрашивай меня.

Какие слышал я слова из уст ее вчера!
Ты хочешь, чтобы повторил? Не спрашивай меня!

Ты не кусай в досаде губ, беседуя со мной.
От скольких губ я сам вкусил — не спрашивай меня.

Как стал я нищ и одинок, как все свои грехи
Я кровью сердца искупил — не спрашивай меня.

Как от соперников Хафиз мученья претерпел
И как он жалок стал и хил — не спрашивай меня.

26

Если меж пальцев ушли наслажденья — значит, ушли.
Если могли мы терпеть униженья — значит, могли.

Если гнетет нас любви тиранья — значит, гнетет.
Если насквозь нас прожгли вожделенья — значит,
прожгли.

Если терпенье — значит, терпенье, стойкость
в любовной игре!
Если снесли мы такие мученья — значит, снесли.

Дайте вина! Вдохновенные свыше, ринды не помнят
обид.
Если в вине мы нашли утешенье — значит, нашли.

Ссориться с милой — недругов тешить,
сплетников радовать, но:
Если взбрели мне на ум подозренья — значит, взбрели.

Если не смог я смириться с обманом — значит, не смог.
Если легли мне на сердце камня — значит, легли.

Ноги свободным не свяжешь! Хафиза в том, что ушел,
не вини:
Если влекли его в даль похожденья — значит, влекли!

27

Едва ты откроешь лицо, потускнеет луна.
Сверкнула улыбка — душа моя ослеплена.

Душа моя гибнет, уносится в небытие.
Захочешь — она возвратится, воскреснет она.

Когда успокоит сердечную жажду мою
Волос твоих благоуханье, живая волна?

В разлуке с любимой проходят постылые дни.
Пьянею, но только от страсти, а не от вина.

Приди, мое счастье, меня избери одного.
Душа изнывает, горит, ожиданья полна.

Приди, озари мирозданье своей красотой.
Быть может, надежду разбудишь от долгого сна?

Приди, одари ароматом румяных ланит.
Ты — райского сада дыханье, цветенье, весна!

Спешу, виночерпий, наполнить мою пиалу.
Живи без печали — удача тебе суждена.

Но если пойдешь по дороге любви, берегись —
дорога слезами кровавыми окроплена.

Стихами Хафиза обрадуй себя и скажи:
«Да славится имя поэта во все времена!»

28

Тебе всю душу отдаю —
ты свет зари, а я свеча.
Твою улыбку узнаю:
она легка, она свежа.

Умру — прольются надо мной
фиалок запахи весной,
как будто дышит локон твой,
спадая волнами с плеча.

Глаза раскрою, подниму,
тебя как утро восприму,
но ты мне даришь только тьму,
где ни просвета, ни луча.

Спасибо горю — здесь оно
со мной бессменное одно
живет, не спит, меня давно
от одиночества леча.

И хоть черны мои зрачки,
но от немислимой тоски
светлы в них слезы и горьки,
дрожат, прозрачнее ручья.

Для всех любимая моя
лицо открыла, не тая,
но сердце знаю только я,
нигде об этом не крича.

Хафиз воскреснет, оживет,
могильный саван разорвет,
чуть мимо милая пройдет,
подобно ветру, горяча!

29

Без любви нужна ли мне весна?
Без вина мне чаша не нужна.

Что без милой луг и зелень сада,
аромат, прохлада, тишина?

Что без соловья любая роза?
Вянет, осыпается она.

Что мне ночь, и небо, и созвездья,
если нет тебя, моя луна?

Если нет любви, куда годится
самая достойная жена?

Нет любви, Хафиз,— и жизнь постыла,
и душа уныла и скудна.

От напрасных страданий избавьте меня,
от смешных ожиданий избавьте меня.

От любовного бреда, от женских уловок,
от пустых обещаний избавьте меня.

От тоски по объятьям, желанным и лживым,
от ревнивых терзаний избавьте меня.

От неискренних ласк, от скупых поцелуев,
от холодных свиданий избавьте меня.

От несбывшихся снов разбудите Хафиза —
от бессонных желаний избавьте меня!

Как рассказать о том, чего хочу?
Быть возле сердца твоего хочу.

Молить об исполнении желаний
тебя, живое божество, хочу.

Глаз не смыкая, праздновать с тобою
ночь нашу, наше торжество хочу.

Жемчужное зерно сверлить блаженно
всю ночь, со дна добыв его, хочу.

Тебя одну, желанную награду,
отраду сердца моего, хочу.

С любимых ног хочу снимать пылинки
губами — только и всего хочу.

Чтоб милую мою заморозило
стихов Хафиза волшебство хочу!

Налей полнее — вновь пустеет пиала.
Легка была любовь, а стала тяжела.

Вдохнуть бы аромат благоуханных кос —
от запаха волос душа бы ожила.

Я мог бы жить один, шутя и без забот,
но милая зовет, желанна и светла.

Молиться бы, а я в мечети пью вино,
лишь Вечному дано спасти меня от зла.

Что знает о любви отшельник и мудрец?
Во глубине сердец — сумятица и мгла.

Любовь меня взяла в неволю с давних пор,
на горе и позор до гроба обрекла.

Не жалуйся, Хафиз! Любимой верен будь.
Ничтожное забудь! Высокому — хвала!

33

Мои стихи, мою мольбу
кто отнесет любимой?
Будь милосердной, доброй будь,
не будь неумолимой.

Ты, нежная, светлей луны,
и люди ошеломлены
лицом волшебной белизны,
красой неодолимой.

Соперник грозен и ревнив,
и беспощаден, словно див,
но ты сияй, лицо открыв,
звездой неугасимой.

Румянец розовых ланит
пылает, светится, манит —
дотла вселенную спалит
пожар неукротимый.

Ресницы — черные лучи
безжалостны, как палачи.

Меня от страсти излечи,
от муки нестерпимой.

Я без тебя живу, скорбя.
Во сне и наяву тебя
я жду. Ищу, зову тебя
в тоске неуголимой.

Хафизу дай вина глотнуть,
всегда великодушной будь.
К твоей душе заветный путь
мне отворит Незримый.

34

Врача на помощь не зови —
он не излечит от любви.

Легко разбрасывает роза
дары багряные свои.

Я другу сердце открываю —
оно горит, оно — в крови.

Взойди, любимая, как солнце,
все озари и обнови.

Твоя любовь — ларец закрытый.
Где спрятаны ключи твои?

Отдай их мне без сожаленья,
будь щедрой, бога не гневи.

Не будь скупой, спаси Хафиза,
смягчи страдания мои.

35

Живу в разлуке — слышу, как всегда,
лишь похвалы тебе, моя звезда.

Среди твоих вздыхателей я — лишний,
еще один, бредущий никуда.

В пустыне, в храме, в пьяном харабате
езде со мною ты, моя беда.

Покаяться, отречься от любимой
не предлагай безумцу никогда.

Мне нужно лишь твое благоволение,
и горести растают без следа.

Хафиз печален, а стихи — беспечны.
Что делать? Так бывает иногда.

36

Чтобы воскресла душа моя, жду тебя снова.
Радость последняя самая, жду тебя снова.

Прочь суету! Вседержителю равен влюбленный.
Я — твой невольник, а ты — моей жизни основа.

Животворящим дождем окропило нас небо.
Только любить — и не надо удела иного.

Только бы ты развязала свой сладостный пояс,
мне отворила пределы блаженства земного.

Вместе мы будем всю ночь напролет, до рассвета.
Седобородый, тебе заменю молодого.

А как умру, не являйся к могиле без песен,
танца, вина, и цветов, и веселого слова.

Свет моих глаз, приходи на могилу к Хафизу.
Чтобы воскресла душа моя, жду тебя снова!

37

Я любовью опьянен — не хочу вина.
Я тобою опоем — вся душа пьяна.

Гляну в милые глаза, припаду к устам —
и хмелею, и горю. Ты же — холодна.

Покрывало урони, выйди, покажись.
Из-за тучи появишься, полная луна!

Я — кольцо твоих дверей, и замок, и ключ.
Верю, что в такую ночь милая — одна.

Поцелуя не прошу, ласки не ищущу.
Наглядеться б на тебя, досыта, сполна.

Я — паломник, ты — мираж на моем пути.
Жажда горькая, Хафиз, не утолена!

38

Едва придешь, помолодею вмиг,
бальзамом жизни овладею вмиг.

Я без тебя — слепой, но стану зрячим,
едва придешь, откроешь нежный лик.

Ты явишься, и ночи тьма исчезнет,
и будет свет — я от него отвык.

Я задыхаюсь, ты — целебный воздух.
От жажды умираю, ты — родник.

Придешь ли снова — спрашиваю звезды,
пока рассвет не вспыхнул, не возник.

Приди к Хафизу! Трелью соловьиной
его душа зальется в тот же миг!

39

Я никогда не позабуду
тебя, моя услада —
повадку ласковую, голос,
очарованье взгляда.

Я так тобою переполнен,
что места не осталось
ни для каких иных желаний,
а мне иных — не надо.

Твое лицо перед глазами
и в памяти, и в сердце —
единственное наслажденье,
страданье и награда.

Я все забуду, кроме муки,
тревоги и печали —
они рождаются в разлуке
с тобой, моя отрада.

Силки волос твоих поймали
мою простую душу.
Она в плену — крепки засовы
и высока ограда.

Мое измученное сердце
тебя зовет и жаждет —
больной желает исцеленья,
лекарства, а не яда.

Влюбленные! Не повторяйте
печальный путь Хафиза —
вас ожидает только горечь,
обида и досада.

40

Не уходи, останься как всегда.
Лишь одного хочу — промолви: «да».

Не кутайся в глухое покрывало,
пленительна, лукава, молода.

Не торопись — краса твоя пребудет
неразрушимой долгие года.

Не слушай сплетников — они несчастны.
Тебе их ложь не причинит вреда.

Не бойся, если назовут Хафиза
группом влюбленным — это не беда.

Весь этот мир дешевле слез
твоих — живых жемчужин.
Мне чаша полная нужна,
пустой почет не нужен.

Мне благочестье ни к чему,
его и даром не возьму.
Забуду четки и чалму —
кувшин вина мне нужен.

Не верь поэту, говорят,
ведь он обманет всех подряд.
Ему подай земных услад,
а небосвод — не нужен.

Неправда! Презирает он
и власть, и золото, и трон.
Ему ваш мелочный закон,
смешной расчет — не нужен.

Я в море встречу ураган,
соленой влагой буду пьян.
Мне друг — бездонный океан,
а жалкий брод — не нужен.

Не нужен людям плод войны:
дома и нивы сожжены,
живые гибнут без вины...
Кровавый плод — не нужен!

Хафизу верен одному,
забудь мирскую кутерьму.
Носи дырявую суму,
тебе доход — не нужен!

Любовь — моя вера, мой свет
и предел, и начало:
воскресла душа моя,
сердце болеть перестало.

Любовь мне открыла тебя —
заповедную тайну:
сбылись упования,
откинула ты покрывало.

Любовь подарила мне слово,
дала вдохновенье,
и время для песен
во славу любимой настало.

Любовь наградила певца
нищетой и забвеньем,
блаженством и счастьем,
какого еще не бывало.

Любовь меня сделала
выше богатых и знатных —
подобна шатру падишаха
душа моя стала.

Любовь повелела
усыпать дорогу к любимой
багряными розами,
что драгоценнее лала.

Любовь возвестила,
что вся красота мирозданья —
лицо моей милой —
как солнце оно воссияло!

Любовь — это строки Хафиза,
вино и веселье!
Любовь — моя вера и свет,
и предел, и начало!

48

Твои золотистые плечи, отрада моя,
и взоры хмельные, и речи — награда моя!

Пленительней, краше, смелее, нежнее, правдивей
красавиц любых моя радость, услада моя.

Лицо твое — дивное диво, само совершенство,
подарок аллаха, светильник, лампада моя.

Звезда моя! Родинку, что у тебя над устами,
увиди — погибну, умру, о свиданьи моля.

Скажи, смуглолицая, правда, что ты уезжаешь?
Услышал — как будто ужалила в сердце змея.

Ты можешь словами убить и вернуть меня к жизни, —
родник чудотворный, бальзама живая струя.

Хафизу поверь — он тебя божеством называет,
святыня, душа моя, свет и отрада моя!

44

Радостный ветер, к любимой лети на рассвете.
Стукни в окно, разбуди мою милую, ветер.

Ей передай: приближается время свиданья,
час приближается самый желанный на свете.

Прошелести, прошепчи: умирает в разлуке
любящий твой — хоть на миг пожалей о поэте.

В каждой строке у него — сокровенная тайна.
Только захочешь — откроешь сокровища эти.

Только захочешь — спасешь от гибели друга,
муки его тяжелее, чем жажда и плети.

Только захочешь — развяжешь пленительный пояс,
любящий сам попадет в блаженные сети.

Персы и тюрки равно понимают Хафиза —
в каждое сердце любовь ударяет, как ветер!

45

Смирненно к небу простираю руки.
Спаси, молю, от горя — от разлуки.

Дай лекаря, чтоб сердце успокоил,
хотя б на день освободил от муки.

Куда идти? Что делать? В харабате
учиться забытью — простой науке.

Мои желанья — тайные убийцы,
крадутся, натянув тугие луки.

Хафиз! Не бойся, пей вино и слушай
напевы ринда — колдовские звуки!

46

Говорить со мною станешь, неужели станешь?
Только слово отчеканишь — оттолкнешь? Притянешь?

До чего же ты красива, до чего лукава!
Позовешь, рукой поманишь и опять обманешь.

Поведешь точеной бровью — душу заарканишь,
заколдуешь, одурманишь, разум затуманишь.

Как священное писанье, всю тебя запомню.
Ты меня томить устанешь, мучить перестанешь?

Улыбнешься, мимоходом глянешь на Хафиза —
стрелами-глазами ранишь, прямо в сердце ранишь...

47

В мечети я припомнил излом твоих бровей,
и выпали молитвы из памяти моей.

Меня покинул разум, моя гордыня разом
растаяла, пропала — к чему жалеть о ней?

Вино играет в чаше, сердца пылают наши,
и соловьи рыдают средь зелени ветвей.

И ветерок крылатый приносит ароматы,
и огненные розы становятся пышной.

Е мсих объятых тесных ты — божество, невеста!
Над нашим брачным ложем ликует соловей.

Без шелка и атласа, без жемчуга и злата
ты красотой богата, и нет тебя милей.

Как кипарис я беден, заботой не изъеден,
люблю тебя все крепче, все жарче и смелей.

Хафиз! Душа открыта, и песня не забыта
во славу светозарной возлюбленной твоей!

48

Любовь — как море. Не боясь, плыви.
Спасет аллах достойного любви.

Какое счастье — жить самозабвенно!
С потоком страсти не борясь, плыви.

Молчи, рассудок! Отложи заботы —
негодились доводы твои.

Мне, раненному в сердце, не помогут
ни звезды, ни стихи, ни соловьи.

Любимая! Живу одним желаньем:
твое лицо увидеть. Позови!

Откройся, тайна! Пьяному безумцу
себя, мое сокровище, яви!

Но у любимой — каменное сердце.
Забудь, Хафиз, терзания свои!

49

Зазвени, веселый чанг — снова, снова, снова, —
вторя звону пьяных чаш — снова, снова, снова!

Я с красавицей не груб, но с ее румяных губ
дань взимаю по ночам — снова, снова, снова!

Если пить не будешь ты, не постигнешь красоты.
Пей, внимай моим речам — снова, снова, снова!

Аромат, касанье, свет! Ты, любовь, забвенья бед
бескорыстно даришь нам — снова, снова, снова!

Ты к любимой, ветер, мчись, передай: опять Хафиз
припадет к ее устам — снова, снова, снова!

50

Ты лицо свое открыла — отступила тьма.
Ты мне сердце опалила, вспыхнула сама.

Это ангел-небожитель пламенем любви
охватил живую душу, свел меня с ума.

Мы с тобой свечу сознания так и не зажгли —
нас ревнивое молчанье губит, как чума.

Думал я — открою тайну сердца твоего,
но в груди моей — ненастье, хмурая зима.

Низвожу я душу с неба, милой отдаю —
розовы ее ланиты, стать ее пряма.

У других — благая доля, радостные дни.
Мой удел — тоска немая, нищая сума.

Славь любовь — огонь бесценный! Не забудь, Хафиз:
наши радости — мгновенны, этот мир — тюрьма!

51

Не спеши, мое сердце, остыть и уйти
от вина и любви — от святого пути.

Пью, всевышний, без меры. Любимую крепко
обнимаю. А ты мне грехи отпусти.

Пиалу осушаю, целую подругу —
не суди меня строго за это, прости.

Все по воле твоей — и любовь, и застолье.
Я по совести, право, безгрешен почти.

Воздержанье и трезвость противны Хафизу,
и, надеюсь, они у тебя не в чести.

52

Пронзи мое сердце насквозь —
оно на обман поддалось.

Проходят бессонные ночи —
желанье мое не сбылось.

Кто розу полюбит, безумец,
незванный на празднике гость.

В лампаде усталое пламя
погасло и вновь не зажглось.

Что мускус? Он вовсе не нужен
волнам благовонных волос.

Мой путь — отойти и забыться,
дождаться, чтоб все улеглось.

Горящее сердце Хафиза!
Мечтать о возлюбленной брось!

53

Меня вконец измучила тоска.
Любимая все так же далека.

Кого она глазами приманила,
сразила, полонила, завлекла?

Кого, притягивая, оттолкнула
скупая, злая, нежная рука?

Кого Лейли как молния пронзила?
Меджнуна своего наверняка.

Кого не любит бог? Конечно, трезвых.
Грех — не допить последнего глотка.

275

Кто будущее знает? В книге судеб
кому понятна хоть одна строка?

Кто верил небу, молнии дождался.
Она сожгла Хафиза, бедняка.

54

Мое вино искрится в чаше,
как солнце утром рано.
Лицо твое нежней и краше
расцветшего тюльпана.

Резвится ветер, беспокоя
твои густые кудри.
Прямая твоей стою
травы — благоуханна.

Я без тебя во тьме, ты — полдень,
лучистое светило.
Я был печалью переполнен,
томившей непрестанно.

Меня сладостями не кормило
безжалостное время.
Изведавшему горечь мира,
мне только ты желанна.

Я вынесу не хуже Ноя
удары провиденья —
восстанет солнце надо мною
из мрака и тумана.

Моя жемчужина живая,
ты — подлинное чудо.
Тебя добуду, не желая
подделки и обмана.

Я без тебя умру. Доверься
мольбе моей последней.
Приди! Ты у Хафиза в сердце
единственная рана!

Мне мудрец говорит, в пиалу наливая вино:
«Пей, другого лекарства от боли твоей не дано.

Пей, не бойся молвы — оклеветают и юную розу,
а она раскрывается, дышит, цветет все равно.

Пей! Повсюду на свете, на этом бессовестном рынке
добротой, и доверьем, и правдой торгуют давно.

Пей! Не жалуйся — все на земле ненадежно, невечно.
Даже шахскому трону рассыпаться в прах суждено.

Пей, Хафиз, наливай, наслаждайся, живи беспечально.
Пей, осталось немного — и в чаше покажется дно...»

Тюрчанка молодая, ты ушла,
влюбленного обидой обожгла.

Увижу ли глаза твои, как прежде?
Куда ты скрылась? Что ты обрела?

Печаль мне душу пламенем не выжгла,
но словно дымом свет заволокла.

С тобой в разлуке знаю только слезы —
от их наплыва грудь изнемогла.

Едва стою, глаза мои застлала
тоска — густая, гибельная мгла.

Но сердце обещает: ты вернешься.
Молю тебя: приди, не помни зла.

Любимой нет, и небеса — пустыня,
земная твердь — остывшая зола.

Сказали мне: «Ты болен безнадежно.
Бедняга, плохи у тебя дела»...

Вернись, моя любимая, к Хафизу,
пока его могила не взяла.

57

Лицемер, твои речи смешны,
поученья твои не нужны.

Утешенье — улыбка любимой,
а внушенья твои не нужны.

Эти плечи и стан — совершенство,
и для радости сотворены.

Мы дождемся — ворота Эдема
будут любящим отворены.

В небеса улетит мое сердце —
разобьется, упав с вышины.

Ты не жалуйся, сердце, не сетуй.
Причитанья твои не слышны.

Твоя доля, Хафиз, — ожиданье,
а страданья твои не нужны.

58

Израненное сердце предчувствием горит:
обида и невзгоды мне время подарит.

Рука моя любого посланца твоего
наградами осыплет и отблагодарит.

Чтоб ты верна осталась, напрасно я молю
того, кто создал небо, вселенную творит.

Меня простит всевышний, тебя — за все грехи
накажет он, навечно ко мне приговорит.

Хозяева земные! Любовь сильнее вас.
Она сердцами правит, в груди моей царит.

278

Возьму скрижаль завета, о камни разобью,
чтоб любящим не ведать запретов и обид.

Увижу лик любимой — пойму, что рядом с ней
любой бутон поникнет, не нужен и забыт.

Услышу — вопрошают ширазцы: «Где Хафиз?»
Отвечу: «Он изгнанник, и враг ему грозит».

59

Ты птица счастья, вестница услад.
Покинув небо, посети мой сад.

Я несказанно рад: увижу в чаше
на самом дне лицо твое и взгляд.

Быть может, ветер донесет к любимой
моих газелей музыку и лад.

Живой воды источники, быть может,
мою немую жажду утолят.

Зачем, душа, ты угодила в сети?
Они тебе свободы не сулят.

Любимая, останься, погадай мне,
а вдруг удачный выпадет расклад?

А вдруг луна, все озарив, подарит
мне одному тебя — желанный клад?

Пыль на твоём пороге для Хафиза
милее всех соблазнов во сто крат.

60

Завистник лицемерный в неведение глухом
любовь мою считает пороком и грехом.

Слова его бессильны, проклятия смешны.
Он, богом обделенный, с любовью не знаком.

Вокруг моей любимой — волнами аромат.
Ловлю его, вдыхаю открыто и тайком.

Глаза — живые стрелы нацелены в меня.
Стою незащищенный, открытый целиком.

На все мои моления согласием ответь —
наперекор запретам останемся вдвоем.

Безропотно приемлю все тяготы любви,
чтоб в сердце удержаться, единственном, твоём.

Хафиз! Поведай людям, что испытал, как жил,
и слезы их польются рекой, а не ручьем.

61

Глаз янтарное сиянье
навсегда запомню.

Долгожданное свиданье
навсегда запомню.

Ты мне счастье возвратила,
сердце воскресила —
это доброе деянье
навсегда запомню.

Что за факел небывалый —
щек румянец алый!

Цвет, и жар, и полыханье
навсегда запомню.

Губы — влажные рубины,
губы — кубок винный
подари. Твое даянье
навсегда запомню.

Мы одни в часы ночные,
краткие, хмельные.

На рассвете расставанье
навсегда запомню.

Каждое прикосновенье,
сладость опьяненья,
смех, улыбки обаянье
навсегда запомню.

Над тобой луны рождение —
зыбкое свеченье,
серебристое мерцанье
навсегда запомню.

Дни и ночи, и объятья
в тайном харабате,
и святыи возлиянья
навсегда запомню.

— Пой, Хафиз,— она сказала
ласково, устало.—
Твоего стиха звучанье
навсегда запомню.

62

Как хочется, чтоб ты моей была,
моей душе отраду принесла.

Как хочется, чтоб ты со мной осталась
навек рядом, будто приросла.

Как хочется руки твоей коснуться
и чтобы ты ее не отняла.

Хочу, чтобы всегда перед глазами
стояла ты — доверчива, светла;

Чтобы, моей душой повелевая,
Мне собственную душу отдала,

Чтобы мои перевязала раны,
обида смыла, беда отвела.

Хочу, чтоб каждое мое двустийше
тебя пронзало сразу, как стрела

Хочу, чтоб мне, певцу, три поцелуя,
три яхонта бесценных ты дала.

Чтоб с вечера вошла в мои объятья,
а утром — оторваться не могла.

Хочу, чтоб верила: с тобой в разлуке
Хафизу даже слава не мила.

Кто, счастливый, откинул твое покрывало?
Чья рука тебя, робкую, околдовала?

Кто с тобой? — вопрошаю бессонную ночь. —
В чьих объятиях ты засыпаешь устало?

Я не ведаю страха, тобой опьянен —
ты бояться возмездия божьего стала.

Ты взглянула — как будто ударом ножа
мое сердце пробила, тоской пронизала.

Брови — соколы, что за добычей летят,
а ресницами ты меня в сети поймала.

Высоко ты стоишь, велика твоя власть,
мое горе тебя не тревожит нимало.

Где светильник? Хочу твое сердце зажечь,
чтобы пламя не гасло, не ослабевало.

Не гонись за миражем, соблазны отринь —
заблудиться легко, это часто бывало.

Жизнь идет, и не так уж она коротка.
Окончание ищешь — находишь начало.

Изменяется все — постоянен Хафиз.
Быть иным, быть неверным ему не пристало.

Глаза твои — реки, а время — пустыня,
а сердце мое затонуло в пучине.

По-прежнему пламя греха и соблазна
пылает — с адамовых дней и донныне.

Стрела поразила меня огневая.
Но влага — спасение и благостыня.

Хмелеет земля от мелодии чанга,
заслушалось небо, безоблачно сине.

Любимая, ты возвращаешься — счастье,
краса, наслаждение, отрада, святыня!

Смелее развязывай трепетный пояс —
терпенья у любящих нет и в помине.

Хафиз, торопи драгоценное время,
с любимой блаженствуй и радуйся — ныне!

65

Тебя увижу — обрету удачу,
забуду горе, жизнь переиначу.

К твоим устам лукавым припаду —
над горькой чашей больше не заплачу.

Твои глаза — веселое вино.
Со всеми пью и радости не прячу.

Приснишься ночью — сердце отберешь.
Рассудок подарю тебе в придачу.

Я твой невольник, милости ищу.
Тобой забытый, ничего не значу.

Отыскиваю лучшие слова —
быть может, время не напрасно трачу?

Тебя стихами пробую пленить —
пустое дело. Сам себя дурачу.

И все ж Хафиз воистину поэт —
возьми любую строчку наудачу!

66

О помощи зову нетерпеливо —
друзья не слышат моего призыва.

283

Терпеньем запасаясь, жду тебя,
как жатвы — созревающая нива.

Тебя не упрекаю, не кляню,
не жажду поучать велеречиво.

Я думал: ты бесхитростна, верна,
тебе чужда измена и пожива.

Что сетовать? Как прежде я люблю,
и не хочу разлуки и разрыва.

Не потому ли хорошеешь ты,
что я боготворю тебя ревниво?

Будь благосклонна к любящему, будь
к нему добра, как пальма и олива.

Тебе Хафиз всю душу отдает,
и ты будь щедрой — это справедливо.

67

Всю ночь мое сердце пылало в огне.
И радость, и жизнь отгорели во мне.

И воском расплавленным кровь моя стала
без милой в унылой ночной тишине.

С оплившей свечой, с мотыльком обгоревшим
я числюсь по праву теперь наравне.

Душа моя стала иссохшим тюльпаном,
и нет утешенья — спасенья в вине.

Горю, одинокий, ищу состраданья,
свиданья с возлюбленной наедине.

Я стал неприкаянным, нищим, беспутным.
Себя потерял по своей же вине.

Доверюсь аллаху, забуду соблазны,
и радость войдет в мою душу извне.

Довольно, Хафиз, принимайся за чашу!
Уж ночь на исходе, а правда — на дне.

68

Обещаем наслажденье — мне созвездия сказали.
Звездных знаков совпадения мне блаженство
обещали.

Лишь бы локонов любимой не коснулся нечестивец!
Огради ее, незримый, не оставь ее в печали.

Ямочка на подбородке у нее — ловец искусный.
Кто в силок не попадался, в мире сыщется едва ли.

Кто лицо ее увидит, оробеет, ослепленный.
Побледнеет даже солнце в вышине, в небесной дали.

Я — медлительный, забытый, незадачливый паломник.
А соперники не дремлют, свежий ветер оседдали.

Кто же я? Невольник, пленник, отраженье луноликой?
Пыль у милого порога, что не стерли, не убрали?

Кто же я? Поэт — владетель вековечного калама.
Занесу родное имя на священные скрижали.

Тороплюсь на поклоненье к недопитому кувшину
и к рубиновой улыбке, что сияет из-под шали.

Я — Хафиз! Любые муки принимаю терпеливо —
сколько раз ресницы-стрелы мое сердце поражали!

69

Роза раскрылась и слушает речь соловья:
«Ты не одна в цветнике, чаровница моя».

Роза ему отвечает: «Влюбленный, забудь
речи такие, а мне их и слушать нельзя».

285

Если не выпьешь бальзам этих розовых губ,
будет тебе уготована злая стезя.

Ради того, кто любил, одиноко стоит
в пьяной тиши харабата пустая скамья.

Утренний ветер играет волнами волос,
черные локоны льются струями ручья.

Зная грядущее, мне возвещает мудрец:
«Звезды сказали: безрадостна доля твоя».

Нужно ли заново нежные речи твердить?
Нет! Наполняй пиалу, золотая струя!

Стоит ли разум терять, убиваться, Хафиз,
все свои беды в груди хороня и тая?

70

Мы пировали всю ночь до утра.
Заново чаши наполнить пора.

Заново надо начать возлиянья
сразу, сегодня же, как и вчера.

Снова с утра пробудилась лужайка,
благоуханна, свежа и пестра.

Нет, не вино пиалу наполняет —
это рубинов живая игра.

Губы твои улыбаются нежно —
будь благосклонна ко мне и щедра.

Дверь харабата закрыта. Но жажда
неутолима, горька и остра.

Мне от привратника, от лицемера
трудно сочувствия ждать и добра.

Лишь бы, Хафиз, от тебя не сокрыла
деву-удачу глухая чадра!

В наполненной чаше — мерцанье и радужный свет.
В рокошущем чанге — веселье, а горечи нет.

На дне пиалы я, как прежде, любимую вижу.
Мне жаль тебя, трезвенник горький, непьющий сосед!

Бессмертье — награда тому, кто воистину любит.
Быть может, и я проживу еще тысячу лет?

Знавал я немало красавиц пленительных, ладных.
Ты — в небе луна, а они — вереница планет.

Гляжу на тебя — и хмелею, и разум теряю,
пьянею, сгораю, любой нарушаю запрет.

Запретное пью! Неужели меня остановят
угроза, отказ, назидание, трезвый совет?

В цветущем саду отыщи мою милую, ветер.
В разлуке с любимой, скажи, угасает поэт.

Она еще помнит меня или время — всеильно? —
спроси у возлюбленной и принеси мне ответ.

Как море, не знает границ благородная щедрость —
хотел бы я плыть, наслаждаясь, не ведая бед.

Не плачу, не жалуюсь — лишь бы дождаться свиданья.
Вернется к Хафизу блаженство, и вера, и свет!

(1414—1492)

ГАЗЕЛИ

1

Ночью сыплю звезды слез без тебя, моя луна.
Слезы света не дают, — ночь по-прежнему темна.
До мозолей на губах я, безумный, целовал
Наконечник той стрелы, что мне в сердце вонзена.
Здесь, на улице твоей, гибли пленники любви, —
Этот ветер — вздохи душ, пыль — телами взметена.
Если вдруг в разлуке стал я о встрече говорить,
То горячечный был бред, вовсе не моя вина!
С той поры как ты шутя засучила рукава,
Всюду вздохи, вопли, кровь, вся вселенная больна.
О рубинах речи нет, нынче с цветом губ твоих
Сравнивают алый цвет розы, шелка и вина.
По душе себе Джами верования искал, —
Все религии отверг, лишь любовь ему нужна.

2

В грудь проник этот яд, просто сил нет подчас,
Щеки жаром горят, хоть и не до прикрас.
От страданий любви тело чангу подобно,
Лью с ресниц слезный град на подола атлас.
Выйди, милая, в сад: розы там в иступленье,
Разорвав свой наряд, распустились без нас,
Там тебя год подряд ждут сосна с кипарисом,
Через стену глядят, хоть и нет у них глаз...
Путь святоши — в мечеть, путь скитальца —

в пустыню.

А иным хоть бы в ад, лишь вина бы запас!
Я бы душу стократ продал за поцелуи,
Торговаться я рад, мой бесценный алмаз.
Ты ж с другим, и от ревности я умираю.
Умирают лишь раз, а Джамии — каждый час.

3

Похитила ты яркость роз, жасминов белых диво,
Твой ротик — маленький бутон, но только говорливый.
Уж если ты не кипарис, друзьям скажу: насильно
Меня, как воду на лугу, к другим бы отвели вы!
Долина смерти — как цветник: спаленные тобою,
Ожогом, как тюльпан внутри, отмечены красиво.
Едва ли я настолько храбр, чтоб не были страшны мне
И завитки твоих волос, и смеха переливы.
Бродя в долине чар любви, чужбины не заметишь,
Никто там даже не вздохнет о доме сиротливо,
Начав описывать пушок над яркими устами,
Бессильно опустил перо Джамии красноречивый.

4

Серебряная шея, ланиты — два тюльпана
И каменное сердце, как сердце истукана.
Хоть изнуренным телом я от тебя далёко —
У милого порога душою постоянно.
Молю, будь осторожна, завязывая пояс,—
Не стерпит нежность кожи малейшего изъяна.
Как я пройти осмелюсь по улице заветной?
Боятся даже ветер подуть там утром рано.
Ах, если б, опьянев, ты лежала без сознания —
Ступню поцеловал бы я с помощью обмана.
Чего Джамии хотел бы? Попировать с любимой.
Но разве может нищий в чертог войти султана?

5

Не я один подвластен чарам красавиц городских,
Красивое лицо — приманка для всех сердец людских.

Где вестник? Ветер Ханаана, жду вести, как Якуб
Ждал от Юсуфовой одежды прозренья глаз слепых!
Красавицы, как и деревья, не схожи меж собой,
Разумный женщин изучает, чтоб знать повадки их.
Скажи писцу, чтоб не писал он всей правды о любви,
Кто понесет такую тяжесть — груз горьких строк чужих!
Ты строй сердце уже разбила, так не седлай коня
И побежденных не преследуй, хоть конь тиранства лих.
Бессонница мной овладела, сон от меня бежит,
А был еще совсем недавно так безмятежно тих.
Вчера услышал я, припавши к ее следам в пыли:
«Ах, не пыли, Джамы, так сильно метлой ресниц твоих».

6

Одна любовь нас отрешает от суеты земной,
Мук не вкусивший не вкушает и сладости иной.
Любимая сулит нам горе, не ведая о том,
Что все обещанное ею — бальзам душе больной.
К чему существованье солнца, когда ее лицо
Мгновенно затмевает блеском неяркий свет дневной!
В миг расставанья — без сознания на землю я упал,—
Что, кроме забытья, могло бы в разлуке быть со мной?
Я только пыль ее дороги, но хорошо и то,
Что ветер не уносит пыли, проходит стороной.
Когда умру — в багряный с желтым тюльпан
я превращусь:
Я плакал кровью и покрылся от желчи желтизной.
Джами потоком слез однажды к ней в сад был принесен.
Что толку в мусоре, прибитом столь мутною волной?!

7

Кто весть красавице доставит о всех убитых ею
И кто забывчивой напомнит о позабытых ею?
Разлукой ранен я. Где пластырь, чтоб затянулась рана?
Я лишь свиданием с любимой отчаянье развею.
Цвет пурпура и жаркой крови — цвет славы и величья,
Обязан я слезам кровавым всей славою моею.
Своим глазам я благодарен за славу и за слезы,
Пусть в слезах утонут, если не стоят встречи с нею!

Мне год назад она сказала: «Жди будущего года»,
А в этом мне так худо стало, что прошлого жалею.
Не назовусь ее собакой, хотя бы ненадолго,—
На знамени ее державы позором быть не смею.
Страдания Джами увидев, сказал почтенный лекарь:
«Тут, кроме смерти, нет лекарства, помочь я не сумею».

8

Аскет благочестивый, сбрось одежды лицемерья
И с чашею в руках скажи: «Ханжи, не ваш теперь я».
«Вкушай вино, пока землей твой череп не наполнен»,—
На чаше начертал Кавус, и прав был в полной мере.
Пленительнее шелк волос от аромата амбры,
Да и павлину придают красу цветные перья.
Пульс у влюбленного считать — напрасная затея,
Лишь Авиценна оправдал болящего доверье.
Доколе властвовать луне? Открой лицо скорее.
Светильник мира устарел, как сумрак суеверья.
Ах, мы плохие торгоши и лишь себя позорим:
Бьем в барабан, когда несем огромные потери.
Джами, тебе не удалось припасть к руке любимой,
Так поцелуй хоть след ноги у недоступной двери.

9

Бульжник улицы твоей, где я упал во прах,
Дороже сердцу моему престола в двух мирах.
Ты выйди, косу распустив, и станет амброй пыль,
В которой я лежу ничком с мольбою на устах.
Жизнь — это нить, ей суждено соединить людей,
Но жаль, что сделал эту нить короткою аллах.
Взгляни же, пери, пусть хоть раз сиянье глаз твоих
Свет веры, истины огонь зажжет в моих глазах.
Я заронил в тебя давно своей любви зерно,
Еще не показался всход, а я ослеп в слезах.
Я кровью начертал газель и лентой обвязал,
Я посылаю свиток свой, испытывая страх.
Взгляни, что написал Джами, прочти мою газель,
Почувствуй боль в скупых словах, печаль в ее строках.

Моя любовь к тебе — мой храм, но вот беда:
 Лежит через пески укоров путь туда.
 Где обитаешь ты, там — населенный город,
 А остальные все пустынно города.
 Взгляни же на меня, подай мне весть, и буду
 Я счастлив даже в день последнего суда.
 Ведь если верим мы в великодушье кравчих,
 Вино для нас течет, как полая вода.
 Смолкает муэдзин, он забывает долг свой,
 Когда приходишь ты, чиста и молода.
 Что написал Джами, не по тебе тоскуя,
 Слезами по тебе он смоем навсегда.

11

Желанная моя, могу сказать я смело:
 Из вещества души твое слепили тело.
 Душой твоей живой пахнуло на меня
 От платья, что лишь раз на плечи ты надела.
 Что стало бы со мной при виде плеч твоих?
 Я платье увидал — душа оцеленела.
 Нежны цветы, но есть их нежности предел,
 На свете лишь твоей нет нежности предела.
 Всего лишь раз один я слышал голос твой:
 Ты говорила мне, не говорила — пела.
 Твой голос до сих пор звучит в моих ушах,
 С ним даже в черный день все предо мною бело.
 И все ж заветных слов не услышал Джами,—
 Хоть отдал все тебе, душа его сгорела.

12

Как взгляд твой сверкает, как искрится локон крутой!
 Моя луноликая, как хороша ты собой!
 Воспеты поэтами родинки на подбородке,
 А я воспеваю твою, что над верхней губой.
 Нет большего блага, как ждать от тебя милосердья,
 Вдыхать и рыдать, и повсюду идти за тобой.
 О пери моя тонкостанная, стан твой походит
 На стройную пальму, сулящую плод неземной.

Когда тебя нету, темно мне не только средь ночи.
Коль нету тебя, я и в полдень хожу как слепой.
Наука любви недоступна глупцам и невеждам,
Я эту науку постиг, но не выиграл бой.
Джами, как собака, у двери твоей притаился,
Я славлю свой жребий, — он мне предначертан
судьбой

13

Не медли, кравчий! В тягость ожиданье.
Играй, мутриб! Не время для молчанья.
Слух к чангу устреми, к любимой — взор,
Святоши пусть оставят назиданья.
Я счастлив и покоя не ищу:
Для любящих отрадно и страданье.
Любимые пускают стрелы в нас,
Но эта боль для нас — не наказанье.
Жестокость милых — меч, и ты мечом
Касаешься меня, и то благодаянье.
Способность в малом счастье находить —
Мне свойственно такое дарованье.
Порой мы в тех, кто близок, не найдем
Сочувствия к себе и пониманья.
Свиданья с милой не ищи, Джами,
Не спорь, прими судьбы предначертанье.

14

Рот твой нежный улыбнулся, зубы-жемчуг показал
И зубами узел горя мне на сердце развязал.
Твой округлый подбородок — шар точеный для чоугана
На майдане обаянья шар твоей добычей стал.
Так зашей мне ворот сердца, порванный рукой разлуки
Чтобы швом на том разрыве шелк-волос твоих блистал.
Всяк пожнет, что сам посеет; только мне во всем
злосчастье
Сеял я любовь и верность — боль и бедствия пожал.
К своему живому взгляду я с утра тебя ревную,
Ведь вчера во сне глубоком он твой образ созерцал.

О, к тебе, как Нил к Египту, слез моих поток стремится,
Омывая лишь обрывы безотзывных мертвых скал.
Износил Джамии подошвы, по следам твоим блуждая,
Но к стопам твоим устами он ни разу не припал.

15

Сидящие в питейном доме в сердечной радости живут,
От наваждения мечети и ханаки они бегут.
Они покровы благочестья, как мы одежду, разорвали,
На покаянные обеты и на фетву они плюют.
Нам горе — друг, беда — приятель, отчаяние —
наш наперсник.
Эй, сердце, где ты? Что ты медлишь? Ведь все гуляки
в сборе тут.
Пройди возле дверей кумирни, откинув локоны густые!
Те, кто лицо твое увидят, перед кумиром не падут.
Но если пьяницы из кубков вино на землю разливают,
То ведь глаза твои, пьянея, не кровь ли сердца
разольют?
Что толковать о райском древе и лгать
о лотосе небесном?
С твоим высоким стройным станом они
в сравненье не идут.
Джами: святилище Каабы — не место для любого
сброда.
Будь тем доволен, что открыта дверь в этот храм,
в котором пьют.

16

Я сердцем к кипарису устремлен,
Достоинств полн — лишен изъянов он.
И лицемерную его несправедливость
Лишь я один сносить был осужден.
Его улыбка сердце убивала,
И сердцу вслед мой дух стремился вон.
Излил вино рубиновое в кубок
Кувшин, устами-лалами смущен.
Суфий, святой порог ее увидя,
Стал рваться в рай — и рая был лишен.

Безумец рад болезни: ждет, что будет,
Айвою подбородка исцелен.
Разбил шатер вблизи шатров кумира
Джами, безумьем страсти опален.

17

Когда измученный разлукой тюльпану в чашу
бросит взгляд
Наполнят чашу ветер холодный и слезы тяжкие, как град
Ты слышишь странный звук ударов врубающегося
в утесы,—
То недра гор стенают, видя, как сердцем
изнемог Фархад
Глаза стремятся за тобою, за ними — сердце;
но — о боже!—
Пусть стражи ночи толпам праздным к тебе
дорогу преградят!
Я лик твой, мушком отененный, сравню
с луною двухнедельной,
Коль небеса луну таким же прозрачным мушком отенят
Как некогда вода живая бессмертье даровала Хызру,
Жизнедарят твои рубины умершего сто лет назад.
Любовь живая невозможна без лицемерия любимой,
А бедный разум наш и вера так мало сердцу говорят.
Не внемля клевете презренной, Джамии неколебим
душою,
Ведь словеса тельца золотого Мусу с пути не совратят!

18

Попугай об индийских страстях говорит,
А душа о прекрасных устах говорит.
Намекает на эти уста, кто в стихах
Об источнике в райских садах говорит.
Взгляд ее, словно два обнаженных меча,
Но она о спасенье в мечтах говорит.
К песне ная прислушайся, странник,— о чем
Он, стеная в ночах, на пирах говорит,
Он, рыдая, о муках разлуки поет,
Он о сладких, как сахар, губах говорит.
Чтоб Джамии уничтожить, не нужно меча,—
Твой прищур мне о стольких смертях говорит.

Жду всю ночь нетерпеливо, что ко мне луна идет.
 Мне при каждом стуке в двери кажется: она идет!
 Внемля песне заунывной, лью рубиновые слезы;
 Так вот кровь из вены вскрытой, как рубин, красна идет.
 От сердечного горенья я в горячке, в лихорадке.
 Мне на смену мукам яви бред большого сна идет.
 Побывать еще хоть раз бы в том далеком переулке,
 Где кумир мой на прогулке, как в садах весна, идет.
 Пусть мне будет изголовьем камень твоего порога,
 Пусть в руке, занесшей камень, смерть ко мне, грозна,
идет.

Хоть в руке прекрасна роза, но несорванная лучше,
 Цветников ей потаенных мир и тишина идет.
 Искандар великий умер, не достигши влаги жизни,
 Лишь проложенная Хызром к ней тропа одна идет.
 Лалы уст жизнедарящих для Джами недостижимы,
 Кровь его из хума сердца, как струя вина, идет.

Когда из праха моего трава кровавая взойдет,
 Зеленый верности листок на каждом стебле развернет.
 Главу к зениту, как огонь, в надменности не подымай,
 Сердце, сгоревших в том огне, намного выше дым встает.
 Я власть теряю над собой, своим безумьем опьянен,
 Лишь легкий звук твоих шагов до слуха моего дойдет.
 Прислушайся — то не дервиш на темной улице кричит,
 То голос мой взывает: «Дод!» — на помощь
гибнуций зовет.

У странника я на глаза наворачиваюсь, как слеза,
 Расспрашиваю: «Где она? Ну как любовь моя живет?»
 Пусть лекарь книгу развернет, прочтет советы мудрецов;
 Он от безумья моего лекарства в книге не найдет.
 О, сколько должен ты, Джами, пролить еще кровавых
слез.

Пока безмолвный твой кумир покой души тебе вернет!

В пятерне страданий сердце изошло немой тоской...
 Этих кос, как струн дутара, не коснуться мне рукой.

За одно лишь слово мира я отдам тебе всю душу,
Хоть бедой военной дышит твой неверный мир со мной.
В море мук омыл я руки, смыл с ладоней след надежды
Рвался к счастью и увидел бездну пасти роковой.
Сердца кровь в глазах — не слезы, словно каплет

сок гранатный

Из-за уст твоих гранатных, видно, цвет у слез такой.
Обо мне бояться вспомнить гости, сев перед тобою;
Разве шах боится мата, правя шахматной доской?
Я упал во прах, побитый градом каменных упреков,
Я убит враждою низких и льстецов твоих толпой.
О Джамии, как больно сердцу, так оно набухло кровью,
Что готово разорваться, как бутон цветка весной!

22

Дом на улице твоей я хочу приобрести,
Чтобы повод был всегда близ дверей твоих пройти.
Сердце вынул, если б мог, бросил бы на твой порог,
Чтоб для стрел своих мишень рядом ты могла найти.
Не хочу держать бразды и тобой повелевать,
Лучше ты удар камчи мне на плечи опусти.
Адским пламенем грозит проповедник городской,
Ад любви моей страшней: от него нельзя спасти.
О Юсуфе, о его красоте смолкает быль,
Стоит людям о тебе речь живую завести.
Блеск воды твоих ланит, родинки твоей зерно
Приоткрой, к зерну с водой птицу сердца подпусти.
Да, Джамии пусть будет псом, но не у любых дверей, —
У порога твоего пусть покоится в чести.

23

Выйди, о роза, из-за завесы бутона.
Чу, соловей изнемог от рыданий и стона.
Больше не медли, приблизилось время свиданья,
Видишь — от страсти сгорел безнадежно влюбленный.
С чашей вина, как с тюльпаном в руке, я спустился,
Жаждою сердца влеком, в вертоград мой зеленый.
Так я рыдал о тебе, что зардели, как розы,
Пола кабы моей, каплями слез орошенной.
Так я взывал, что все птицы, окрест отзываясь,
Свистом и шумом наполнили сад всполошенный.

Когда умру, хочу, чтоб кости мои в калам ты превратила,
 Чтоб сердце на скрижали праха всю повесть муки

начертило.

Промчись над головой моею на Рахше твоего тиранства.
 Пусть мне пригрезится, что в мире меня ты вовсе

не забыла.

Михраб твоих бровей увидя, имам от кыблы

отвернется —

И склонится перед тобою в огне молитвенного пыла.

Из глаз моих струятся слезы, из сердца льется

кровь живая.

Где мне спастись? Потоком бурным она жилище

затопила.

Твой переулочек мне — Кааба, там проливай ты

кровь влюбленных.

Вокруг святыни той пустыня от жажды яростной изныла.

Лицом к следам твоих сандалий я прикасаюсь...

О, блаженство,

Когда бы ты стопою легкой на лик страдальца

наступила.

Мне тесен круг существованья с тех пор,

как я с тобой в разлуке.

Перед Джамии теперь пустыня простор неведомый

открыла.

Я потянулся к лалам твоим; ты отповедь мне дала.

Благодарю за вниманье тебя, хоть ты меня изгнала.

Луна, с небосвода за горы зайди, закрой облаками

свой лик.

Моя блистающая луна на угол крыши взошла.

Я, вспоминая о лалах-губах, пью цвета лала вино.

То чашу мою наполнила кровь из раны, что ты нанесла.

И что за добыча птица Хумай для сети твоих кудрей,

Которая мускусной тенью своей ланиты твои обвила?

Твой лик сравню с двухнедельной луной, озарившей

сердце мое.

Твой стан — кипарис, но цветением роз природа его

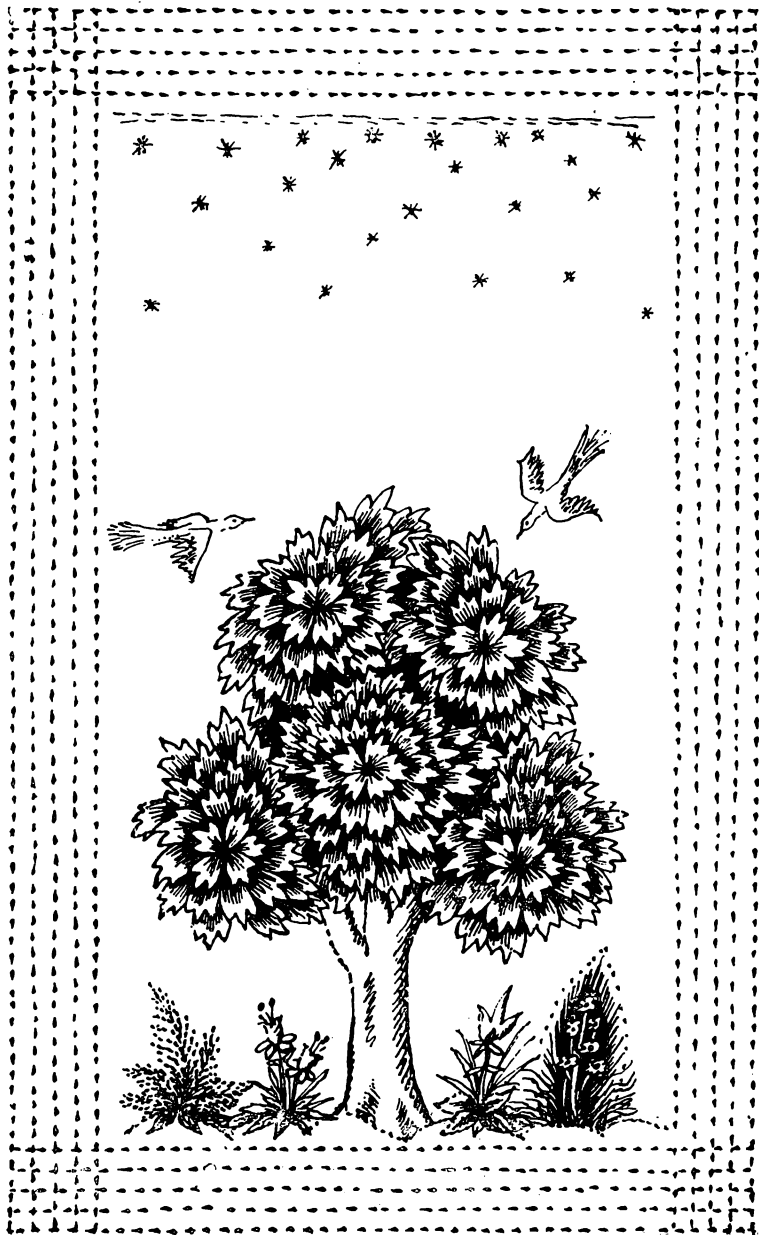
облекла.

Не спрашивай: «Когда началась любовь твоя, где

конец?»

ИЗ
ИНДИЙСКОЙ
ПОЭЗИИ

(прибл. V в. н. э.)

ИЗ «ВРЕМЕН ГОДА»

Песнь первая

ЛЕТО

Как царь, проснулся Кама
от неги опахал,
Пропитанных сандалом,
от песни тихогласной,
Под звуки томной вины,
от близости округлых,
Жемчужным ожерельем
украшенных грудей.

* * *

Телом и духом
обессилев от ярких лучей
Полдневного солнца,
что жжет, словно жертвенный пламень,
Павлины не трогают змей,
подползающих близко
И пасти кладущих
меж глазками цветистых хвостов.

* * *

Растоптаны лотосы,
рыба мертва, улетели
Испуганные журавли.

Месивом грязным стал пруд,
Где, в яростной свалке, слоны
давили друг друга,
Стараясь противника
вытолкнуть вон из воды.

* * *

С красными языками,
высунутыми из пастей,
С клочьями белой пены,
что каплет с рогатых морд,
Диких буйволов стадо
измучено жаждой лютой,
Из горных дебрей — в низину
уходит искать воды.

* * *

Птицы грустят на ветвях,
среди зноем сожженной листвы.
Род обезьяний, чуть жив,
к лесистым нагорьям плетется.
Тинистый пруд отыскать
пытается буйволов стадо.
Пьет из лесного ключа
благородных оленей семья.

* * *

Львы, и слоны,
и рогатые звери,
не помня вражды,
С телами в ожогах,
несутся из дебрей горящих,
Толкаясь боками,
и, с плеском, бросаются в реку,
Чьи обмелевшие воды
бегут по широким пескам.

Песнь вторая

ДОЖДИ

Любовь моя! Во всем великолепии,
Пора дождей, что сладостна влюбленным,
Грядет, как царь: слоновье войско — тучи,
Знамена — молнии, литавры — гром!

* * *

Туч барабаны гремят.
Индры божественный лук —
Радуга — вспышками молний
стянута, как тетивой.
Яростно хлещущий ливень
тысячью стрел беспощадных
Ранит, от дома вдали,
путников бедных сердца.

* * *

Райского дерева листву
обрызгал червец кошенильный.
Свежий покров травяной
зеленей, чем толченый берилл,
Что «глазом кошачьим» зовут.
В убранстве из темно-зеленых
И густо-багряных камней,
как дева, сияет земля!

* * *

Лотосы глаз боязливых
и беглые взоры!
Как восхитительны лица
ланей в дебрях лесных
И на просторных полянах!
Истомой щемящей
Сердце объято при виде
этих зеленых чащ.

Песнь третья

ОСЕНЬ

* * *

Красуется земля цветами кáша,
пруд — лотосами, реки — лебедями,
А ночь — прохладно-лунным серебром.
Под бременем душистым, в гуще леса,
Склоняет семилистник ветви долу.
По милости махрового жасмина,
Невыразимой белизной сияя,
стоят благоуханные сады.

* * *

Река рядами белых птиц
украсилась, как жемчугами.
Златочешуйный блещет пояс
из рыбок ша́пхари на ней.
Упоена любовной негой,
она медлительна, как дева.
И бедрам выпуклым подобны
ее крутые берега.

* * *

Как царь оваян опахалами
из белых яковых хвостов,
Порой осенней свод небес
оваян облаков грядями,
Что, серебра белей, и раковин,
и стеблей лотоса прохладных,
Освободившись от дождей,
легко плывут, гонимы ветром.

* * *

К пурпурной баухинии,
колеблемой легким ветром,
На кончиках отпрысков нежных
раскрывшей бутоны свои,

Льнут опьяненные пчелы,
 упиваясь душистым нектаром.
В силах ли выдержать сердце
 несказанную эту красу?

* * *

О ночь, лицо твое —
 луна без покрывала
Докучных облаков.
 Блится бездной звезд
Твой царственный венец.
 В беспыльные одежды
Твой дивный стан облек
 текучий лунный свет.

∴ * *

Розовоголовые утки, ныряя,
 волн разрывают венки.
Поймы уютят журавлей белоснежных
 и тысячи серых гусей.
Реки впадают в медовый оттенок
 от свежей цветочной пыльцы.
Как восхитительно серые гуси
 кричат над бегущей водой!

* * *

Под бременем цветов
 склоненные деревья,
Колосья налитые
 на рисовых полях,
И лотосы, и зыбко
 блистающую влагу,
И юношей сердца
 плясать заставил ветер!

* * *

Женским лицам оставляя
красоту луны,
Звонким кольцам налadyжным —
клики лебедей,
Бандхидживы свежий пурпур —
сладостным устам,
Дивноликая богиня осени ушла.

Песнь четвертая
ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ ГОДА

* * *

Лотосы вянут,
выпадает роса в изобилье.
Зимнего риса шáли
созрел на полях урожай.
Рдяная лодхра
ярким цветеньем радует сердце.
Спеют колосья пшеницы
этой прекрасной порой.

* * *

Снегу, луне и жасмину махровому
Не уступая своей белизной,
Чуть золотится от пудры шафрановой
Груды прелестниц украсивший жемчуг.

* * *

Ветер студеньй,
что нé дал красавицам спуску
И, налетев, обнажил
их упругие груди,

Слезы раскаянья льет
на холодном рассвете.
От этого иней
садится на кончики трав.

* * *

Как хороши окрестности деревни!
Поля с обильным урожаем риса,
И милovidных антилоп стада,
И над рекой — красивых цапель крики.

* * *

В чашах озерных
красуются синие лотосы.
Блещет и зыблется
светло-прозрачная влага.
Сладостны клики серых гусей
над водой ледяной.
Озер созерцанье
восхищает людские сердца.

Песнь пятая

ЗИМА

* * *

Не для любовной неги эти ночи,
Холодные от снежного покрова,
Остуженные серебром луны,
Украшенные сонмом бледных звезд.

* * *

У этой богини Счастья,
сидящей дома,
Глаз уголки достигают
нежных ушей.
Как золотой,
омытый росой, лотос,—
Смугло-румяная дева
с округлым лицом.

* * *

Горшечнику подобно, злобный рок
Мою живую душу смял в комок,
Как глину, и швырнул рукой коварной
На колесо терзаний и тревог,
Крутя его быстрее, чем круг гончарный,
И мне суля превратностей поток.

* * *

Разумный! Коль скоро нуждаешься ты в благостыне,
Воздай славословье одной милосердной богине.
Глупца в мудреца превратить, лиходея — в святого,
И недруга — другом она тебе сделать готова,
И тайное — явным, и яд халахала — нектаром.
Стремясь к добродетели, время потратишь ты даром!

* * *

Вот он, стихотворцев произвол:
Женщины — неужто слабый пол,
Если мановением ресниц
Индру им дано повергнуть ниц?

* * *

В прическу воткнутой жасмин,
И негу уст полуоткрытых,
И тело, что умащено
Сандалом, смешанным с шафраном,
И нежный хмель ее груди —
Вот рай с уладами своими!
Все прочее — такая малость...

* * *

Корми лесных газелей побегами бамбука,
Травой священной кúша, что срезана под корень

Каменным ножом, иль угощай красавиц
Листьями бетеля, бледными, как щеки
Рослых шакских дев, срезав эти листья
Ногтем, что отточен и натерт шафраном.

* * *

О дивнобедрых без лицепрятья
Вам, люди, говорю, и без пристрастья:
Всего на свете слаще их объятья.
Они — источник счастья и несчастья.

* * *

Кто сотворил устройство,
Что женщиной завется —
Смесь амриты и яда,
Для смертных — западню,
Ларец обманов, козней,
Дорогу в ад, преграду
Стремящемуся в рай,
Уловок сорняками
И тернием уверток
Засеянное поле,
Хранилище грехов,
Твердыню безрассудства,
Обитель своеволя,
Сомнений круговерть.

* * *

Зачем нам величать лицо луной,
Иль парой синих лотосов — глаза,
Иль золота крупинками — частицы,
Из коих состоит живая плоть?
Лишь истину презревшие глупцы,
Поверив лживым бредням стихотворцев.
Телам прекрасных служат, состоящим
Из гладкой кожи, мяса и костей.

Вместилище сокровищ,
вобравшее в себя
Все золото трех миров?
Не по нутру мне это!

* * *

Тигрицу, что зовется старостью,
Не в силах мы преобороть.
И, недругам подобно, с яростью
Болезни ранят нашу плоть.
И жизнь уходит нечувствительно,
Как из горшка худого — влага,
А люди — вот что удивительно! —
Охотней зло творят, чем благо.

* * *

Твое величье славлю, Время!
По изволению твоему,
ушли в страну воспоминаний
Блещающий столичный град,
и царь могучий, и вельможи,—
Владетели земель обширных,—
совета мудрые мужи
И сонмы луноликих дев,
кичливые князья, поэты
И выпренные славословья.

* * *

В обиталище целого рода
одиноким остался жилец.
Опустели дома, где семьи
разрослись от единого корня.
День да Ночь — две кости игральных,—
забавляясь, бросает Время.
Наше племя людское — пешки
перед ним на игральной доске.

* * *

Когда наступает жара,
 девы с глазами газелей,
С влажно-душистыми,
 от умащенья сандалом, телами,
Благоуханье цветов,
 свежесть покоев, облитых водой,
Сиянье луны,
 ветерка дуновенье
И верхней террасы опрятность —
 возбуждают любовную страсть.

* * *

Венков благоуханье,
 прохлада опахал,
Сиянье ночи лунной,
Цветочная пыльца,
 усеявшая пруд,
Сандал для умащений,
Душистое вино
 и легкие одежды,
И верхняя терраса,
 промытая до блеска,
И лотосы очей прекрасных — вот удел
Счастливых жарким летом!

* * *

Опратный дом, что блещет чистотой,
Златосиянный месяц в небесах
И лотос дивного лица любимой,
Сандал благоуханный, изобилье
Венков, приятных сердцу и очам,—
Все обжигает пламенем соблазна
Мужей, обуреваемых страстями,
Но не того, кто бренный мир отверг.

* * *

Как радует сердце прохлада
С грядой облаков ливненосных
И, льющим густой аромат,
Роскошным жасмином,
чей куст
Внезапно расцвел,
обернувшись
Внушающей пылкую страсть
Красавицей
с грудью высокой.

* * *

Объяты одинаковым томленьем
Счастливый и отвергнутый любовник,
Когда в лесах звучат павлиньи крики,
Насыщен горный ветер ароматом
Цветов кадамбы и кутаджи пряной,
И молодой травой земля одета,
А небо — дождевыми облаками.

* * *

Над головой
хмурые тучи нависли.
Млея от страсти,
пляшут павлины в горах.
Цветом опавшим
деревья усеяли землю.
Странник, на чем
ты остановишь свой взор?
Нечем тебе
сердце свое успокоить!

* * *

Слепящих молний блеск,
Раскаты громовые.
К танцующим павлинам
Взывают нежно павы,

И кетака струит
Свое благоуханье.
Возможно ль дивноглазым,
Глядящим сквозь ресницы,
Разлуку пережить,
Когда весь мир охвачен
Любовной лихорадкой?

* * *

Когда низвергается ливень
Из туч, горделиво грохочущих,
Когда, в черноте непроглядной,
Сверкнет золотозарная молния,
Пронзают блаженство и страх
Сердца своевольных красавиц,
Во мраке спешащих к любовнику.

* * *

Ливни мешают уходу любимой.
Чем холодней, тем объятья теснее!
Ветер, несущий дожди и туманы,
Свежесть*сулит изнемогшим от ласк.
Эти счастливицы, в объятьях возлюбленной,
Дни бесконечных дождей превращают
В дни бесконечных услад.

* * *

Когда, под осенней луной,
На верхней террасе дома,
Пройдет в наслажденьях любовных
Половина пленительной ночи,—
Тот, кто, охваченный жаждой,
Не пьет из лианоподобной,
Прохладной руки подруги,
Изнемогшей от пылких услад,
Воду, в которой дробится
Сиянье ночного светила,—
Тот незадачлив. друзья!

* * *

Белоснежный, прекраснодушистый,
Распустился жасмин, и нектаром
Упиваются жадные пчелы.
Если, страсти огонь разжигая,
Дивноокая, хоть на мгновенье,
Не обнимет хозяина дома,
Осененного мандарой красной,
От студеного ветра дрожащей,
Будет зимняя ночь для него
Нескончаемо тягостной, длинной,
Как великого Ямы дворец.

* * *

С ухватками наглого щеголя
Неистовый ветер зимой
Красавицам щеки целует.
То, свистнув, разметет прическу,
Закроет кудрями лицо,
То сдернет с грудей покрывало,
Пушок поднимая на коже
Озябшей испуганной девы,
То юбку с бегущей сорвет,
Вогнав пышнобедрую
в дрожь.

* * *

Он ей растреплет волосы, заставив
Прикрыть глаза, как бы в порыве страсти;
Сорвет с нее одежды силой, так,
Что волоски поднимутся на коже;
Ее походку сделает неверной,
И пылокое дыханье — участится
Принудит, поцелуями своими
Пронизывая губы до зубов.
Не так ли каждой женщине — супруга
Изображает буйный зимний ветер?

(1253—1325)

ГАЗЕЛИ

1

Я рассказать печаль моих ночей не в силах,
Любя, рыдать и петь, как соловей, не в силах.

Вглядись в мое лицо, и ты поймешь, как таю,
Но, вижу, ты понять тоски моей не в силах.

Взгляни на грудь мою в кровоточащих ранах,
Терпение хранить я больше в ней не в силах.

Все ж радуюсь тому, что ты проникла в душу,
Хоть я к твоей душе найти ключей не в силах.

Быть может, мне вернешь похищенное сердце,
Но слезно умолять: «О, пожалей!» — не в силах.

Его в твоих кудрях навеки я оставляю.
Вернуть Хосров того, что взял злодей, не в силах.

2

Опьяненные тобою не нуждаются в вине.
Не найдется врачеватель, что помочь сумел бы мне.

Не показывайся в небе, солнцеликая луна!
Коль сияет лик любимой, ты Хосрову не нужна.

Что мне сказки о Джемшиде — древней славы черепки?
Разве хуже прах развалин, где у магов погребки?

Что доказывать в моленьях одержимость небесам?
Без молений одержимость вседержитель знает сам.

Та ничто монета сердца, та фальшивей всех монет,
На которой отпечатка единенья с богом нет.

Сердце, кинь сию обитель, царство гнета, царство зла!
Не собрать, о сердце, дани с разоренного села.

Так Хосров и не увидел вожденный взору лик.
Что Хосров? И самый зоркий в небо взором не проник.

3

Сказал: «В обитель сердца войди его усладой!»
Она: «Я клада жажду, развалин мне не надо».

Сказал: «Сжигает душу лицо твое, как пламя».
Она: «Не радо сердце свиданью с мотыльками».

Сказал: «Ответь, могу ли надеяться на встречи?»
Она: «О нет, скиталец! Твои безумны речи».

Сказал: «Зачем ловила меня в силки печали?»
Она: «Глаза приманку зачем же замечали?»

Сказал: «Как быть с любовью? Как снять ее оковы?»
Она: «Меня увидишь, наденешь цепи снова».

Сказал: «Как жить Хосрову, коль ты его забудешь?»
Она: «Мой образ вспомнишь, и одинок не будешь».

4

Свой лунный лик яви молящему о встрече
И услади мой слух чарующею речью.

О скатный жемчуг слов, жемчужицей хранимый!
Жемчужицу открой, да будут перлы зримы.

Но створки где ее? Ты их рисунок зыбкий,
Коль все же есть они, яви своей улыбкой.

Яви свой аромат, и я из мертвых встану,
Узнаю по нему рисунок тонкий стана.

О локоны твои! Они чернее ночи.
Явись, и станет ночь светлее и короче.

Сказала: «Жду тебя у своего порога».
Не убивай мечту и укажи дорогу.

Мой идол, мой кумир, не будь со мной сурова!
Среди влюбленных нет влюбленнее Хосрова.

5

Я в этот мир пришел в тебя уже влюбленным,
Заранее судьбой на муки обреченным.

Ищу с тобою встреч, ищу как озаренья,
Но гордость не могу забыть ни на мгновенье.

О смилуйся и скинь густое покрывало,
Чтоб сердце пало ниц и бога потеряло!

Отбрось надменность прочь, лицо приоткрывая,
Чтоб гордость вознесла меня в обитель рая.

А если ты меня не удостоишь взглядом,
Покину этот мир, что стал при жизни адом.

Нет, сердца никому не дам пленить отныне,
Чтоб жить в его плену отшельником в пустыне.

И что же услышал Хосров в ответ на стоны:
«Придет и твой черед, надейся, о влюбленный!»

Кто предопределял вращение светил,
Теперь ушел во мрак и сладким сном почил.

Твой в розе вижу лик. Да, гредишь ты на ложе,
Коль томной розы лик и твой — одно и то же.

Очнитесь, гордецы! Мы ненадолго здесь.
Отрубит смерть мечом и голову, и спесь.

Взгляните, это кровь окрасила тюльпаны.
Скорбя, кровавых слез я лить не перестану.

Да не взойдет луна в ночной беззвездной мгле!
Утратил я луну, предав ее земле.

И, коль дохнет Хосров кромешной тьмой печали,
Потонет мир во тьме кромешной, как вначале.

О ты, чьи кудри для благочестья — соблазн опасный,
Уста которой едва приметны и тем прекрасны,

Поверь, не стал бы любой неверный так сердце ранить.
А может, вера так разрешает сердца тиранить?

Коль мимоходом так убивают улыбкой губы,
В уста-рубины вонзить отмщеньем хотел бы зубы.

Я лбом касаюсь твоих коленей, склонив колени,
Как пред кумиром склоняет брахман, творя моление,

И если был бы кумир тобою, поверь, о пери,
Я впал бы тотчас, как этот брахман, и сам в неверье.

Но разве можно достичь Каабы моей любимой?
Лежат меж нами пески пустыни непроходимой.

Как я рыдаю, ужель не слышат любимой уши?
Я схож с певцами, что ждут от стражи великодушья.

Коль власть таится в тебе, о пери, как в мандрагоре,
В земле отыщешь глаза страдальца, сочащих горе.

И вечно будет в груди Хосрова дымиться рана,
Узор на перстне, запечатленный концом чекана.

8

Пусть недостойный глаз не сглазит, возлюбя,
Пусть только ветерок касается тебя

И аромат несет, подобный капле яда.
Нет жизни у того, в чьем сердце пламя ада.

Я жажду нежных слов — шипы в твоих устах.
Не сыпь на раны соль, — и без того зачах.

Твоя обитель — рай, а я в аду сгораю.
Надеяться в аду могу ль на яства рая?

С безумьем пополам страдания влачу.
Подобна красота для разума бичу.

Влюбленного в кумир не отворишь словами,
Как во хмелю пропойц не протрезвить речами.

Наметит жертву страсть у двери кабака,
Смеясь над сединой, спойт и старика.

Но если он, как я, в вине любви утонет,
Омой его вином пред тем, как похоронят.

Умолкни, о Хосров! Твои газели — стон.
Смертельней, чем кинжал, сердца изранит он.

9

Ты сияла мне луною. Нет со мной моей луны,
И от дыма стонов: «Боже!» — ночи душны и черны.

Будьте вы благословенны, ночи пьяные любви!
Отстонали, отрыдали, улетели соловьи.

Я твержу хвалу ресницам, полумесяцам-бровям,
Как твердят аят Корана в медресе: «Нун ва-л-калам!»

Что отвечу, если спросишь, как я ночи провожу?
Одинок до рассвета я у стен твоих брожу.

О приди, душа, что может быть душою тысяч тел,
Тех, что души потеряли от твоих разящих стрел!

Коль души лишит подруга, не кляни судьбу Хосров!
Ведь обычай у красавиц с дней творения таков.

10

О блаженство! Я ликую, очастливленный судьбой.
Ты явилась в край забытых, в край покинутых тобой.

Благосклонно улыбнулась и вошла. Не уходи!
Дай упиться Близнецами — пылкой нежностью груди!

Наконец-то, о всевышний, о владыка горних сил,
Стан, подобный кипарису, я в объятия заключил.

Вот он — светопреставленье, разрушитель всех основ!
Я до светопреставленья любоваться им готов.

Не тревожься, коль ударит караульный в барабан.
Кто же спит, когда любовью на груди у друга пьян?

О смеющаяся роза, о подобная луне,
Из каких пришла чертогов подарить блаженство мне?

С чем сравню тебя? С нежданно залетевшим лепестком,
Что упал ко мне на ложе, занесенный ветерком.

Ты со мной! Со мной! О чудо! Да хранит тебя аллах!
Недостойный, я люблюсь влажным жемчугом в устах.

Но очнись, Хосров, умолкни! Хватит петь хвалу судьбе.
Нет возлюбленной с тобою. Все прирезилось тебе.

Скитаться на путях любви, о сердце, не устань!
Бессильно тело без тебя. Бессильней, тело, стань!

О ты, что взорами сердца кровавишь вновь и вновь,
Пролей соперников моих еще обильней кровь!

О камень сердца твоего разбиться буду рад.
Да будет каменной оно и тверже во сто крат!

Винят влюбленные тебя в жестокости. Пускай!
Еще сильнее мучь меня, еще больней терзай!

Сгорает сердце от любви. Взгляни, на нем зола.
Коль ты довольна, пусть его сожжет любовь дотла!

Благочестивый, жаждешь мне молитвою помочь?
Молись: «Пускай безумцем он блуждает день и ночь!»

Слезами скорбными Хосров оплакал каждый стих.
Да будет счастлив он от слез соперников своих!

Кто зеркало вручил тюрчанке столь пригожей?
Любуется собой, забыв меня, о боже!

Терзает грудь мою мучительнее рока.
Скажи, кто сотворил ее такой жестокой?

Влюбленному в кумир нельзя искать Каабы.
Иного божества возжаждал он тогда бы.

Душа моя! Увы, я, пойманный кудрями,
Не в силах погасить в плененном сердце пламя.

Тюрчанка, не лови походкой плавной в сети!
Пройдешь — не усидят сидящие в мечети.

И столько метких стрел пускать в меня не надо.
Давно убита дичь одной стрелой взгляда.

О не трудись! Сражен Хосров своей любовью.
Ты можешь кисти рук омыть горячей кровью,

13

Тюрчанка, пусть аллах тобой не почитаем,
Перед тобой ничто вся Индия с Китаем.

Хоть раз прими меня, чтоб я забыться мог,
Забыл, как обивал напрасно твой порог.

Сказала: «Не блуждай, о странник, сделай милость!»
Могу ли не блуждать, коль сердце заблудилось?

Я стражу по ночам у стен твоих несу
И поверяю боль в твоих воротах псу.

К чему ходить в мечеть сраженному любовью?
Я к Мекке обращен, молюсь, а вижу брови.

Пою о соловьях, о розах я пою,
Чтоб только воспевать жестокую мою.

Бывало, шел в цветник, блаженствуя заране,
Теперь влечет меня твое благоуханье.

Сожги меня, сожги неправедным огнем
И пепел мой рассыпь на зеркале твоём!

Рад голову Хосров подставить под удары,
Коль для тебя в игре она подобна шару.

14

Рок разлучил меня с тобой на время,
И жизнь влачу как тягостное бремя.

Спроси того, кто знает боль разлуки,
Что значит боль и что такое муки!

И все же я тебе, изнемогая,
Шипов моей тоски не пожелаю.

337

Я смыл слезами на твоем подоле
Кровавый след моей безмерной боли

И поступил весьма неосторожно:
Он обо мне напомнил бы, возможно.

Молю, приди, но у мечети павой
Не выступай походкой величавой:

Воздеть горе не сможет дервиш очи
И разорвет колпак и коврик в клочья.

Хосров умрет у ног своей любимой,
И пусть кричат: «Безумец! Одержимый!»

15

Ты правоверью враг. Твои уста и брови
Отступников родят и льют потоки крови.

Ищу с тобою встреч в мечетях, в кабачках.
Влюбленному равно — что Будда, что аллах.

И тот, и этот мир поправ одной ногою,
На собственной душе они стоят другою.

Нелюбящей Ширин тяжел Фархада взгляд,
Но тяжести горы не чувствует Фархад.

Пред подвигом любви бледнеет подвиг ратный.
Игрок идет на риск, влюбленный — на стократный.

О брахман, приюти забывшего ислам.
А может, пал я так, что чужд любим богам?

Кричат мне: «Повяжись зуннаром, о блаженный!»
Так исхудал Хосров, что как зуннары вены.

16

Все, кто в этот мир приходит, не останутся, уйдут.
Да помянут тех достойно, кто достойно прожил тут!

Всех живущих на прицеле держит меткая стрела.
Нет числа пронзенным ею, и не будет им числа.

У всевышнего в колчане та стрела всего одна,
Настигает в одиночку, но достигнет всех она.

Жить до светопреставленья не надейся. Только тот
Так наивен, кто не знает, что у смерти свой расчет.

Все уйдем, не в этом дело. Как уйдем — куда важней:
Будут помнить ли могилу, позабудут ли о ней.

Не моли о милосердье кровожадную судьбу:
Дождь находит неизбежно водосточную трубу.

Много тысяч караванов шло по нашему пути,
Многим тысячам таких же предстоит еще пройти.

Всяк живущий, коль не знал бы, что во прах вернется
Возгордился бы безмерно. Мудро создал нас господь!
плоть,

Так ликуй, встречая весны, не печалься, не скорбя,
Будь доволен тем, что весен есть немало у тебя!

О Хосров, как рак-отшельник не живи, пока не стар,
Не торгуйся в лавке жизни, не скупясь бери товар!

17

Почему живешь бездумно, если разум дал аллах?
В прах вернешься. Почему же не у неба ищешь благ?

Рок созвездья сочetaет. Не они, а рок — тиран.
Что же шлешь проклятья плахе, если суд вершит
султан?

Схожи гурии с цветами. Почему ж один цветок
Ты зовешь — нарцисс, другой же называешь —
ноготок?

Знай, ценнее постоянство сотен слитков и монет.
Пусть оно тебя украсит, чести в ветренности нет.

За удачей наступает невезения черед.
Не горюй, коль нет удачи, не ликуй, коль повезет.

Угодишь в силки корысти, помни, в том твоя вина.
Что пенять на птицелова птице, алчущей зерна?

Если льешь потоки крови беспощадною рукой,
Не вопи, коль попадешься кровопийце. Сам такой!

О богач, духовно нищий, не познавший суть свою,
Неприкаянному сердцу нет покоя и в раю.

Что печаль Хосрову в сладость, знает только он один.
Разве сладость мук Фархада знала сладкая Ширин?

18

О, налей сегодня чашу, виночерпий, дополни,
Ибо смерть — пустая чаша опьяненным без вина!

Можешь душу взять, но телу дай испить блаженство рая.
О. яви же благосклонность, чашу мне налив до края!

Не молись, благочестивый, о спасении моем!
Одержимость не покинет мой обжитый ею дом.

Еженощно на безумье я настаиваю строки,
Вероломству луноликих бесконечно шлю упреки,

На листах моей тетради стонет каждая газель,
И пустует до рассвета одинокая постель.

Что ж, свече не мнится пламя адской огненной геенной,
И сгорает, как в экстазе, мотылек самозабвенно.

Коль тебя корит соперник, принимай укор за лесь,
Коль твое склоняют имя из-за пери, это — честь.

Нет, не подвиг пасть в сраженье, защищая правоверье.
Подвиг — сжечь себя любовью, умереть во славу пери!

Не проси, Хосров, пощады, коль любовь заносит меч,
Перед ней бессилен разум, головы не уберечь.

Не в силах я насытить тобою взоры
И, страстью одержимый, истаю скоро.

У стен твоих ночами брожу бессонно
В надежде, что услышишь скитальца стоны.

Поверь, что для тавафа не пощажу и брови.
Уже в тавафе ноги я стер до крови.

Ты верности не веришь, но разве мало
Печаль моих газелей тебе сказала?

Мое на перекрестках бесчестят имя,
Но все мечты остались, увы, пустыми.

И все же я о лике твоём мечтаю,
Хоть долгими ночами свечою таю.

О как ты животворно благоуханна!
Твой аромат почуяв, из мертвых встану.

Пусть нет моей печали конца и края,
Тебя на оба мира не променяю.

К чему, Хосров, газелей твоих стенанья?
Уже твое безумье вошло в сказанья.

Нищета намного сладостнее царства.
Праведности лучше гордое бунтарство.

У царей по горло всяческих забот,
Нищий подаяньем без тревог живет.

За тремя замками сердце властелина,
Нараспашку сердце у простолюдина.

Дружбой не умеет властный дорожить.
Чем с высокомерным, лучше с псом дружить.

Пусть любовь красавиц — не по силам ноша,
Все ж она приятней ханжества святоши.

Коль разбито сердце гурией твое,
Для него лекарство только мумиё.

Хоть влюбленным встреча райских благ дороже,
Верь, для них разлука — наслажденье тоже.

О Хосров, любовью к небесам живи!
Нет на этом свете сладостней любви.

21

Сто сердец пылают, как во мраке свечи,
В черных косах, павших струями на плечи.

И в огне сочится и чадит алоэ
Распаленных страстью, взятых в плен тобою.

Ты мечом жестоко рассекаешь тело
И неотразимо мечешь взором стрелы.

Извела Хосрова так твоя немилость,
Что глазницы кровью сердца обагрились.

Но оковы рабства надеваешь снова,
Хоть давно печали продала Хосрова.

22

В этом мире всех наездниц превзошла искусством ты,
В этом мире нет красавиц столь же дивной красоты!

Стан — стройнее кипариса. Если есть еще такой,
То достоин поцелуев и объятий только твой!

Нет душе моей покоя, сердце мечется, стена,
А терпенья не осталось и крупницы у меня.

Как тьмой не быть объятым, когда свечу желанья
Зажечь не в силах сердце от призрака свиданья?

Не знает тот, кто не был хоть раз любовью пьян,
Вина, что опьяняет сильнее, чем дурман.

Во зле повинны люди, в корысти — зла причины.
Во всех моих печалях красавицы повинны.

Вопить из-за колючки — таков удел людей.
Из-за прекрасной розы рыдает соловей.

Любовь, как зной пустыни, томит влюбленных жаждой.
Отправиться в пустыню отважится не каждый.

Я не дерзну губами твоих коснуться ног,
Но дай мне в изголовье, как милость, твой порог!

Коль я умру, не думай, что я убит тобою.
О нет, не ты убийца! Любовь тому виною.

Ее хмельные стрелы давно попали в цель.
Проходит жизнь Хосрова, но не проходит хмель.

25

С тебя портрет не написать и мастерам Китая,
Азера идолы ничто, кольходишь ты, сияя.

Молю тебя, не убивай приверженца ислама.
Люблю, но я не еретик — не брахман и не лама.

В ночи, как призрак, я бродил. Сосед, прошедший мимо,
Сказал: «Видение опять увидел одержимый».

Хочу не плакать — не могу. Не знаю, что случилось.
И сердце жжалось так в груди, как будто ты явилась.

О горе мне! Не залечить в душе кровавой раны.
Ты друг и недруг, смесь любви, коварства и обмана.

И все же будь рабом, Хосров, не разума, а страсти.
Ведь разум тоже подчинен ее всеильной власти.

26

Я луной тебя назвал бы — слух она не услаждает.
Я тебя назвал бы розой — перлы слов не рассыпает.

Ты не знаешь, нет, не знаешь, что не сплю я до рассвета.
Где уж знать, коль ты вкушаешь сладкий сон, забыв
поэта

И никто тебе не скажет, как тоска скитальца гложет.
Ветерок об этом знает, но сказать, увы, не может.

До земли спадают кудри и окутывают плечи,
Но уста они лишили словаря любовной речи.

О жестокая, волнение — для тебя чужое слово.
Ты могла бы научиться волноваться у Хосрова.

27

Знай, разум потерял и как вернуть — не знаю.
Бесцельно я брожу, и нет печали края.

Коль головы лишусь, не больше в том напасти,
Чем с головой уйти, как я, в безумье страсти.

Рыдаю, и от слез, что лью помимо воли,
На сердце у меня щемящий сгусток боли.

С тех пор, как по кудрям тоска в меня вселилась,
Тоскою побежден, я сдался им на милость.

Когда скрываешь лик, ращу слезами розы,
Гляжу на них и вновь сдержать не в силах слезы.

Не трогать мне кудрей рукой нетерпеливой,
Как трогает зефир, соперник мой счастливый,

У сердца-мотылька уже сгорели крылья,
Но к твоему огню дороги не открыли.

И оттого, что им неведома дорога,
Царят в моей душе смятенье и тревога.

Едва Хосров твое увидел совершенство,
Он черпать перестал в бутонах роз блаженство.

28

Напрасны проклятья и слезные стоны!
Что делать, судьба не всегда благосклонна.

Я с радостью жертвою стал бы твоею.
Что делать, заставить любить не умею.

Печальному сердцу лекарство — терпенье.
Что делать, коль в сердце терпенья — ни тени?

Сношу терпеливо лишь тяжкие муки.
Что делать, коль ранен кинжалом разлуки?

Тебя не заставит забыть и могила.
Что делать, коль ты обо мне позабыла?

Раба обласкают — он сдвинет и горы.
Что делать, стелюсь я, а слышу укоры.

Ты жизни Хосрову дороже, о пери!
Что делать, стучусь я в закрытые двери.

29

Я жертвой стал твоих кудрей. О как я изнемог!
Я — пленник, я — покорный раб, я — пыль твоих доро'

В оковах локонов твоих, обвивших цепью стан,
Брожу безумцем в том краю, в котором ты — тиран.

В безумье не твои глаза, а сам я виноват,
Когда взмолился я: «Взгляни!» — ты опустила взгляд

О нет, не думай, не кляню безумие любви,
Хоть слезы лью из-за него и вымок я в крови.

Мне только думы подарил чудесный образ твой.
Не стою большего. Я рад и милости такой.

И пусть любовь вонзила в грудь печали острие,
Не дорог сердцу тот покой, когда не знал ее.

Хотел бы встретиться с тобой, но в лучший из миров
Уже тоской переселен полуживой Хосров.

30

О ты, чьи кудри ловят без промаха в силки,
Дай пойманному сердцу лекарство от тоски!

В нем деревцо терпенья растил я, но оно
Нахлынувшю страстью, как бурей, сметено.

Я был благоразумным, явилась ты — и вот
Тебя, как подаянья, безумный нищий ждет.

Молю, о ветер, кудри любимой причеши,
Чтоб волны их в волненье не привели души!

Из уст ее услышать хотел бы хоть упрек,
Не протянула хлеба тому, кто изнемог.

Не знает сладострастный, как сладок вкус любви.
Душистый мед пригубить пропойцу не зови!

Прорвите сердце, стоны, любви молельный дом!
Ведь вам из-за пробоин не удержаться в нем.

Навек дала Хосрову любовь к тебе судьба.
Ничем до самой смерти не смыть тавро раба.

31

Влюбленного не станет увещевать мудрец,
По повеленью шаха не ждет его конец.

Его палач — разлука. Не внашь — почсму?
Спроси тоску Якуба по сыну своему.

В любви благоразумный куда глупей глупца,
А потерявший разум — мудрее мудреца.

И пусть благочестивый меня честит при всех,
Считать не вздумай, сердце, безумие за грех.

О лик, что вызвал смуту и опрокинул мир,
Ты, только ты безумцу целебный эликсир!

Меня неудержимо влечет к твоим устам.
О, не гони! Бессмертье за поцелуй отдам!

Но ты предпочитаешь на ложе сна покой.
Лишь образ предо мною. Ну что ж, убей тоской!

На вечную разлуку Хосров приговорен.
Ослухаться владыки, увы, не может он.

32

Я жду тебя, жестоко играющую мной,
Томящую, как жажда в невыносимый зной.

Терзаюсь от разлуки, брожу, не чуя ног,
Не веря, что зарею затеплится восток.

Во мраке ночи только луна ко мне добра
Да горьким утешеньем красуется Зухра.

О ветерок, что шепчет: «Она — мой аромат!»,
Скажи, ко мне придет ли хотя бы бросить взгляд?

А ей скажи, что таю, что не смыкаю глаз,
Держу кинжал и саван и только жду приказ.

О призрак, что сжигает и душит страстью,— прочь.
Уж я стонать не в силах, уж мне рыдать невмочь.

Бессонными ночами не призрак я зову.
Согбенная тоскою придешь ли наяву?

Похитившая сердце, лукавый душегуб,
Утратил я надежду отвесть сладость губ.

Уж нет числа навеки простившимся со мной.
Когда ж Хосров догонит ушедших в мир иной?

33

Ты — статуя, ты — идол, чье сердце тверже скал.
Нет, сердце не такое создатель Еве дал.

Я с амброю сравнил бы твой тонкий запах кос,
Но благовонней амбры сердца в силках волос.

Твой лик — сиянье шелка, но похищать сердца
Не может шелк подобно сиянию лица.

Сказал: «Себя увидишь, коль взглянешь на луну».
В ответ сказала: «Лучше я в зеркало взгляну».

Я жажду сна в могиле. О, как покоен он!
Коль рядом нет подруги, подобен аду сон.

Винишь, Хосров, красавиц? Виновны не они.
В соблазне красотою глаза свои вини!

34

Покой души моей уходит, стонет сердце от любви.
Лишь тот понять меня сумеет, кто весь, как я, от мук
в крови

Она из лунного сиянья пришла в созвездье Близнецов,
А это счастье предвещает, согласно мненью мудрецов.

Твердят: «Возлюбленной откройся, и, может быть,
придет опять»
Тому, кто в сердце, невозможно о муках сердца
рассказать.

Она, змее подобно, жалит, хоть втайне жаждет быть
со мной.
Факир змею не заклинает, пока не сделает ручной.

Уж я от горестных рыданий промок, хоть выкрути подол,
Уж тело стало тонкой нитью, которой жизни груз тяжел,

Кто видел сам, как ниспадали вдоль стана локоны Лейли,
Постиг, какие до безумья Меджнуна цепи довели.

И я, безумец, сердце отдал кудрям возлюбленной во власть,
Кудрям, что могут и аскета заставить перед ними пасть.

Моих мучений и страданий не пожелаю и врагу.
О боль разлуки! Я до встречи дожить, должно быть,
не смогу.

Ту, что красой подобна пери, увы, напрасно ищет взгляд.
Отныне столам у Хосрова учиться мог бы и Фархад.

35

Опять в лугах сегодня та, что повергает наземь,
Опять взглянувший на нее теряет тотчас разум.

И вновь сраженные лежат, не в силах встать из праха,
Она же ищет новых жертв, и я дрожу от страха.

Хотя бы вспомнила порой, бездомного согрела,
Покуда не ушла душа из немощного тела.

О ветер! Коль не суждено лобзать любимой ноги,
Развей мой прах и, как песком, усыпь ее дороги.

Легко смотреть со стороны, а ведь в порезах руки...
Взгляни, Юсуф, на Зелиху, мои оценишь муки.

О страж недремлющий — луна! Ты землю озираешь,
Но как моя проходит ночь, не ведаешь, не знаешь.

Я обезумел, но не жду к моей судьбе участия.
Хосрову, видно, не дано в любви изведать счастье.

Благословляю день, когда явился образ твой!
 Не будь его, считал бы жизнь холодной и пустой.

Стрела любви пронзила грудь. Стенаю, боль страшна.
 Нет, не любившим не понять, как мучает она.

Но сам ответить не могу, как сердце потерял:
 Не знает, что произошло, сраженный наповал.

О пери, твой разящий меч моей душе грозит.
 Я принимаю на себя удары, точно щит.

О дар и неба и земли, вершина красоты,
 Что оба мира пред тобой? Для глаз милее ты.

Томясь в ночи, не знаю я, приходит ли рассвет,
 Хотя зарею край небес окрашен в алый цвет.

Хосров рыдает, но с его слезами не шути!
 Порою реки горьких слез смывают все с пути.

Насквозь пронизан этот мир тоскою и печалью,
 Как будто радости вовек его не посещали.

И сердцу места не найти, скорбим и плачем вместе.
 О счастье дней, когда оно покоилось на месте!

Ты веселишься — над тобой печаль витает тенью,
 Не помню, чтоб она ушла хотя бы на мгновенье.

Счастливым небо — злейший враг, терзающий
со страстью
 За что ж преследует меня? Ведь я не видел счастья.

Решил я: в беспечальный край печаль из сердца вылью,
 Но оказалось, что печаль повсюду в изобилие.

А, впрочем, если б человек и жил, как небожитель,
Не ликовал бы. Ведь Адам — живущих прародитель.

Довольны жизнью лишь глупцы. Они богатству рады.
Разумный в этом мире нищ, хоть под ногами клады.

Хосров, коль в силах, возвеличь духовные твердыни!
Все остальное на земле подобно зыбкой глине.

38

О небо, дай на старость лет влюбленному отраду!
Я — ринд! За пиршественный стол с подругой юной
сяду.

И, коль захочет стрелы глаз в меня она направить,
Под стрелы буду рад и грудь и душу я подставить.

Ей будут золото дарить, а я вручу несмело
В подарок ей мою печаль и немощное тело.

Прочь, назидатель! Не кори в измене правоверью.
Я — ринд! Хочу сегодня пить вино во славу пери.

А если сжалится судьба над участью моею,
Пригублю чашу юных уст и вновь помолодею.

Скачи ж, наездница, ко мне, молю во имя бога,
И под копытами Хосров расстелется дорогой.

39

Сердце к ней ушло, оставив то, чего оно желало,
И молва на перекрестках, как змея, вонзает жало.

Я и сам делюсь печалью и скорблю, не пряча слезы,
Ведь моим устам остались лишь несбывшиеся грезы.

Как мячом, играла честью, но победу, безусловно,
Над соперниками все же одержал я, пусть духовно!

Вся цена душе, о роза, твоему равнялась взгляду,
И, коль сердца не осталось, оболочки ей не надо.

На твоём пути, наверно, вовсе душу потеряет
Тот потерянный, чье сердце у тебя в руках сгорает.

Что отвыкнет от страданий и без сердца он едва ли
Тот, чье сердце так привыкло к безысходности печали.

О Хосров, не лучше ль сразу, не испытывая жалость,
Кончить все земные счёты, если сердце не осталось?

40

О всрнись ко мне скорее, разлучившая с душою,
А не то в огне разлуки вспыхну пламенем алоэ!

Брось в жаровню, точно руту, чтоб горел перед тобой.
От сияющего лика отведу я глаз дурной.

Но страшись! Тебя замучу насмерть вздохами своими.
Тем, кто в душу бросил пламя, помнить следует о дыме.

Что душа моя — пылинка, солнце — твой чудесный лик.
Понял я, когда лучами в щели сердца он проник.

Пред моей любовью меркнут донесенные с любовью
И легенда о Меджнуне и преданье о Хосрове.

О себе и быть и небыль слышу я со всех сторон,
Я ж и впрямь, подобно ринду, до безумия влюблен.

О седой Хосров! С любовью кто могуществом
Коль заставила седины перед юностью склониться?!
сравнится

Видьяпати Мхакур

(1352—1448)

ИЗ «ПЕСЕН ЛЮБВИ»

* * *

Прелестная купается... И кто бы
сейчас ни увидел ее украдкой,
Так и застынет, поражен мгновенно
стрелой любви, мучительной и сладкой.

О как она стройна и как стыдлива,
с волос вода струится, извиваясь,
Как будто плачет мрак тяжелых прядей,
луны лица прекрасного пугаясь.

Смотри, как шелк намокший повторяет
изгибы тела смугло-золотого,—
Искусен бог любви, таким соблазном
смутил бы и отшельника святого.

Волнуются встревоженные груди —
трепещут, будто две пугливых птицы,
Две диких птицы — красноклювых чаквы,
что через миг готовы в небо взвиться.

И словно в самом деле опасаясь,
что улетят они к родимой стае,
Испуганными, нежными руками
красавица их держит молодая.

* * *

Беспечно играла ты на песке прибрежном,
когда я украдкой сошел на берег Ямуны.
Цветы и травинки запутались в черных косах,
как будто во тьме засияли кометы и луны.

О юная дева, ни с чем не сравним твой облик,—
нежданной тревоги я чувствую приближение.
То бог Камадэва поспешно скликает войско
и лук натягивает, готовясь начать сражение.

Не сам ли творец, достав луну с поднебесья,
твое серебристое тело искусно создал,
Лицо тебе вылепил из золотого слитка,
а из крупинки оставшихся сделал звезды!

А то, что еще оставалось в горячем тигле,
опять расплавил и загустеть заставил,
И два холма твоих островерхих грудей —
два дивных чуда — к твоим чудесам добавил.

Внезапно тень — холодная тень скользнула,
о дева нежная, что в этот миг случилось?
Но тень исчезла, а с ней и твоя надменность:
лицом к лицу предо мною ты очутилась.

* * *

Она прошла, и понял я:
красивей в мире нет!
Она прошла,— и с жадностью
мой взор спешит вослед.

Ведь даже если нищего
наследство скоро ждет,
Быть жадным и завистливым
он не перестает.

Природой дивно созданы,
черты ее светлы:
Лицо подобно лотосу,
глаза — как две пчелы.

* * *

Кто совершил столь дальний путь,
чтоб только встретиться со мной,
А тысячу любимых жен
оставил в Мátхуре родной?

Сокровище моей мечты
само навстречу мне идет,—
Что за пророчество веков
приносит долгожданный плод?

Он в небе месяцем блистал,
я лилией в пруду росла,—
Узреть друг друга в первый раз
нам наконец судьба дала.

Вот он — недостижимый бог
с гирляндой лотосов святых,
Вот я — в кругу моих подруг,
крестьянских девушек простых.

И первый мимолетный взгляд —
огнем он в душу мне проник!
О благосклонная судьба —
счастливый час, счастливый миг!

* * *

Вот по этой тропе в тот весенний день
он прошел, ясноглазый и темнотелый.
С той поры вдоль этой тропы мой взор
вслед ему устремляется то и дело.

Растерялась я, грудь не успела прикрыть,
заметалась душа моя, как в ловушке,—
Видел он обнаженные груди мои,
и над этим смеялись потом подружки.

О скажи,— ты мне ближе из всех подруг,—
где его отыскать, как увидеть снова?
Я отправлюсь в путь, чтоб опять взглянуть
на лицо божества моего молодого.

Пусть живет он немислимо далеко,
пусть дорога к нему тяжела, опасна,—
Ради встречи с ним, бросив дом родной,
хоть на край земли я идти согласна!

* * *

Много ль стоит прекрасная плоть моя,
и стыдливость моя, и незрелый разум?
Много ль стоит безвестная жизнь моя
рядом с этим лучистым живым алмазом?

О, как стрелы безжалостны бога любви —
дни идут, не приносят мне облегченья!
До сих пор я не знала тревог и забот,
а теперь днем и ночью терплю мученья.

У тропы я стояла, когда он прошел,
а за ним толпой устремились люди,
Но успел он искоса бросить взор
на меня — на мои обнаженные груди.

Раскален мой рассудок — вот-вот сгорит,
переполнено сердце — вот-вот порвется,
Будто в ад провалилась стыдливость моя,
будто в глубь пылающего колодца!

Мне бы Индру великого повстречать:
я бы тысячу глаз его одолжила,
Мне бы Гáруду грозного отыскать:
я бы крылья могучие попросила,

Чтоб взлететь, божество мое повидать —
хоть на миг, тайком, затаив дыханье...
Ах, все мысли мои эта мысль сожгла,
все желанья затмило это желанье!

* * *

Этой ночью в светлом сновиденьи
он ко мне явился как живой,—
Тело от желанья содрогнулось,
в сердце вспыхнул трепет огневой.

Над лицом моим лицо склонил он,
с пылкой радостью к устам
приник...

Пробудилась я, — и что случилось,
почему исчез он в тот же миг?..

Был мой сон чудесен, но обманчив —
до сих пор обида душу жжет:
Не смогла я счастьем насладиться —
слишком скоро наступил восход.

Как жасмин цветущий, я пылаю,
он шмелем летит на мой призыв,
Но рассвет приносит боль утраты,
нас, влюбленных, снова разлучив.

Ах, недолго я была богатой —
ярких снов исчезло волшебство:
Горе мне, — алмаз бесценный выпал
из подола сари моего!

* * *

Порывистой была, — а стала вдруг
спокойнее, задумчивей, ровнее,
Чего-то ждет, скрывается от всех —
я не пойму, что происходит с нею.
Приди, о Кришна, поспеши взглянуть:
открылась в ней пленительная сила,
Клянусь тебе, — с утра ее узрев,
я, как ошеломленная, застыла!

Дни детства робкого бежали прочь,
пришла победа юности горящей, —
Пусть даже в гнев красавица придет,
ее слова нектара будут слаще.
«Ступай отсюда! Место уступи! —
сказала юность, прогоняя детство, —
Ты столько лет впивало сладкий сок,
хочу и я отведать наконец-то!»

* * *

Чем больше чести и похвал,
 тем меньше искренности в деле.
От Радхи я пришла — узнать
 твои намеренья и цели.

Бросая взор по сторонам,
 ты всех тревожишь да морочишь —
За ослепительным умом
 свое лукавство спрятать хочешь.

О Кришна, Кришна, ты премудр,
 а ведь нуждаются в совете
Лишь те, что потеряли путь
 или неопытны, как дети.

Как золото распознают,
 едва потрут о пробный камень,
Так по поступкам судим мы,
 насколько жгуч любовный пламень.

И как цветочную пыльцу
 по аромату различают,
Так и возникшую любовь
 по блеску взоров замечают.

* * *

П о д р у г а Р а д х и

Сердце твое как цветок горящий,
 а речь душистого меда слаще,
К тебе я пришла, потому что верю,
 что вправду мужчина ты настоящий.

Что ж медлишь ты? Всеблагое небо
 тебе небывалое счастье прочит!
Найдется ль такая глупая дева,
 что первая пламя обнять захочет?..

К р и ш н а

Ступай, посланница, прочь отсюда,
где совесть твоя, не могу понять я!
Чужую жену ты мне предлагаешь —
иль нет у тебя почтенней занятья?

Известно, чтоб погубить мужчину,
все средства у женщины наготове,
Она пробуждает безумца Анангу
одним движеньем лукавой брови.

Сегодня надежду зажжет, а завтра
изменит своим обещаньям ложным,
Приблизясь к ней, даже самый смелый
становится слабым, смешным,
ничтожным.

Ступай — и больше не смей являться,
давно я уловки женские знаю, —
Пускай она всех на земле красивей,
но стать посмешищем не желаю!..

* * *

Тебя надеясь повстречать,
он бродит при луне,
На ложе стонет и дрожит
в тоскливом полусне.

Куда с рассвета ни пойдет —
к ручью или холму,
Во встречной девушке любой
ты чудишься ему.

Полями, рощей ли густой,
селеньем ли идет —
Лишь одного с волненьем ждет:
когда тебя найдет?

Но нет тебя... И так сильна,
мучительна любовь,

Что наземь падает в тоске
несчастный вновь и вновь.

О Радха! Плодоносной стать
теперь твоей судьбе:
Пресветлый муж тебя узрел —
томится по тебе.

Не так ли, редкостный цветок
из виду потеряв,
В тоске, в безумье кружит шмель
среди кустов и трав.

Пусть манго, джатаки, жасмин
привлечь его хотят,
Стал безразличен для него
их цвет и аромат.

Забыл о них влюбленный шмель,
нектара их не пьет,
Лишь тот единственный цветок
теперь его влечет.

Тебя узрев, к тебе одной
стремиться будет он,—
Чем очарован человек,
к тому и устремлен.

Так воду на краю горы
не удержишь никогда —
Стремиться будет вниз и вниз
упрямая вода.

* * *

Распустились цветы —
источают пьянящий хмель,
Но кругом — шипы,
подобреть и не может шмель.

Смотрит, жаждой томясь,
на тебя, царица цветов,
Твой нектар медвяный
он пить без конца готов.

О прекрасная Мálати —
 сладости полный цветок,
Кружит шмель беспокойный,
 ищет твой спелый сок.

Ты — как чаша с медом,
 а он только медом живет,
И не стыдно ль тебе
 лишь копить да беречь свой мед?

Так решайся скорей!
 Ты понять наконец должна:
Если шмель умрет,
 это будет твоя вина!

* * *

Из влажных лотосов устроив ложе,
 его с трудом я погрузила в сон,
Но лотосы желтеют, увядают —
 так с головы до ног он раскален.

Сандал его не лечит — распалает,
 луна подобна злейшему врагу,
И если средств целебных не отыщем,
 за жизнь его ручаться не могу.

О Радха, сжался: разлучась с тобою,
 он сохнет и слабеет день за днем,
Тебя не видя, больше жить не хочет,
 снедаемый мучительным огнем.

Р а д х а

Говори! Ибо даже дурные слова
 нам порою приносят не горе, а благо,
Все, что есть у тебя на душе, говори,—
 но не жди от меня безрассудного шага.

П о д р у г а

Я готова помочь, но встречайся тайком,
 пятистрельый отныне — ваш друг и защита,

Многих радостей нет у законной любви —
слаще милого тайно любить, чем открыто!

Р а д х а

Замолчи! Этой вкрадчивой речью свзей
ты горящую рану мою растравляешь!
Заставляешь отраву змеиную пить,
а для сладости сахар в нее добавляешь?

П о д р у г а

Не сердись! Беспредельна, как море, любовь,
вот и можно о ней говорить бесконечно.
Ты ведь знаешь: к тебе ни одна из подруг
не привязана так глубоко и сердечно.

Врачи отчаялись, помочь не могут,
теперь не человек он — полутруп,
Одно лекарство есть, одно спасенье:
нектар твоих благоуханных губ.

* * *

П о д р у г а

О любимица наша! В тебе нахожу
всех достоинств пленительное воплощенье:
Как весна, ты свежа, а твоя красота
вызывает недаром у всех восхищенье.

Так ужели творец оказался глупцом,
одиноким создав совершенство такое?
Неужели не смог сотворить для тебя
столь же редкостное воплощенье мужское?

Ты грустна,— но тебе я могла бы помочь,
ибо вижу: ты жаждешь в душе одного
лишь!

Я скажу, как желанного можно достичь,
если быть до конца откровенной

позволишь.

Коротка наша юность,— и счастливы те,
что успеют познать все ее наслажденья,
Наслажденья же юности — только в любви,
остальное — лишь вымыслы и наважденья.

Настоящий мужчина идет до конца —
он не бросит любимую на полдороге.
Превратится стыдливость в горячую страсть,
как в луну превращается месяц двурогий.

* * *

Есть и ярче красавицы —
много их в нашем краю,
Но в тебя он влюблен,
будто в душу вторую свою.

А теперь без тебя
он лишился покоя и сил,—
Камадэва страданьями
душу его поразил.

Слушай, слушай меня:
ты красива, стыдлива, чутка,
Торопись же, не медли —
весенняя ночь коротка.

Прелесть юного тела
под складками темных шелков
С лунным светом сравню
под покровом ночных облаков.

Так чего же ты ждешь?
О скажи, почему до сих пор
О нектаре твоём
лишь мечтает влюбленный чакор?

* * *

Тоскует юная жена,
подобная царице пчел:
«О боги! — сетует она. —
За что мой жребий так тяжел?»

* * *

Он — муж красавицы другой,
и ты — жена другого,
А я — два берега, как мост
соединить готова.

Все силы приложила я,
чтоб встреча состоялась,
Теперь, о лотос мой, судьбе
довериться осталось.

Готовясь к тайной встрече с ним,
себя укрась прилежно
И помни: колебанья, страх
нас губят неизбежно.

Ступай с надеждой, ведь тебе
вручила верный ключ я,—
Нет никого, кто б не желал
себе благополучья!

* * *

В час первого слиянья, первых ласк
бог Камадэва голоден и жаден,—
Будь сдержан — второпях не раздави
сладчайшей из чудесных виноградин.

Не жадничай, стыдливой овладев,
смирять свое мучительное пламя,—
Достойный лучше с голоду умрет,
чем станет есть обеими руками.

О Кришна! Ты, конечно, очень мудр
и должен знать не хуже, чем другие,
Как боязно слонихе молодой
почуять жезл погонщика впервые.

Она решилась встретиться с тобой
лишь после долгих просьб и увещаний.
Так постарайся милой угодить —
ей сразу станешь ближе и желанней.

Настойчиво к любви не принуждай,
так делают лишь грубые невежды.
Она нежна, — не рань ее души,
в порыве страсти не порви одежды.

С ней наслаждайся лишь до той поры,
пока твой натиск терпит благосклонно,
Но отступи, едва заметишь ты,
что смотрит недовольно, утомленно.

И за руки поспешно не хватай,
увидев, что уйти она готова, —
Так демон Раху, изрыгнув луну,
ее тотчас же не глотает снова.

* * *

Любовник несравненный он, полна и ты огнем,
Пускай цветет жасмин любви пышнее с каждым
днем.

Торговцы в город собрались на торжище любви,
Повыше цену им назначь — и не продешеви.

Сам Кришна — покупатель твой, и сделка неплоха,
Его невеждой не зови, приняв за пастуха.

В убытке будешь, не сердись: славнее славных он,
Среди пастушек у него шестнадцать тысяч жен.

И не смущайся, что тебя он выше в сотни раз:
Расстелит ложе бог любви — и уравниет вас.

* * *

Сначала волосы укрась
и знак на лбу поставь,
А после подведи глаза —
им живости добавь.

Глухим оставаться к тоскливой мольбе
не стыдно ли, мудрый, тебе?
Пчела разве ждет, что сладостный мед
навстречу ей сам потечет?

* * *

Ты мне это тяжкое дело
представила слишком простым!
Тропой, где колючки и змеи,
мы шли, чтобы встретиться с ним.

Шли долго, гроза бушевала,
и тьма застилала мой взор.
Два рода старинных решила
в ту ночь я обречь на позор.

Доверясь тебе, моя сводня,
тайком я из дому ушла,—
Мне смерть по сравнению с разлукой
казалась не так тяжела.

Что нынче скажу я, достигнув
десятой ступени любви?
Ты амриту мне предложила,
но яд заструился в крови.

О как ты бесстрашно, подруга,
чужое богатство крадешь,
Иду за тобой — и не знаю,
куда ты меня приведешь!

! * * *

Жди, оставайся на ложе —
и не тревожься ничуть,
Брось эту детскую робость,
брось, недотрогой не будь!

Что ты лицо опустила,
будто в пугливой тоске?
Что ты в смущении чертишь
пальцем на влажном песке?

Видишь, красавица: вот он,
рядом — возлюбленный друг,
С ним ты впервые на ложе,
но побори свой испуг.

Будешь ты с первой же встречи
счастлива с милым вдвоем,
Слейтесь душою и телом,
словно цветок со шмелем.

Прочь колебанья и страхи:
близится радость любви,
Друг твой пылает желаньем,—
сбрось же одежды свои!

* * *

Подружка моя, подружка!
Зачем мы пришли сюда?
Владыка могуч и грозен,
а я еще так молода.

Зачем ты меня покидаешь?
Безлюдно, темно кругом,
И как за железной дверью
останусь я с ним вдвоем?

Проснулся в нем жар любовный,
и взор стал горяч, тяжел,
Схватился он за одежду,—
теперь мне конец пришел!

«Нет-нет!»— я его умоляю,
и слезы текут ручьем,
Качаюсь, как тонкий стебель
качается под шмелем.

А тело от страха стынет,
и сердце дрожит в тоске,
Как трепетная росинка
у лотоса на лепестке.

* * *

Стыдливую к тебе я привела,
а это стоило больших усилий,—
Будь бережливым, если хочешь ты,
чтоб наслажденье вы сполна вкусили.

Смотри, как терпелив мохнатый шмель:
сев на цветок, он не ломает стебля,—
Не торопясь сосет душистый мед,
лишь осторожно лепестки колебля.

Так поступай и ты — понравься ей,
и если это вскоре удалось бы,
Придет опять — еще не раз придет,
и больше не потребуются просьбы.

Она, как ветка сириса, нежна,
будь нежен с ней, как подобает Кришне,
И следуй наставленью моему —
не проявляй поспешности излишней.

В час первой встречи не пугай ее,
не дай прорваться бешеному пылу,—
Пусть ваша страсть день ото дня растет,
как месяц в небе набирает силу.

Ей даже в шутку грубость не скажи —
то было б непростительной ошибкой!
Тогда без страха вновь она придет —
придет к тебе с доверчивой улыбкой.

* * *

Когда я шагнула к ложу,
дыханье в груди затая,
В лицо горячо взглянул он,
душа замерла моя.

Почудилось на мгновение:
весь мир кругом заперстрел
От сонма богов, летящих
с пучками летящих стрел.

Нет слов у меня, подруга,
 чтоб я описать смогла
Безумства и наслажденья,
 что с ним я пережила.

Не ведаю, что случилось:
 не слушалось тело меня,
А он от восторга светился,
 лицо надо мной склоня.

Пить мед моих губ он начал,
 гирлянду мою сорвал,
Поспешно узлы распутал
 цветных моих покрывал.

Над всею моею жизнью
 он сети любви простер,
И страсть порвала границы
 и вырвалась на простор.

Одежду с меня он сбросил,
 пылая, шепча, смеясь,
И. власть над собой теряя,
 я дрогнула, я сдалась,—

Сдалась, разгораясь страстью,
 счастливейшая из жен,
Не в силах ни дать согласия,
 ни ставить ему препон.

* * *

Одежду сорвал он с меня, как змею,
А с нею отбросил и робость мою.

Покровом моим стало тело его,—
Слились мы, пылая, в одно существо.

Я помню, на миг он лицо повернул,
Склонен надо мной, на светильник взглянул,

Казалось, пчела наклонилась — и мед
Из полураскрытого лотоса пьет.

Неведомы богу ни слабость, ни стыд:
Дай волю ему — обожжет, ослепит.

Как ча́така — вестник весны и любви,
Он чувства скрывать не желает свои.

Припомню, как был он неистов тогда,
И жалкий мой разум горит от стыда.

От страстной тоски и сейчас я дрожу, —
Ну что я об этом еще расскажу?

* * *

Лотос пламенный раскрывается —
с чем его красоту сравнить?
Что голодной пчеле желаннее,
чем нектар его сладкий пить?

На шарах твоих грудей — ссадины
от безумных моих ногтей,
А кукушка о том проведала
и смеется в тени ветвей.

О гневливая, о надменная,
обернись назад — посмотри:
Тьму полночную, тьму обманную
пьют лучи золотой зари.

О прекрасная, всех сокровищниц
драгоценней женская честь, —
Стыдно мне, что в казну алмазную
я дерзнул, будто вор, залезть.

И за этот грех наказал меня
бог, держащий пять жгучих стрел:
Выкрал душу мою влюбленную
и, как пленницей, завладел.

* * *

Ночь кончается...
Лотос уже приоткрылся слегка,
Закружилась пчела —
видно, милого ищет дружка.

Все тусклее светильник,
а даль — все ясней и красней,
Это всходит заря,
и склоняется мрак перед ней.

Отпусти меня, Кришна,—
теперь я хочу отдыхать,
Будет бог благосклонен —
мы встретиться сможем опять.

Тот любовник умен,
что желанья возлюбленной чтит,
А иначе сердцам
неизбежный разлад предстоит.

Знает даже грабитель:
всему есть разумный предел.
Дай цветку отдохнуть —
насладиться ты вдоволь успел.

;

* * *

На грудях ее — незрелых плодах —
царапины от ногтей видны,
Весенним побегам подобны они,
обвившим две золотые луны.

А нежная то прикрывает их,
то прячет под шелком, скользящим с плеч
Вот так бедняк, отыскавший клад,
его решает, как жизнь, беречь.

О как молода, как пуглива она —
впервые любимому отдалась
И вот, вспоминая о ласках его,
пылает, и радуясь и стыдись.

От глаз наставников и родных
в укромном спрятавшись уголке,
Тайком она смотрится в самоцвет,
лежащий на нежной ее руке.

Украдкой склоняет над ним лицо
и губы разглядывает свои:
Следы от укусов горят на губах —
багряные, жгучие знаки любви.

* * *

О Мадхава, сердце твое невозможно понять:
Чужой самоцвет ты решился в подарок принять.

А если дурное содеяла я, то прости,—
Решила я льва с молодой слонихой свести.

О Кришна премудрый, внемли этой пылкой мольбе:
Подругу мою не отринь, что стремится к тебе.

С тоскующих глаз ее стерлась густая сурьма,
Искусаны губы,— совсем она сходит с ума.

Следы от ногтей на крутых ее грудях видны,
Похожих на две восходящих над Шивой луны.

То дрогнет пугливо, то снова уйдет в забвенье,
Безмолвны уста, но встревожены мысли ее,—

Боится, что муж возвратится, боится родни.
Боится людей злоязычных,— что скажут они?

О Мадхава, сжался: полна я тревог и забот,—
Пускай мне на голову тяжкий позор не падет!

* * *

Сидит с распущенными волосами,
склонив лицо, и с детской улыбкой
Подносит руку к обнаженным грудям,
обмахивает их ладонью гибкой, —

Как будто поклоняющийся Кама
подносит лотос золотым святыням
И светлый лик Дарующего счастье
обмахивает веером павлиньим.

Клянусь тебе, благословенный Кришна:
сам бог любви настаивает страстно,
Чтоб ты вернулся, чтоб опять увидел,
как нежное лицо ее прекрасно.

Спадают с плеч лианы черных прядей,
как сотни струй Ямуны благодатной,
И словно волны животворной Ганги, —
цветы ее гирлянды ароматной.

И, погрузясь в их трепетные струи,
она сейчас у неба всеблагого
Лишь об одном великом даре просит:
о Мадхава, тебя увидеть снова!

* * *

«В ночь нашей первой близости любовной
боязни побороть я не могла.
Когда слились два наших жарких тела,
уже плыла предутренняя мгла.

Всех радостей любви я не познала, —
стыдливость, ты была моим врагом,
И лишь теперь — в порыве сожаленья —
томлюсь мечтой о друге дорогом.

Ах, если б эта пчелка золотая
к нему слетала с весточкой моей —

Передала, что нашей первой встречи
не позабыть мне до последних дней,

Не позабыть, как с ласкою усталой
он пряди кос моих перебирал,
И груди нежно гладил, и с улыбкой
моей гирляндой смятою играл.

Была б я сотней женщин — все услады
ему смогла бы сразу предложить,
Но я слаба в любовных ухищреньях —
чем страсть его сумею заслужить?

О как мне выразить, с каким смиреньем
за эту ночь его благодарю!
Хочу молитвенно сложить ладони,
когда в слезах об этом говорю.

Юна моя любовь: едва раскрылась,
а мной уже погублена почти,—
Ведь я молчала — даже на прощанье
ни слова не смогла произнести!..»

И над красавицей грустящей сжалась,
так говорит Видьяпати-поэт:
«Не бойся: мудр твой молодой любовник,
продлится счастье ваше много лет!»

ПЕСНИ О СЧАСТЛИВЫХ СВИДАНИЯХ

* * *

«Весной любуюсь радостно, давай пойдем туда,
Где, улыбаясь, лилии раскрылись у пруда,

Где ясный месяц кажется серебряным шмелем,
Где так красиво полночью и так тенисто днем.

Там бродят девы юные, их взоры душу жгут,
Притворщицы надменные—свиданий тайных ждут

А из кустов тем временем, следя их каждый шаг,
С пятью хмельными стрелами глядит лукавый
враг!»

Вот так поэт Видьяпати описывает вам
Леса, где Радха с Кришной встретались по ночам.

* * *

О нежная, скорей поскорей лицо,
нельзя, чтоб тебя узнали:
Объявлено было по всей стране,
что с неба луну украли.

Всю ночь сегодня из дома в дом
с обыском ходят стражи,
Увидят, как светит твое лицо,
еще заподозрят в краже.

Послушай, красавица, мой совет:
набрось на лицо покрывало,
Желаю тебе, чтоб даже во сне
сердце тревог не знало.

Улыбку свою серебристую спрячь,
блистающую нектаром:
Торговец богатый заметит ее —
объявит своим товаром.

В устах приоткрытых зубы твои
заманчивей и лукавей,
Чем ряд переливчатых жемчугов
в киноварной оправе.

* * *

Деревьев тысячи в лесах,
миллионы веток и лиан, —
Вот так и юных дев не счесть
из ближних и далеких стран.
У каждого цветка — нектар,
на каждом из цветов — пчела,

И как бесчисленны цветы,
так ароматам нет числа.
Внемли, красавица моя,
от всей души скажу тебе:
О Радха, радуйся судьбе,
чудесной, редкостной судьбе,—
Тот, кто прекрасен и могуч,
кого мы Кришною зовем,
Ко всем красавицам остыл
и счастлив лишь с тобой вдвоем.
Когда пчела полюбит мед,
он и во сне ее влечет.
Пусть аромат — уже не тот,
а ей все дорог этот мед.
Когда поет и кружит шмель
над свежей розою своей,
Она дороже всех богатств
и всех чудес ему милей.
Вот так и он, любимый твой,
мечтает о тебе одной
И делит ложе лишь с тобой
в ночи, под колдовской луной.
Ладони и в глубоком сне
к тебе протягивает он,
И, шепотом тебя назвав,
от счастья вздрагивает он.
Как часто, вдоволь насладясь,
к тебе он тянется опять,
Но ты ушла — тебя в лесу
уж не найти и не догнать.
Как он растерянно стоит,
как он беспомощно глядит,—
Не позволяет только стыд
ему расплакаться навзрыд!

* * *

Утопает широкое ложе в цветах,
И светильник ярко горит впотьмах,
С благовоньем алоэ смешался запах сандала.
Здесь любовным играм уже не раз

Предавался ты с милою в сладкий час,
И от бога любви ей пришлось претерпеть немало.

Загляни, о Кришна, под этот укрomный кров:
Приготовив ложе, томится она, не спит —
Жадно слушает, ждет приближенья твоих шагов,
В нетерпенье страстном забыла и страх и стыд.

Говорят, если честь у мужчины есть,
Услыхав от любимой желанную весть,
Как лесной пожар, он стремится к месту свиданья.
И в надежде увидеть вскоре тебя
За порог она смотрит, томясь, любя,
Не смежает глаз, воспаленных от сжиданья.

* * *

Как меня ненасытно
он любит всю ночь напролет:
Чаши груди пугливых
руками горящими мнет,

Припадает к губам —
и нектар их глотает хмельной,
Будто нищий с жемчужиной,
жадно играет со мной.

О подруга, поверь:
говорю — и горю от стыда,
Я теперь поняла,
что в плену у него навсегда.

Ослабела одежда —
на землю готова упасть,
И над телом моим
я теряю последнюю власть.

Тщетно прячу лицо,
закрываю ладонями грудь,—
Обуздать ли гресу,
если молнию хочет метнуть?

А от слез этой радости,
как под весенним дождем,
Сколько свежих побегов
рождается в сердце моем!

Я властителя Мátхуры
встретила ночью во сне.
И стыжусь, вспоминая
о ласках, приснившихся мне.

Край атласного сари
схватил он — меня удержал,
От волненья раздвинулись
складки цветных покрывал.

Я прикрыла верхи
моих груди, огнем налитых,
Но ведь в лотосах робких
не спрятать холмов золотых!

* * *

Приветливо с друзьями говоря,
а сплетниц и завистниц избегая,
Гирлянду из жасмина на себя
ты, веселясь, надела, дорогая.

Как были радостны твои шаги,
а взоры — и быстры, и вороваты,
Когда, подруг беспечных обманув,
среди бела дня к любовнику пошла ты.

Хоть и пугаюсь дерзости твоей,
но все равно хочу тебе помочь я,—
Любовным играм предаваться днем
куда приятней, чем встречаться ночью.

Ну что за радость, если все вокруг
темно и мрачно, как на дне колодца,
Душа дрожит от страха, словно вор,
когда он к дому ошупью крадется.

Жила бы ты на Ланке золотой,
пленила бы и Равану-злодея,
Так сколь счастливым должен быть герой,
такой подругой сладостной владея!

* * *

Черных прядей завеса лицо луноликой закрыла,
Словно в тучах густых потонуло ночное светило.

С юной шеи свисают, качаясь, ряды ожерелий,
Будто сам Камадэва уселся, смеясь, на качели.

Догадалась подруга: на ложе, увитом цветами,
Захотелось любимому с ней поменяться местами.

И на бедра горячие сев молодому герою,
Начала наслаждаться красавица новой игрою.

На гирлянде ее — колокольчиков крохотных пеньё
Славит бога любви, распалает в душе нетерпенье.

На уста его смотрит она и целует их смело,—
Даже грозное сердце смягчают цветочные стрелы!

* * *

Уста обожженные стали черны —
сурьмы на темных глазах черней.

Глаза воспаленные стали красны —
зари на нежных устах красней.

Я так ей сказала: «Не прячь лица
под складками шелковых покрывал!

Смешные уловки,— мне ли не знать,
кто ночью тебя ласкал-целовал!...»

О Мадхава, лишь сб одним прошу:
к любимой своей поскорей вернись —

В укромное место, где так горячо
любви этой ночью вы предались.

Ну что же еще я могла бы о ней —
о счастье ее небывалом сказать?
Во всем нашем Гóкуле наверняка
такой счастливицы не сыскать!

Наверно, не счесть любовных затей,
которыми ты наслаждался с ней:
Не стерлась еще на груди твоей
багряная краска с ее ступней.

* * *

Не пойду на свиданье — любовь потеряю,
а пойду — потеряю семью!
И в тревоге мечусь, как слониха в трясине,
проклиная беспечность мою.

Я несчастная женщина, я заблудилась,
изнываю от горькой тоски,
Замираю — подобно пугливой косуле
у тропы, где таятся стрелки.

Как в насмешку, луна, будто злая врагиня,
поднялась у меня на пути,
Небеса залила серебристым сверканьем —
не дает мне украдкой пройти.

Я отправилась в путь, на свиданье надеясь,
темнота мне хотела помочь,
Бог любви в эту ночь нам сулил единенье,
но пришла полнолунная ночь.

Прочь, луна! Для чего ты висишь в поднебесье,
золотой соблазнительный плод?
Кто тебя уберет с этой тайной тропинки,
что в объятия Кришны ведет?

* * *

Из объятий ее выпускать не спеши,
повредить это нежное тело не бойся:
Хоть и гнется цветок под тяжелым шмелем,
все равно не сломается, не беспокойся.

И не слушай молений пугливых ее,
и не верь, если шепчет: «Не надо, не надо!...»
А иначе скорее наступит рассвет,
чем добыта желанная будет награда.

Пусть измучатся губы — целуй без конца,
в ней ответные волны любви пробуждая.
Как чудесно, когда разгорается страсть
постепенно, как в небе луна молодая!

* * *

Ты гордишься высокой грудью —
золотыми ее годами.
Ты любишься утром жизни —
наливными ее плодами.

И любой из юношей пылких
оценил бы их вкус и спелость,
Если б ты от всех не таилась,
поборола свою несмелость.

О красавица, со вниманьем
эти выслушай наставленья:
Минет молодость — не вернется,
нам оставит лишь сожаленья.

Я ведь тоже была красивой,
я ведь тоже была моложе,
Ожиданья, мечты, надежды
и меня волновали тоже.

Знай, красавица: счастье длится,
прелесть юности не скудеет,
Лишь покуда ее богатством
повелитель любви владеет.

Но пройдут молодые годы,
в волоса закрадется просесть, —
Поспешит тебя Камадэва
ради новых красавиц бросить.

Говорит Видьяпати мудрый:
взять красавиц хоть тысяч десять —

Красоту твоих спелых грудей
их красой не уравновесить.

Но пройдут года — и увянешь,
постареют твои подружки,—
Станет жизнь пустой и никчемной,
как слова болтливой пастушки.

* * *

Р а д х а

Над цветущими рощами зовы кукушек слышны,
Всюду пчелы гудят — это сладкие звуки весны.

Услыхав эти звуки, почуяв лесной аромат,
От весенней тревоги слоны в отдаленье трубят.

Что же ты помрачнел? И не стыдно тебе, что душой
От меня устремился ты в край отдаленный, чужой?

Ах, наверно, недаром луна из-за рощи взошла,—
Скольким женам покинутым гибель она принесла!..

К р и ш н а

Не сердись, о красавица, несправедлив твой упрек,
Разве время сейчас для печалей, сомнений, тревог?

Ты — прекрасна, свежа, а весенняя ночь хороша,
Так зачем беспричинной тоскою томится душа?

Ты, как лотос, нежна, что от бури еще не страдал,
Ароматом тебя овевают жасмин и сандал.

И от них твое тело становится лишь горячей —
Даже бусы из перлов нагрелись на шее твоей.

Я осыпал цветами твое изголовье и грудь,
Ты устало смежила глаза, но не можешь уснуть.

Растрепалась прическа, измяты одежды твои,—
Помни Гóвинду, помни мгновения нашей любви!

Рабиндранат Тягор

(1861—1941)

ДЫХАНИЕ ПЕСНИ

Та флейта, что молчала, вновь звучит,
И мнится — в лес весенний снова мчит
Весть о любимой вешний ветерок.
Я вспомнил песни давние опять
У Ганги, где к цветку прильнул цветок, —
Улыбки снова стали расцветать.
Желанья прежние, развеяв сон,
Мне начинают сердце согревать,
И вновь взойти на лотосовый трон
Настал, мне думается, миру срок.
Вот нежный облик, отсвет в темноте,
Вот голос, льющийся, как майский свет,
Вот нежный взгляд, но где же очи те,
Вот поцелуй, но губ любимых нет...

СТАРШАЯ СЕСТРА

Таскали кирпичи и строили дома
У берега реки ее отец и мать,
И часто девочка сбегала к ним с холма.
Чтоб чашки иль кувшин водою наполнять.
С утра до вечера несется легкий звон,
То о кувшин запястья — тхон-тхон-тхон.
А вслед за нею братец маленький бежит.

Измазан глиною и наголо обрит,
Ручною птицею он бродит по пятам
Сестры. Всегда послушен он ее словам
Настойчивым и строгим. Глиняный кувшин
У ней на голове, а рядом с ней, как сын,
Братишка,— так она и мается с утра,
Сама ребенок — старшая сестра.

ПЕРЕПРАВА

Из двух деревень, разобщенных рекой,
Стремятся всегда к переправе одной
И те, кто покинул отеческий дом,
И те, кто, вернувшись, спешит на паром.
А в мире в борьбе исступленной тела,
Потоками вспенившись, кровь залила.
Эпохи сменяются, годы летят,
Развенчанных топчут, увенчанным льстят,
И в жажде познания приникли уста
К той чаше, где в нектар отрава влита.
И здесь только тайное имя хранят,
В две стороны глядя, деревни стоят.
Одна переправа над ширью речной,
Тот из дому едет, тот рвется домой.

АФРИКА

В далекий тот и самый смутный век,
Когда создатель в творческой досаде
Опять крушил все то, что создал сам...
В тот день, когда от ярости его
Смятенная земля заколебалась,
Вмиг руки моря Красного тебя,
О Африка, от суши оторвали,
С материком восточным разлучив,
И поместили среди гор лесистых,
Туда, где еле-еле брезжит свет,
На произвол судьбы тебя оставив.
Там тайны важные копила ты:
Открыла воды, что подобны небу,
Природы неизведанные чары

В тебе рождали к тайному любовь.
Ты ужас побеждала громким смехом,
В чудовищные кутаясь одежды,
И увлекалась почитаньем духов
При грохоте священных барабанов.

О ты, погруженная в сумрак,
Ты, чей человеческий образ
Под черную тканью таится
От взоров людей недостойных!
Явились они с кандалами,
Таковыми, как когти гиены;
То было насильников стадо,
И в думах их — мрак полуночный.
А их первобытная алчность
Бесстыдна и бесчеловечна,
И вот от беззвучного плача
На залитых кровью тропинках
Пыль стала кровавою грязью.
И комья той грязи презренной
Твои осквернили прощанья.
А в это же самое время
На том берегу океана
Плыл набожно звон колокольный,
И он милосердного бога
И утром и вечером славил.
Играли кудрявые дети,
И в песнях поэтов звучали
Хвалы красоте...

Сейчас, когда западный ветер
Так резок перед закатом,
Когда из тайных убежищ
Выходят хищники, воя,
Явись в скудеющем свете,
Поэт эпохи грядущей,
Скажи потерявшему совесть
Одно только слово: «Опомнись!»
Среди голосов звериных
Это будет последним словом —
Внятным словом высокой мысли.

* * *

Чаша та полна страданий — о возьми ее скорей,
Сердце пусто и печально — пей ее, любимый, пей.
С чашей я всю ночь бродила, от себя гоня покой.
Ты с меня ночное бремя снимешь, друг мой дорогой!
В цвет надежды, в цвет желанный вновь
окрасилась волна,
Ярко-алыми устами пей печаль мою до дна.
С ней вдохнешь ты ароматы наступающего дня
И сияньем глаз любимых щедро наградишь меня.

* * *

Когда сквозь сумрак предо мной, как сон, прошла
она,
Еще над темною рекой свет не лила луна.
О неизвестная, тобой душа обожжена,
Прикосновением твоим, как песнею, полна.
Но ты ушла, исчезла ты, печальна и одна,
И в лунных радужных лучах сияет вышина.
Гирлянда у тропы твоя под месяцем бледна,
Как ожерелье, мне она на память отдана.

У РАСКРЫТОГО ОКНА

Окно открыто в комнате пустой,
И безмятежен полдень золотой.
Мне песня вдруг послышалась вдали,
Как тайный голос из глубин земли,
Таким блаженством эта песнь полна,
Что в синеву душа унесена.
Кому мне гимн восторженный сложить?
Кого за песню мне благодарить?
В молчанье сердце тянется к словам,
В которых все звучит на радость нам.
Утихла страсть — пожаром не горит,
«Я счастливо», — мне сердце говорит.

БЕЗЛЮДНАЯ ДОЛИНА

Есть безлюдная долина, озаренная луной,
Там от дремлющих деревьев запах терпкий
и хмельной.

Дышат персиков бутоны и лимонов лепестки,
Ароматами насыщен лучезарной ночи зной.

От пьянящих ароматов млеют тело и душа,
Сны струятся и мерцают, нежно листьями шурша.
Отблеск с тенью, мрак и блики в колыбании
немом,

Что-то пишет яркий месяц в темных чашах камыша.

В глубине рыдает кокил, предвещая долгий путь,
И вздымает птичий голос растревоженную грудь.
Это юности и счастья сокровенный чистый рай,
Там страданий этой жизни незаметна злая муть.

ТА, КОТОРУЮ Я ЛЮБИЛ

Та женщина, что мне была мила,
Жила когда-то в этой деревеньке.
Тропа к озерной пристани вела,
К гнилым мосткам, на шаткие ступеньки.

Название этой дальней деревушки,
Быть может, знали жители одни.
Холодный ветер приносил с опушки
Землистый запах в пасмурные дни.

Такой порой росли его порывы.
Деревья в роще наклонялись вниз,
В грязи разжиженной дождями нивы
Захлебывался зеленевший рис.

Без близкого участия подруги,
Которая в те годы там жила,
Наверное, не знал бы я в округе
Ни озера, ни рощи, ни села.

Она меня водила к храму Шивы,
Тонувшему в густой лесной тени.

Благодаря знакомству с ней я живо
Запомнил деревенские плетни.

Я б озера не знал, но эту заводь
Она переплывала поперек.
Она любила в этом месте плавать.
В песке следы ее проворных ног.

Поддерживая на плечах кувшины,
Плелись крестьянки с озера с водой.
С ней у дверей здоровались мужчины,
Когда шли мимо с поля слободой.

Она жила в окраинной слободке.
Как мало изменилось все вокруг!
Под свежим ветром парусные лодки,
Как встарь, скользят по озеру на юг.

Крестьяне ждут на берегу парома
И обсуждают сельские дела.
Мне б переправа не была б знакома,
Когда б она здесь рядом не жила.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Казалось, хмурится мой дом пустой
И отвернулся от меня в обиде.
Брожу по комнатам, не находя
Себе в нем места. Я сдаю в аренду
Свой дом и уезжаю в Дехра-Дун.
Я долго не решался отворить
Дверь в комнату Омоли. Грудь сжимало.
Но надо было комнату убрать
Пред тем, как дом сдавать, и я решился,
И смело отпер дверь. Флакон духов.
Гребенка. Пара туфельек из Агры.
Налево фисгармония в углу.
На полке книги. Вклеены картинки
В альбом. В порядке платье и белье.
В шкафу зеркальном разные игрушки.
Коробки из-под пудры. Пузырьки.
Я в кресло у стола сажусь в молчанье.

Вот кожаная сумка. С ней, бывало,
Она ходила в школу. Вот тетрадь
С задачами. Раскрытое письмо
Оттуда выпало. Мой адрес криво
Был нацарапан детскою рукой.
Пред утопающими, уверяют,
Картины прошлого проходят вмиг.
Когда я в руки взял ее письмо,
То тоже вспомнил все в одну минуту.
Когда скончалась мать ее, Омоли
Исполнилось семь лет. Какой-то страх
Не покидал меня. Я опасался,
Что девочка недолго проживет.
Какая-то печаль ее мрачила.
На личико ее ложилась тень
Предчувствуемой будущей разлуки.
Мне страшно было дома оставлять
ЕЕ одну. Работая в конторе,
Я думал, мало ли какие вдруг
Несчастья случаются на свете.
На праздники приехала гостить
Из Банкипура тетя. «В наше время
Все грамотны,— заметила она.—
Кто женится теперь на неученой?»
Мне стало стыдно. Я пообещал
Отдать без промедленья дочку в школу,
Что и исполнил на другой же день.
У дочки было много дней свободных,
Но и в учебные она тайком
Домой из школы ухитрялась бегать,
И я, отец, был в заговоре с ней.

На следующий год, приехав, тетя
Сказала: «Вот что, больше так нельзя.
Я увезу ее и в Бенаресе
Пристрою в самый лучший пансион.
Спасу племянницу от ласк отцовских».
Уехала Омоли, скрыв обиду.
Зачем я с тетей отпустил ее!
Я в Бадринатх отправился молиться,
Чтоб убежать от самого себя.
Четыре месяца я жил без писем.

Я думал, наша родственная связь
Ослабла там благодаря заботам
Наставников, и отдал дочь в душе
В господни руки с чувством облегченья.

Спустя четыре месяца я сам
Задумал съездить в Бенарес к Омоли.
Но по дороге получил письмо.
Бог взял ее. Мне нечего прибавить.
Я — в комнате Омоли. Предо мной
ЕЕ письмо. Она в нем пишет: «Очень
хочу тебя увидеть...»
Вот и все.

ЦВЕТОК

На ветке плодового дерева
Ждал цветок тебя, женщина.
Зарею раннюю его обдало твое дыхание.
Он взглянул на тебя всем венчиком
Доверчиво, очарованно.

Он сказал: «С незапамятного времени,
На заре, когда часть зелени еще в темени,
Точно брат и сестра, дружной парюю,
Взявшись за руки, сквозь заросли
К общей цели летели мы.

Всегда вместе в роскошной заброшенности,
Мы — родня с того дня, но вскорости
По какой-то печальной оплошности
Разошлись пути наши в стороны
В нашем земном обиталище.

Сотни раз мы рождались по-новому,
По дубравам лесным, под разными покровами,
Все прекраснее, все благоуханнее,
Кружась по заранее готовому
Кругу существования.

Наконец после стольких превратностей
Поражен нашей новой встречей,

Я все тот же, с той же нежностью братскою,
Как в то время, невозвратно прошедшее,
Ты же овладела речью человеческой.

Но не может разрушиться
Наше тесное единокровие.
Нерушимы узы чувств наших лучшие.
Музыкой звучит их созвучие,
Если вслушаться.

Говорит оно каждою нотою:
«Я растение, цель моя — цветение.
Глаз ласкать красотой в мое рождение сотое
Остается, как встарь, моей заботою,
А любить — твое предназначенье».

ЛЮДИ ТРУДЯТСЯ

По потоку ленивого времени
Устремляется ум мой в пространство.
По дороге везде и везде меня
Ждут виденья бывшего тиранства.

Лили кровь, силы попусту тратили,
Сея гибель и смерть где придется,
Победители, завоеватели,
Предводители орд, полководцы.

Шли афганцы отрядами конными.
В колесницах, колонной тяжелой,
Под развернутыми знаменами
Приходили, вторгались монголы.

Где их полчища победоносные?
Где их слава, где завоеванье?
Где следы на дороге колесные,
По пыли, в придорожном бурьяне?

Но цела и румянится заново
Каждый день синева небосвода
Свежей краской восхода багряного
И багряною краской захода.

В даль железных дорог, на чудовищах,
Изрыгающих трубами пламя,
Нам печальную участь готовящих,
Англичане являлись пред нами.

Чту их прошлую силу могучую,
Но сотрет ее след в той же мере
Время, с верною помощью случая,
И отбросит, как сети империй.

Наряду с пережитками глупыми,
Сверх тупого бряцанья оружием,
Мы народ в одиночку и группами
В отдаленье веков обнаружим.

Он не ведает лени и трудится
День и ночь, из эпохи в эпоху.
Слава труженикам! Не забудется
Их страда до последнего вздоха.

Люди пахут и сеют, любятоя
Делом рук, гнут за жатвою спину.
С общей помощью их мне рисуется
Вот какая в грядущем картина.

Упразднят триумфаторов статуи,
Арки, шлемы, солдатские каски.
Былью войн; стариной бесноватую
Будут заняты детские сказки.

Не в ходу будут битвы, баталии.
Но за труд добровольцев в Бомбее,
В Гуджерате, в Пенджабе, в Бенгалии
Люди примутся, сил не жалея.

Соберутся с рабочею хваткою
Люди вместе, в грядущее веря,
Привлеченные зданья закладкою
На развалинах древних империй.

ВОПРОС

Всевышний, веками ты слал нам своих апостолов
С их предтечами.
Они учили: «Милосеодье вас создало.
Прошайте. Терпите. Не поддавайтесь
бессердечию».

Достойны удивления добра провозвестники.
Но что делать с испорченностью нашей?
Наше время истину спускает с лестницы,
Справедливость гонит взащей.

Я видел,— юноша, с горя ввавший
в помешательство,
Бился головою о мостовую булыжную.
Печальное обстоятельство.
Молча наблюдала толпа неподвижная.

Вот вопрос тебе, господи, прости меня:
Святотатцев, богоненавистников,
Растоптавших славу твоего имени,
Ты простил бы, любил бы их, воистину?

РАСПАХНИ ДВЕРЬ

Распахивай дверь поскорее заре,
Впусти в нее запах цветущего сада.
Увидев, что солнце и день на дворе,
Как тело с душою нам радо!

Я жив! Это ветром мне подтверждено,
Шумящим так громко в листве и посеве.
Заря, красным шарфом махнувши в окно,
Мой ум ослепляет и застит деревья.

Любовь я изведаль и силы знаток,
Волненьем колеблющей листвы сегодня.
В растущего чувства бегущий поток
Бросаюсь, быть может, еще сумасбродней.

Мы истину, явную в шуме листвы,
Со всем человечеством делим,
Как миру всему на груди синевы
Сверкает заря ожерельем.

ДРАГОЦЕННАЯ ПЫЛЬ ЗЕМЛИ

Прекрасна подлунная, и недра в горах,
И почвы земной изобилье.
Прекрасна земля,— я падаю в прах
Перед земною пылью.

Прекрасен материи тайный состав
И участь земного тлена:
Распавшись на части и тайною став,
Смешаться со всею вселенной.

Я счастлив и рад, что от жизни былой
Останется главная истина в силе:
Я вечностью стану, я стану землей,
Земной драгоценною пылью.

КРУПИЦЫ

* * *

Верхушка говорила с похвальбою:
«Моя обитель — небо голубое.
А ты, о корень, житель подземелья». —
Но корень возмущился: «Пустомеля!
Как ты смешна мне со своею спесью:
Не я ль тебя вздымаю к поднебесью?»

* * *

Напомнила мошне тугой сума многострадальная:
«Не забывай, что мы с тобой родня, хотя и дальняя!»
«Будь ты полна, как я, сума,— мошна ей в тот же миг,—
Ты позабыла бы сама всех нищих горемык».

* * *

Керосиновая лампа гордо заявила плошке:
«Называть себя сестрою не позволю мелкой сошке».

Но едва луна успела в темном небе воцариться,
Низко наклонилась лампа: «Милости прошу, сестрица».

* * *

В расщелине стены, среди ночной прохлады,
Расцвел цветок. Ничьи не радовал он взгляды.
Его, безродного, убожеством корят,
А солнце говорит: «Как поживаешь, брат?»

* * *

«О, подлая земля!» — бранился червь в досаде,
Поэт разгневался: «Молчи ты, бога ради!
Пока земля тебя кормить не перестала,
Ругать ее тебе — ничтожный — не пристало!»

* * *

«Кем бы, о манго, мечтало ты стать?» — «Хоть на миг
Я превратиться мечтало бы в сладкий тростник». —
«Что ты нам скажешь на это, о сладкий тростник?» —
«Манго душистым мечтал бы я стать хоть на миг».

* * *

Ракета хвасталась: «Как я смела!
Чело звезды я пеплом замела».
Поэт сказал: «Не торжествуй победу:
Твой пепел за тобой летит по следу».

* * *

Увидев паденье звезды, рассмеялась лампада:
«Свалилась гордычка несносная... Так ей и надо!»
А ночь говорит ей: «Что ж, смейся, пока не погасла.
Ты, верно, забыла, что скоро кончается масло».

* * *

Нос издевался над ухом: «Лишенное нюха,
Серьги носить — вот и все, что умеешь ты, ухо!»
Ухо ему: «Ты не внемлешь разумным речам.
Только и знаешь ты, нос, что храпеть по ночам».

* * *

Стрела говорила тяжелой дубине:
«Напрасно ты так предаешься гордыне!
Проламывать головы ты мастерица,
Но грудь не пронзишь ты, могу поручиться».

* * *

Высокомерия полна тростинка:
Ею озеру дарована росинка.

* * *

«Кто ты, не раскрывающая рта?» —
Негромко вопрошает доброта.
И отвечает взор, чью лучезарность
Не помрачить слезам: «Я благодарность».

* * *

Откликается эхо на все, что услышит кругом:
Оказаться оно не желает ничьим должником.

* * *

Величья не достигший человек
Великого не умалит вовек.

* * *

«Не буду вытаскивать грязь», —
Рыбацкая сеть зареклась.
Но молвил хозяин сурово:
«Тогда не получишь улова».

* * *

Перед ошибками захлопываем дверь,
В смятенье истина: «Как я войду теперь?»

* * *

Повернетесь ли вы иль свернетесь в клубок —
Левым так и останется левый ваш бок.

* * *

«Ну и худа ты!» — глумилась дубина над тростью.
«Ну и толста ты!» — ей трость отвечала со злостью.

* * *

О пыль! Лишая чистоты,
Пятнаешь не себя ли ты?

* * *

Сияньем луна затопляет наш мир необъятный
И лишь для себя сохраняет все темные пятна.

* * *

Достойный спокойно идет с недостойным бок о бок,
А средний бредет стороною, запуган и робок.

* * *

Время сказало: «Я мир созидаю, что полон красоты». —
«Мы же тебя созидаем, о время», — сказали часы.

* * *

Властитель бескрайней страны говорит: «Я законы
И волею царской своей, наконец, справедливость издам —
создам». —
«Меня не создать, — говорит справедливость, — я вечна,
как свет.
В твоих же законах, о царь, справедливости нет».

* * *

Туче хвалы возносила пустыня:
«Чем отплачу за твою благостыню?»
Туча ответила шелестом струй:
«Счастье даренья мне вечно даруй!»

* * *

«Меня презирают, — туман
говорит, — оттого что я рядом.
А тучи — вдали и весь мир
озирают презрительным взглядом». —
«Нет, дело не в этом, — поэт
отвечает, — пойми, о туман,
Что тучи даруют нам дождь —
ты же только ввергаешь в обман».

* * *

Сказали ладони, что сложены чашей,
Хулителям: «Знайте, смирение наше —

И в том, что мы полною мерой берем,
И в том, что мы полною мерой даем».

* * *

«И для чего существуешь ты, море,— без трав и без нив?
Пляшешь себе на безбрежном просторе...»—«Да, нрав
мой ленив.
Все же гнушаться — запомни навеки — не следует мной:
Если б не я — кто б высасывал реки из груди земной».

* * *

Хотя с появлением солнца луна
Величье свое и теряет сполна,
Она говорит, не печалась ничуть:
«Склонюсь пред светилом взошедшим — и
в путь».

* * *

Слово промолвило грустно: «О дело!
Совестно мне, что я так пустотело».
Дело сказало: «Ну нет, без сомненья,
Рядом со мною ты полно значенья».

* * *

«Кто смелый, сумеет продолжить мое начинанье?»—
Воскликнуло солнце, скрываясь в вечернем тумане.
Безмолвствовал мир. Лишь дрожанием тусклого света
Ответила плошка: «Владыка! Я сделаю это».

* * *

Нашептывал берег, склоняясь к быстрине:
«Все счастье мое — на другой стороне».

И слышалось с той стороны, на лугу:
«Все счастье мое — на другом берегу».

* * *

«О плод! О плод! — кричит цветок. —
Скажи, где ты живешь, дружок?» —
«Ну что ж, — смеется плод, — смотри:
Я у тебя живу внутри».

* * *

«О, как я прозрачна! — вода зажурчала в стакане. —
Ты, темное море, со мной не сравнишься в
сверканье».

Речь маленькой истины для пониманья легка.
В великом безмолвии истина, что велика.

* * *

Стрела ликовала: «Вольна я, как птица.
А лук — мой хозяин — в неволе томится».
Но лук усмехнулся: «Запомни, стрела:
Ты волю в неволе моей обрела».

* * *

Проснулся малютка-цветок. И внезапно возник
Весь мир перед ним — как огромный прекрасный цветник.
И так он вселенной сказал, изумленно моргая:
«Пока я живу, поживи-ка и ты, дорогая».

* * *

Хвала и хула обратились к поэту:
«Кто друг твой, кто враг твой — скажи по
секрету». —

* * *

Промолвило солнце, услышав хулу и проклятья:
«Скажите, что делать, чтоб всем угодить без изъятия?»—
«Покинь небеса,— посоветовал бог не без желчи,—
И дело себе подыщи по возможности мельче».

* * *

Как веко и глаз неразлучны друг с другом,
Сплелись воедино работа с досугом.

* * *

Хочешь все поменять, но напрасны старания:
Остается все точно таким же, как ранее.
Если горести все уничтожишь ты — вскорости
Обратятся недавние радости в горести.

* * *

Смерть угрожает: «Сына я похищу».
Вор угрожает: «Твой карман очищу».—
«Честь отберу»,— грозит подлецу отпетый.
Но кто отнимет радость у поэта?

* * *

Дождем иссеченный, жасмин простонал:
«Погибаю!
Стрелюю сразила меня чья-то злоба слепая».
Весь мир орошает дождя животворная влага,
Но кой для кого обращается в худо и благо.

* * *

«Не ты ли,— спросил я однажды судьбину,—
Толкаешь меня так безжалостно в спину?»
Она прохрипела с усмешкою злою:
«Тебя погоняет твое же бывшее».

* * *

Земля говорила: «Весь день, дотемна,
Я взорам людским представала одна.
А ночью, когда я исчезла, во мраке
Зажглись мироздания яркие знаки».

* * *

Земля — чаровница. Она уверяла сначала:
«Любовь нас обоих на веки веков повенчала».
Когда же итоги я стал подбивать понемногу,
Сказала она: «Не пора ли, мой милый, в дорогу?»

* * *

Вселенная так рассуждала: «Поверьте,
О счастье и горе, рожденье и смерти
Всегда я толкую правдиво, понятно,
Но вы понимаете суть их превратно».

* * *

С началом запальчиво спорил конец.
«Я всякому делу, — кричал он, — венец!» —
«Да, верно, — начало ему отвечало, —
Однако я все начинаю сначала».

* * *

Ночь целовала уста уходящего дня
И повторяла: «Я смерть, но не бойся меня.
Ниспосылая опять и опять возрожденья.
Буду тебя обновлять, о дряхлеющий день, я».

* * *

Нет, ты не пустота, о смерть! Иначе
Погиб бы мир в стенаниях и плаче.

Исполнена великой доброты,
Баюкаешь весь мир в объятьях ты.

* * *

Хвалился зрением великолепным глаз,
Но горько зарыдал, как только свет погас.
И свету молвил он, забыв о похвальбе:
«Тебя я вижу лишь благодаря тебе».

* * *

Я лишь малая капелька света, что еле видна.
Все мерещится мне, будто я существую одна.
Но когда опускается веко, я вижу, за мной,
Изначальный, извечный, таишься ты, мрак
СМОЛЯНОЙ

* * *

Цветок промолвил: «Я увял, звезда».
А та: «Я закатилась навсегда».
Цветок небесный и цветок из чаши
Лежат в корзине ночи уходящей.

ИНДИЯ — ЛАКШМИ

О ты, чарующая людей,
Ты, о земля, сияющая в блеске солнца лучей,
великая Мать матерей,
Долы, омытые Индом шумящим, ветром —
лесные, дрожащие чаши,
С Гималайскою в небо летящей снежной короной своей.
В небе твоём солнце взошло впервые, впервые леса
услышали веды святые,
Впервые звучали легенды, песни живые, в домах твоих
и в лесах, в просторах полей;

Ты — вечно богатство цветущее наше, народам
дающая полную чашу,
Ты — Джамна и Ганга, нет краше, привольней, ты —
жизни нектар, молоко матерей!

ЦВЕТОК ТАМАРИНДА

Нет, я не много накопил сокровищ
За эту жизнь.
Они мне редко доставались.
Потерь я больше ведал, чем находок.
С протянутой рукою не стоял.
А в этом самом мире —
Оно цвело, сокровище, подобно
Красавице, простушке деревенской,
Закрыв лицо, презрев к себе презренье, —
Спокойный тамариндовый цветок.
Земля бедна, и дерево не в силах
Подняться в полный рост.
Его одетые листвою ветви
К земле приникли. Можно ли подумать,
Что к старости приблизилось оно?
Вблизи расцвел лимон. Нарядно рядом
Осыпан чампак множеством цветов.
Канчон цветет в углу. И посвященный
Цветам благоуханным курчи
Сарасвати обет свой соблюдает.
Мне ясен их язык. Не раз для разговора
Я позван ими был.
А только что мой слух
Почувствовал неясный шепот, слышный
Из-под опущенного покрывала. Вижу —
Из хижинки, на ветке тамаринда,
Глядит нераспустившийся цветок,
И нежно светится
И нежно пахнет,
И вьются письма по лепесткам.

Уже давно живет при нашем доме
Старинный тамаринд, знакомый с детства.
Как божество стоит он, как хранитель
Северо-западного края неба.

Он — как слуга, прижившийся в семье.
Он сверстник прадедов,
Свидетель многих
Рождений и поминок в этом доме,
Ученый брахман нашего семейства.
Кто им владел в прошедших поколениях?
Пожалуй, было больше
Имен опавших, чем опавших листьев.
О многих — память
Такая ж тень, как тень под тамариндом.
Здесь, у его корней, была конюшня,
Где стук копыт тревожил помещенье
Под черепичной крышей.
Но век езды на лошадях давно уж
С покрикиваньем конюхов остался
На берегу бывшего, вдалеке.
Умолкло ржание.
Картины века
Уже сверкают красками иными,
А борода, расчесанная гордо
Сардаром-кучером, с его походкой важной
Со всею пышной роскошью тех дней,
Навеки удалилась за кулисы,
Где декораций свалено старье.

В лучистом солнце, утром, к десяти
Ждала коляска здесь у тамаринда,
И отправляла в школу каждый день
С бессильной неохотой мальчугана,
Сквозь уличную шумную толпу.
И мальчуган теперь уже не тот —
Лицом, душой и положеньем в мире.
А тамаринд все тот же. Он молчит,
В себя ушедший, в созерцанье,
Не поводя и бровью на людей
С их вечно переменчивой судьбою.
Мне вспомнился один из дней.
Шел дождь.
От сумерек всю ночь, не затихая.
А утром — мутно,
Как в глазах безумца.

Ослепшая, без цели, бьется буря
Огромной птицей в клетке мирозданья
Крылами о невидимые прутья.
Вся улица заполнена водою.
Двор затопило.
Стоя на веранде,
Я вижу — с гневом смотрит в небо
Верхушка тамаринда, как отшельник,
Руками веток небо обличая.
Молчат дома, они остолбенели,
У них нет речи, чтоб ответить словом
На злодеяния небес.
И только
В движеньях листьев тамаринда было
Разгневанное восклицанье, было
Проклятье дерзкое — среди оцепеневших
Кирпичных стен, он представлял один
На кругозоре бледном от дождя,
Великий лес...

Казалось мне, что тамаринд — привратник
Наружных врат весны — царя времен.
И кто бы мог в то время догадаться,
Что под корою грубой великана
Таится нежность красоты? .
О, если б я, поэт, тогда подросток,
Постигнуть мог в какое-то мгновенье,
Как этот старец молодостью пьян,—
Я, может быть,
Однажды, юным утром,
Встревоженным жужжанием пчелы,
Сорвал бы грозди нежные цветов
И пальцами дрожащими подвесил
На радостно зардевшееся ухо,
Ты знаешь — чье.
И если б ты: «Как звать цветок?» —

спросила,

Я бы ответил:
«Теплый отблеск солнца
Сейчас упал тебе на подбородок.
Найди ему какое-нибудь имя —
Я назову тем именем цветок».

ШАМОЛИ

О Шамоли!
В срабон, в дождливый месяц,
Твой подведенный черным взор подобен.
Раздумью на ресницах молчаливой
Бенгальской девушки.

Твоя земля сегодня
Стихи травы слагает
Зеленой речью
В ответ на дождевую речь небес.
Твой лес оделся в облака листвы,
Взывают к облакам деревья, руки подняв:
«О вы,
Взнуздавшие восточный ветер,
Помедлите, о вы!»

Под придорожным деревом твое жилище,
О Шамоли,
Кочевница, отвергнутая всеми.
Разрушив свой шалаш, ты в беззаботный путь
Выходишь налегке, мгновенно обеднев.
Влюбленного в тебя
Не связываешь ты — пола с полою брачной.
И, выходя из спальни первой ночи,
Он даже не оглянется на дверь.
Я хижину для нас слепил из глины,
С надеждой быть с тобой наедине
За слабой, ненадежною оградой.
В то утро пели птицы.
Они не строят клеток.
Гнездо — что вить, что покидать — легко им
Весною — здесь, порой дождей — в лесу.

Недавно, на рассвете вместе с ветром
Захлопали в ладоши листья леса.
Сегодня — пляска.
Завтра — в пыль листвою.
Они на то не жалуются даже.
Они — глашатаи в весеннем царстве.
Сегодня — трудятся, а завтра — прочь!

Все эти дни шел разговор с тобою
Лицом к лицу.
С глазу на глаз сегодня ты сказала:
«Пора! Бросай жилье и уходи!»
А я не создал прочных стен.
Я — камнем
Не выложил своей мольбы у входа.
На зыбкой почве хижину поставил,
На оползне, размытом половодьем,
Ее совсем разрушит скоро месяц
Дождей — срабон.
И я уйду.
День расставания меня не ранит,
И будет петь, хвостом качая, птица дронго
Над хижинкой разрушенной моей.
О Шамоли! Одну и ту же песню
Выводит твоя флейта,
Что в первый, что в последний день.

ИСКРЫ

* * *

С зарею берега ночного
примчалось утреннее слово.
И мир проснулся освеженный,
оградой света окруженный.

* * *

Ради пищи на поле
люди плугом пишат каракули
и выводят их острием пера
ради добра,
пищи духовной ради
в тетради.

* * *

На небе облака
рисуют письмена
и, столько написав,
не ставят имена.

* * *

Безмолвно меркнет под землей
небесный свет,
но обращается весной
в чудесный цвет.

* * *

Цветок красоту свою
не сознает:
что легко получил,
легко отдает.

* * *

Царит извечно темнота,
в своих покоях заперта,
А ты глаза на мир открой —
и вечный день перед тобой.

* * *

Я пришел, надеждой себя озарив,
и ушел, любовью своей одарив.

* * *

«Иди ко мне», — поет
рассветная звезда.
И ей светильник вял:
угаснул навсегда.

* * *

«Купим слова! Купим слова!» — вопят
на базаре словес.
Бегут продавать стар и млад
словеса на вес.
Коли есть в душе твоей слово, брат,
Не тащи его в шумный торговый ряд,
а в молчанье прячь под навес.

* * *

Не всем доступен лотос меж берегами,
среди опасной синевы.
Но всем доступна под ногами
услужливость простой травы.

* * *

Говорит звезда: «Зажгу свет, замерцаю,
а рассею мглу или нет —
не знаю».

* * *

Туча, созвездья прикрыв,
думает, что победила.
Тучу развеял порыв
ветра, но вечны светила.

* * *

Как скопить, что́ взять,
кто даст, что́ даст,—
твердим сто раз
кто во что горазд.
А что отдать
в свой смертный час,—
подумал ли
любой из нас?

* * *

Поэму пишут ливни летних дней
в листве древесной.
Слетит листва — и вместе с ней
весь прах словесный.

* * *

Все загражденья на пути хожденья,
запутанные тропы, заблужденья
терзают нас во дни блужданья.
Но с каждым шагом крепче натяженье
на струнах вины расстоянья.
И если ритм страдания творит
ту радость, что превыше бед стоит,—
тогда родится песнопенье.

* * *

Смотрит морская волна
на солнце в зените:
«Эй, кто-нибудь, этот шарик
ко мне притяните!»

* * *

Звезды что-то шепчут ночью
на́ ухо друг другу.
Их слова цветут потом
по́ лесу и лугу.

* * *

Мятущиеся души берегов — две разделенные пустыни,
и море — песнь бездонной боли — посредине.

* * *

Ты не справился даже с тем,
что досталось само собой.
Как ты справишься, получив
все, желаемое тобой?

* * *

Старых времен перо в руки берем,
пишем в тетради новых времен старым пером.
Юный поэт ночной порой, не смыкая глаз,
имя свое пишет по-разному тысячу раз;
Старое с новым пытаюсь словом соединять,
пишет каляки и размаляки в эту тетрадь

* * *

Пускай, купаясь в аромате,
очнется утренний цветок.
Да будет счастлив на закате
его плода сладчайший сок.

* * *

Радость любви
малый миг снится.
Горе любви
целый век длится.

* * *

Большое дело само несет
свой тяжкий груз,
большое горе в себе самом
смиряет грусть,
а мелких дел, потерь, обид
так груз тяжел,
что надрывается душа
от этих вол.

* * *

Пройдя за много дней по множеству дорог,
по множеству округ со множеством тревог,
я разглядел и горные вершины,
и океанские пучины,
но я не разглядел близ хижины моей
того, что стóит гор или морей:
росинки малой на цветке,
сверкающей невдалеке.

* * *

Ветер спросил: «Лотос, скажи,
в чем твоя суть тайная?»
Лотос сказал: «В том моя суть,
что для себя — тайна я».

* * *

Всевышний уважал меня,
покуда бунтовать я мог,
когда ж я пал к его ногам,
он мною пренебрег.

* * *

В час радостной встречи
скажи — почему
катятся слезы
по лицу твоему,
а в день расставанья,
когда плачут сердца,
я видел улыбку
твоего лица.

* * *

Мгновенье улетает
бесследно, навсегда,
но и оно мечтает
не кануть без следа.

* * *

Жизнь, которую можно
со смертью соизмерить,
в этом мире бессмертном
побеждает смерть.

* * *

Вход и выход — в те же самые ворота,
знаешь ли про это ты, слепой?
Если преграждают путь ухода,
путь для входа заперт пред тобой.

* * *

Не удастся труженику
выуживать жемчужинку
в му́ке.
До времени лежит она
и вдруг неожиданно
дается в руки.

* * *

Корень думает: «Я умен,
как глупа ветка с листьями,
перегной — это хорошо,
а лучи — это бессмысленно».

* * *

Напрасно нищий по миру
с пустой сумой бредет.
Когда всего себя раздаст,
все для себя он обретет.

* * *

Войну, где восстает на брата брат,
всевышний проклянет стократ.

* * *

С улыбкою рассветная звезда
вписала, радостью согрета,
в последнюю страницу тьмы
приветственную песнь рассвета.

ИЗ КНИГИ «САД ПЕСЕН»

* * *

Во тьме, у истока времен занимался рассвет.
Измучась молчаньем за тысячи лет,
Земля вопрошала: «Когда, одолев немоту,
я голос живой обрету?»

Приди, словно солнце, поэт, ради жизни приди —
рождается утро, и огненный день впереди,
и песни, и свежие ритмы опять
готовы звучать
рассвету вослед,
и небо омыто росой,
и рушится сумрак пустой,
и властвует свет.

Приди, и да снова звучит, западая в сердца,
твой зов, твоя песня во славу творца,
несущего свет новизны,
того, кто на землю приносит тепло
и смотрит светло
на толпы людей с вышины,
того, кто вручает свои письма
тебе, одинокий поэт,
и снова душа твоя потрясена,
охвачен болью разлуки и бед,

но воздухом благоуханным
свободная песня полна,
и тронута светом багряным
небесная голубизна.

* * *

Пусть никто тебя не слышит,
все молчит, почти не дышит,
ты один — иди вперед!
Если страх законы пишет,
всех отчаянье берет,
ты один — иди вперед!

Говори открыто, внятно
все, что на душу легло,
все, что сердце обожгло.
Время движется обратно,
боязливо ждет народ...
Ты один -- иди вперед!

Тяжела дорога в гору —
окровавлены ступни.
Ночь. Погашены огни —
вся земля закрыта взору.
Если молния сверкнет —
пусть ударит в сердце прямо,
и в груди зажжется пламя!
Ты один — иди вперед!

* * *

Прятаться, таиться в трудный час не буду,
умирать от страха каждый раз не буду.
Правя лодкой старой,
перед бурей яркой
падать ниц, сдаваться, не борясь, не буду.
Унижаться, жить, склонив чело, не буду!
Примиряться с вами, грязь и зло, не буду!
Выйду в путь далекий,
честный и нелегкий —
беда одолею, долг — не позабуду!

* * *

Кого ты наполнишь силой,
если сам ослабел?
Проснись от спячки унылой,
будь упорен и смел.
Себя побеждай, не бойся
сражаться с самим собой.
Вселенная отзовется
по-братски на голос твой.
Иди, отважен и стоек.
В дороге беды грозят,
но ты не страшись. Не стоит
оглядываться назад.
Страх — не зло мировое.
Он у тебя в груди.
Но ты по собственной воле
сам его победи!

* * *

Взгляни на ближних — сколько лиц печальных!
А как мрачны и скорбны лица дальних...
Не падай духом, брат, не отрекайся
от замыслов своих первоначальных.
Одна дорога у тебя, мой брат,
спеши, не поворачивай назад,
верши свое и не служи чужому,
не бойся осуждения и преград.

* * *

Не будем медлить, за руки возьмемся,
своей дорогой к счастью доберемся.
Смелее прямо — и к воротам храма!
Открыта дверь — к святыне прикоснемся.
Вот мы во храме с лучшими дарами,
себя забыв, молитве отдаемся.
Мы не таимся, смерти не боимся,
все отдаем — собою остаемся!

* * *

Пусть музыка с небесной высоты
прольется радостью животворящей.
На вспыхнувший восток посмотришь ты
и позовешь: «Вставай, беспечно спящий!»
Уходит ночь, и первые цветы
распахнуты, и птицы на рассвете
гремят, и ароматом полон ветер.
Уже лучами утренней звезды
окрашен горизонт, и солнце мчится
к зениту на багряной колеснице.
Вставай, и к людям! Вместе — я и ты!
Не погружайся в сонные мечты,
пора от обольщений излечиться,
уйти от лени и от суеты,
и выбросить старье, и облачиться
в одежду правды, силы, чистоты!

* * *

Встала новая заря —
пламенеет небосвод.
Не теряй минуты зря,
не пытайся наперед
предугадывать исход.
Брось расчеты — жизнь зовет.
Водопад с отвесной кручи
вниз бросается, кипучий.
Так и ты дерзай. Вперед,
в мир неведомый и жгучий —
без унылых опасений, и сомнений, и забот.
Пусть преграды нарастают, но и мужество растет.
Ты свои познаешь силы,
побеждая мрак постылый.
Барабан победы бьет.
Время не теряй — вперед!

* * *

Ты нелюдим, всегда один, и злишься ты по пустякам.
На лицах всех читаешь смех, а виноват ты сам.

Страх и смятение в твоей крови,
с ними расстанься и вольно живи —
счастье догонишь, изловишь.
Ох, захмелела моя душа,
кружится, пляшет, легка, хороша —
разве ее остановишь?

* * *

В океане веселья сегодня большая волна,
нашу грузную лодку легко раскачала она.
Если будешь отважен,
мы вместе на весла наляжем,
поплывем даже рядом со смертью, что нам суждена.
Чтобы нас не пустить, удержать,
кто кричит: «Поворачивай вспять!»,
нагоняет испуг,
вопрошая трусливо: «А вдруг?»...
Ты не слушай его, наши души изныли на суше.
Паруса разворачивай, песню подхватывай, друг!

* * *

Сокрушите плотину, друзья, сокрушите плотину!
Наши души и наши сердца пробудятся, покинув
вековую тюрьму, и в засохшее русло реки
хлынут воды преградам любимым вопреки.
Пойте песню побед и свобод!
Обветшалое старое пусть уплывет,
и печаль, и усталая грусть уплывет,
как вода, навсегда уплывет, навсегда уплывет.
Все мы слышим: не бойся, не бойся, не бойся!
Отступи, неизвестность! Проснись, беспокойство!
Торопите себя, предстоящему веря!
Распахните закрытые двери!

* * *

Я на воду лодку свою не спустил — не успел.
К другим берегам не ушел, не уплыл — не успел.

Сажу у реки, ничего не хочу, одинокий.
Вы в повозке уехали в город далекий —
звук торопливых колес
радости нам не принес.
Что остается? Лодку вести
сквозь поток этот мутный?
Может быть, ночью смогу обрести
ветер попутный?
Может быть — жду и надеюсь в ночной тишине —
лодочник с той стороны доберется ко мне...

* * *

Место бойца опустело —
храбрый, займи его смело.
Слышу, земля загудела —
в небе запела труба.
Солнце по воздуху мчится
на огневой колеснице.
Время победы добиться —
неотвратима борьба.
В вере нетленной — опора.
Голос вселенной — опора,
друг неизменный — опора
воина в смертном бою.
Вспыхнула молния бога,
видишь — опасна дорога.
Но ни испуг, ни тревога
душу не тронут твою!

* * *

Не бойся, не бойся, не бойся никого!
Гони беспокойство из сердца своего!
Смелость рождая, смерть побеждая,
крепнет живая сила души.
Старые пути свои разрывая,
не уставая, кружись и пляши!

* * *

Выше горькую голову, вместе — в дорогу.
Ни к чему невеселые вести в дорогу.
Время с ярмарки ехать — не жалко тебе хоть,
что потеха не радует, что не до смеха
нам теперь, что плетемся домой понемногу?
Попрошайка, кого ты зовешь, дурачок?
Ты играешь нестройно, поешь ты неважно.
Ночь темна и беззвездна, и путь наш далек,
и над нами хозяева — голод и жажда.

* * *

Неужели надменный настолько силен,
что сумеет низвергнуть закон
и, судьбы обрывая священную нить,
сможет миловать или казнить?
Неужели осмелится он
нас веками держать под гнетом?
Нет! Озлобен и напряжен,
этой силы в себе не найдет он.
Как бы темная власть ни была велика,
но отыщется сила и у бедняка.
И хотя нам приходится трудно,
вражья гибель близка —
под грузом греха
потонет пиратское судно!

* * *

Чем крепче затянуты узы, тем раньше порвутся они.
Чужие глаза беспощадны — без трепета в них загляни,
без трепета в них загляни.
Твори неотложное дело, забудь бесполезные дни,
забудь бесполезные дни.
Чем больше враги свирепеют, тем раньше мы
встанем от сна,
тем раньше мы встанем от сна.
Они разрушают и губят, мы строим с утра дотемна,
У них — бессердечная старость,
у нас — молодая весна.

Надежда высокая с нами, хозяйка небес и земли,
хозяйка небес и земли.
А их нечестивое знамя истлеет в дорожной пыли,
истлеет в дорожной пыли!

* * *

Костер погребальный, гори
всю ночь до зари!
Гори до утра,
огонь живого костра!
Девочка стала вдовой —
ее сжигают живой.
Болью дыша,
уходит из тела душа.
Злые безумцы, в огненном треске и вое
вспыхнуло сердце живое.

К богу возносится пламя,
зажженное вами.
К богу огонь долетает крылатый —
вам не уйти от расплаты!

Мир бесконечный, и звезды небес, и луна!
Пламенем этим вселенная оскорблена.
В праведном гнев
прямо на небе
о злодеяньях земном
пишите огнем!

Злые безумцы! Во власти огня,
верная мужу вдова молодая,
гибнет; обычаи ваши храня,
тело и душу костру отдавая!

* * *

Печальная вина, старинную песню напомни —
и душу мою сновиденьем забытым наполни.
Напомни ушедшее время, далекое ныне —
как славно ты пела у Лакшми в руках, у богини,

и песни звучали открыто и мир обнимали,
и тихо тебе Гималайские горы внимали.
«Рамаяна» и «Махабхарата» — славные дети.
Ты их родила и взрастила для тысячелетий.
А ныне ты в страхе живешь и с бедой неразлучна,
не радуешь нас, не поешь, только плачешь

беззвучно.

— Да, плачу тайком, боязливо — не смею иначе.
Как будто дитя мое может проснуться от плача.
Я вина печальная, знаю, прошло мое время —
молчу, вспоминаю былое, покинута всеми.
А прежде — сыны мои кровь отдавали,
не зная покоя,
Чтоб слезы мои не бежали
горючей рекою.

* * *

Я все пути и в дождь, и в зной
прошел в родном краю,
и всюду о тебе, родной,
я помню и пою.
В степи, в трущобах городов
и в зарослях лесных
я днем и ночью петь готов
о горестях твоих.
Пою, чтоб тысячи сердец
услышали меня,
чтоб прокатился, наконец,
сквозь них поток огня,
и души тронула гроза,
и в небе грянул гром —
и наши вспыхнули глаза
негаснущим огнем.
Мой друг, отныне без тебя
я пуст, и счастья нет.
Отныне ты — моя семья,
ты — мой очаг и свет.
Твоя беда — моя беда,
моя звезда — с тобой.
С тобой отныне навсегда
и праздник мой и боль.

В лицо твое гляжу, гляжу,
как будто ты — я сам.
Тобой, как ветром, я дышу,
всю кровь тебе отдам!

* * *

Жизнь отдаю, и оружие, и душу, и тело,
сердце и руки свои — для правого дела.
Плачу твоими слезами, песни твои повторяю,
двери твоей тюрьмы рывком отворяю.
Пусть моя кровь до последней капли прольется,
смоет с тебя страданье, позор и грязь.
Голос вины моей к твоему ребенку пробьется —
он на рассвете проснется,
выйдет на свет, ничего не боясь!

* * *

Тысячу наших сердец, тысячу жизней
соединим, отдадим только отчизне!
Наши молитвы — тебе, родина-мать!
Преодолеют тысячу бед и препятствий
мужество и единенье, отвага и братство!
Наши молитвы — тебе, родина-мать!
Будем бесстрашно стоять и упорно
против любого ветра и шторма!
Рвутся, как нити, бранные жизни,—
но никогда не порвать
узы, что нас привязали к отчизне!
Наши молитвы — тебе, родина-мать!

* * *

Кто на детей своих снова и снова
смотрит с надеждой, ждет хоть бы слова?
Ты, моя мать!
Кто ты, что молча стоишь среди тьмы,
плачешь, обиженная детьми?
Ты, моя мать!

Кто их растила, кормила, поила?
Кто, позабытая, их не забыла?
Ты, моя мать!
Кто днем и ночью гостей ожидает,
кто равнодушных детей ожидает?
Ты, моя мать!

* * *

Давайте вместе соберемся, сойдемся отовсюду,
объединимся, прикоснемся к единственному чуду:
порвем оковы и в объятия родимые рванемся —
как сыновья, а не сироты, мы к матери вернемся!
Мы все равны перед отчизной — индусы,
мусульмане.
Мы — миллионы душ и жизней, мы — капли
в океане!
На зов проснемся, отвернемся от суеты своей:
земля святая, мать родная скликает сыновей!

* * *

Брат мой! Не бойся грядущей беды.
Мы не сдадимся, не будем в неволе,
и не изгладятся наши следы,
и затоптать мы себя не позволим.
Будет беда, и нужда, и вражда,
будет дорога печали и боли.
Бросить без помощи мы не позволим
друга и брата в беде — никогда!

* * *

Ты не нужна им, мы это знаем,
не нужна им родная мать —
ничем не пожертвуют, родная,
и тебя не желают знать.
А ты всегда им дарила щедро
воды Ганга, земли и недра,

нашу веру и наше знание,
и созвездья нашего неба,
и святые наши сказанья,
и живые колосья хлеба.
Что они отдадут тебе?
Ничего! Только гору лжи.
Спрячь и слезы, и боль во тьме
горьких глаз и на дне души.
Спрячь лицо свое от стыда —
выкинь из памяти навсегда
лживых, бесчувственных, пустых,
что не смеют тебе помочь.
В небо взгляни — гаснут огни...
Прочь, долгая ночь!

* * *

Если вы позовете: «ма»,
обновится земля сама,
с древних гор, с любого холма
ливень каменный грянет.
Больше нет на свете чужих,
и пусть молния пробежит
по сердцам, и каждый, кто жив,
братьям руки протянет.

Если вы позовете: «ма»,
дрогнет мир и отступит тьма.
Пламя сердца, глаз и ума
расцветет, не увянет.
Солнце яркое в вышине
возвестит и тебе, и мне:
не в легендах и не во сне
это время настанет.

Если вы позовете: «ма»,
братья, рухнет наша тюрьма.
Ветры, тучи, дожди, грома —
вся природа восстанет,
чтобы в бурях растаял след
безотрадно прожитых лет.
И над нами истинный свет
негасимо воспрянет!

* * *

Индия, слушай мою сыновнюю песню,
славлю, пою, за тебя стою с братьями вместе.
Тебя воспоем, тебе отдаем тела и сердца,
и силу любви, и жизни свои — тебе до конца.
Все, чем богаты, станет твоим.
Нужду и достаток — не утаим.
Не в золотом сосуде, не на роскошном блюде —
в деревянной посуде жертву тебе творим!
Беды оставим в прошлом. Ныне, в священный час
пыль на твоих подошвах да осчастливит нас!

Дай же нам свет, великий аскет.
В руках у тебя подаянье —
дороже сокровища нет!
Краше наряда любого — твое одеянье.
Грозное слово — твое достоянье.
Смелой душою сбросим чужое, твой выполняя завет!
В нищей суме — богатство, в тихой мольбе — пожар,
и отвага, и братство, и бессмертия дар.
Дай же нам новую жизнь,
вольную, полную света, долю царя и аскета!
Прах попирая, страх покоряя, ринемся ввысь!

* * *

Истину ищем, истины чаем,
истине души свои вручаем.
Слава истине, слава!
Истиной живы, истину слышим,
истине молимся, истиной дышим.
Слава истине, слава!
Встретив беду, мы пощады не просим —
ложные мысли отбросим!
Нищими станем, голодными станем —
к делу неправедному не пристанем!
Молча на плаху мы ляжем —
лживого слова не скажем!
Слава истине, слава!
Всем мы пожертвуем ныне
нашему делу — святыне.
Делу достойному слава!

Свечи поставим, плечи расправим,
дело святое прославим.
Делу священному слава!
Встретив беду, мы пощады не просим —
ложные мысли отбросим!
Нищими станем, голодными станем —
к делу неправедному не пристанем!
Молча на плаху мы ляжем —
лживого слова не скажем!
Делу правдивому слава!

Преодолеем неведомый страх мы
именем Брахмы.
Что неизбежно, то совершится.
Стоит ли жизни страшиться?
Брахме бессмертному слава!
Встретив беду, мы пощады не просим —
страхи отбросим!
Нищими станем, голодными станем —
страхи оставим!
Смертная тьма приближается к людям —
страхи забудем!
Брахме всесильному слава!

В море веселья душой окунемся,
к жизни проснемся!
Радости слава!
Радость на грешной земле обитает,
к небу взлетает.
Радости слава!
Радость в сердцах, радость везде,
даже в печали, даже в беде,
даже в разлуке, в горе и в муке.
Радости слава!

(1899—1976)

МЕНЯ ПОЭТОМ
СДЕЛАЛА ЛЮБОВЬ

Меня поэтом сделала любовь.
Как зеркало, моя любая песня
тебя лишь повторяет вновь и вновь.

И небо ночи, и светило дня,
и луч рассвета, и звезда заката,
влюбленного, приветствуют меня.

Восходит солнце — огненный тюльпан,
и ветер мне протягивает руку,
и бьет прибоем пенный океан.

Все это — ты. Горит моя душа.
Рождаются молитвы и поэмы.
Живу, твоим дыханием дыша.

Ты вся — от красной капельки на лбу
и до ножных браслетов — совершенство.
Приди ко мне — откликнись на мольбу!

Меня поэтом сделала любовь.
Как зеркало, моя любая песня
тебя лишь повторяет вновь и вновь.

НА ПРАЗДНИКЕ ЦВЕТОВ

Что ты молчишь на празднике цветов?
Твое лицо печально на рассвете,
и над тобою всхлипывает ветер.
Что ты молчишь на празднике цветов?

Возьми скорее вину; радость в ней
таится до поры в певучих недрах.
Ударь по струнам, переполни небо
и землю светлой музыкой своей.

Возлюбленная бросила тебя?
Вчера ушла? Ну что ж! Вернется завтра.
Так почему твой взор слезами застлан?
Живешь, пренебрежение терпя.

Расстанься с ней — душа оскорблена.
Забудь ее — потеря возместима.
Восходит солнце — новое светило,
уходит прочь поблекшая луна.

БЕЗЫМЯННАЯ

Приди ко мне, венец моих желаний.
Ты жажду жизни вызвала в груди.
Заря моих надежд и ожиданий,
ни разу не пришедшая, приди.
Неведомая, тайная невеста,
согнавшая дремоту с бытия,
далекой, безымянной, неизвестной,
тебе — любовь и преданность моя.

Всего меня захватывает властно
одно желанье силою живой:
чтоб стала ты не призраком, не сказкой,
не вымыслом, а женщиной, женой.
Пусть радости светильник загорится
в моей лачуге — этим я живу.
О безграничность, обрети границы!
Извечный сон, рождайся наяву!
Невеста-невидимка, ты забыла

ко мне прийти как верная жена.
В мою мечту хозяйкой ты вступила —
войди же в дом, живи и будь верна.
Лоза, тростинка, завязь винограда,
когда ж ты станешь чашею с вином?
Моя находка и моя награда,
не становись неуловимым сном!
Мираж, туман, которым я дышу,
далекая, — когда ж ты станешь ближе?
О, подойди ко мне, о, подойди же!
Тебе любые жертвы приношу!

Ты — солнца дочь, ты тьму переломила,
стократ рождаясь чудом из чудес.
Я в образах страдающего мира
тебя ищу под пологом небес.
Но жажду сердца ты не утоляешь,
омытая рыданиями разлук.
Как бога Индры напряженный лук,
звеня под ветром, душу похищаешь.
Меня молчаньем искушаешь ты.
Меня печалью иссушаешь ты.
Сливаясь с горизонтом отдаленным,
неуловимо исчезаешь ты.
Живущая в таинственной дали,
меня прикосновеньем одари!
Я по Вселенной за тобой кочую.
Дай отдохнуть и жажду утоли!
Во мне пылает, не ослабевая,
неутолимый голод молодой.
Моя душа — желаний кладовая,
моя душа — наполнена тобой.
Рожденный в этом мире безучастном,
где нас беда сражает наповал,
целую все, что кажется прекрасным,
прекрасным вижу все, что целовал.
Меня сжигают огненные звуки,
меня блаженством пронизала дрожь.
И вот соприкоснулись наши руки
и ты свои мне губы отдаешь!
Бессонны эти ночи до рассвета,
и ветер поцелуями пропах,

безудержными теми, что у смертных
рождаются и зреют на губах.

Во мне нерастворившаяся ревность
всплывает и становится острей,
сливаясь с вождельнями деревьев,
лиан и птиц, растений и зверей.
Устами всех людей тебя целую.
За всю Вселенную скорбя, целую.
И, растворяясь, исчезает ревность,
когда твое лицо, любя, целую.
За всех — и за обманутых любовью,
и за вкусивших радость бытия, —
тебя за всех живущих, за любого,
за каждого из них целую я.

В тот день, когда в создателе окрепла
творящая, безудержная мысль,
возникли мы из хаоса, из пепла,
и ожили, и пламенем зажглись.
Ты найдена. Искал я не напрасно.
Теперь любовью сердце истязай.
Напиток жизни, воплощенье страсти,
не исчезай, как тень, не исчезай!
Пусть исчезаешь — но во мне желанье
все повторить осталось. Почему?
Ты стала краше, ты на расстоянье
еще дороже сердцу моему.
В груди жены ты поселилась, стала
улыбкой и слезой жены моей.
Ты обитаешь и во мне и в ней,
как в вечности туманной обитала.
Ты воплощаешься в моей любимой,
перенимаешь все ее черты,
перестаешь быть смутной и незримой...
Но неужели, правда, это ты?
И снова сердце спрашивает, снова:
где подлинная ты? О, приходи!
Произнеси единственное слово
и снова жажду вызови в груди.
И пусть любовь — напиток вечный,
древний
а наша жизнь — лишь временный сосуд.

из зерен страсти вырастут деревья
и над землею кроны вознесут,
и пусть шумит зеленая, живая
ветвей и листьев юная краса,
и птицы наших яростных желаний
пусть крыльями закроют небеса!

Любовь одна, но чаш любовных много,
Я пью, и жаждой скована душа.
Бессмертное я вырву у земного,
любой непрочной чашей дорожа.
В любом лице я узнаю тебя,
всегда искать не устаю тебя.
До опьянения из каждой чаши,
не зная утоленья, пью тебя!
Ужель творенье сил незримых — ты,
сплетенье снов неповторимых — ты?
Нет, ты в любой из тех, кого целуют.
Любая из моих любимых — ты!
В бесчисленные чаши лью тебя,
губам прильнувшим отдаю тебя.
И нахожу тебя в любом сосуде
и сотнями желаний пью тебя!

РОБКАЯ

Ты, опустив глаза, проходишь мимо.
Ты в храм идешь, одна, невозмутима.
Еще недавно с куклой ты возилась
в укромном дальнем уголке двора,
с ней засыпала, и тебе не снилось,
что есть иная, взрослая игра.
Игра с огнем, всерьез. И ты смогла
ее начать одним коротким взглядом,
когда со мной ты очутилась рядом —
и вспыхнула сама и обожгла.

Ты, опустив глаза, проходишь мимо,
не смотришь, не даришь улыбки милой.
Ресницы длинные дрожат и бьются —
так у пруда качается камыш.
Я знаю, почему ты не глядишь,
спешишь пройти, не смеешь обернуться.

Ты знаешь, как встречаются глаза.
Спасенья нет, и нет пути назад.
Как будто в омут с берега реки
бросаешься в раскрытые зрачки.
Ресницы — вниз! Не говоришь ни слова.
Глаза поднимешь — и с обрыва снова.

Нет никого вокруг. Дрожащий мир
бесцветен, зыбок, словно привиденье.
Укрой меня ресницами, как тенью,
иначе я ослепну в тот же миг!

Ты, опустив глаза, проходишь мимо.
Тебе открыты все соблазны мира.
Лианы-змеи тянутся к тебе,
когда идешь по узенькой тропе.

Какие зовы в сердце отдаются?
Куда тебя заманивает тишь?
Я знаю, почему ты не глядишь,
спешишь пройти, не смеешь обернуться.

А я стою один. Твоя краса лишь
меня томит, и вся душа в огне.
Ты рвешь цветы и лепестки бросаешь,
не оборачиваешься ко мне.

Горят гранаты щек, горят глаза.
В твоей крови как будто рой пчелиный.
С какой-то силой непреодолимой
в тебе поют хмельные голоса.

Мужчина дерзок — спрячься, схоронись!
Мужчина груб! — тебе внушали с детства.
Твои глаза хранят горячий свет свой
под синевой опущенных ресниц.

Плетешь венок и лепестки роняешь —
они покорно падают у ног...

И сердце может вянуть, как веноч,—
ты молода, ты этого не знаешь...

Я знаю, почему ты так робка
и почему дрожит твоя рука,
и грудь трепещет, и на смуглой шее
ни одного не видно украшенья.

Так женщина рождается несмело —
душа взрослеет, прозревает тело.
Так созревает лучшая из женщин —
так прорастает в раковине жемчуг.

Из ручейка рождается река,
а роща — из зеленого ростка.
Ты, опустив глаза, проходишь мимо.
Я знаю, почему ты так робка...

МОЯ ЛЮБОВЬ

Приходи и моей оставайся во имя любви.
Изукрашу созвездьями черные косы твои,
подарю золотую серьгу — молодую луну.
Только ты приходи, только милым меня назови.

Только ты приходи, я всегда тебя жду, я готов,
приходи — я забуду безумье протекших годов,
и слетит с моих пальцев на смуглую шею к тебе
лебединая стая — гирлянда из белых цветов.

Я сандаловый запах и лунного света поток
воедино смешаю, к тебе принесу на порог.
Я у радуги пестрой пурпурную краску возьму —
пригодится она, чтоб окрасить ступни
твоих ног.

Только ты приходи, оставайся во имя любви.
Приходи! Без тебя задыхаются песни мои.
Только ты приходи! Для тебя — переливы зарниц.
Приходи! Для тебя разольются мои соловьи.

ЛЕСНАЯ ТРОПА

Что ты ходишь одна
по лесной одинокой тропе?
Распустились цветы,
и кивают, и машут тебе,
но когда мимо зарослей
медленно движешься ты,
твои волосы пахнут
нежнее, чем эти цветы,
и от зависти
розовый куст потускнел и зачах,
и запутался ветер
в твоих непроглядных очах,
и цветы, что растут
у обочин на самом краю,
уронили свои лепестки
на тропинку твою.
На плечах твоих сумрак лежит —
серебристый венок,
и багрянец заката
раскрасил ступни твоих ног,
и луна молодая пляшет,
улыбаясь тебе.
Что ты ходишь одна
по лесной одинокой тропе?..

ВЗГЛЯНУ — И РОЗА БОЛЬШЕ НЕ СМЕЕТСЯ

Взгляну — и роза больше не смеется.
Заговорю — все мелко, все неясно,
и музыка во мне слабеет, гаснет,
и сердце глуше, медленнее бьется.

Луна зашла — ее не видно, юной.
Ослепло небо — ни зарниц, ни молний.
Уже весной пахнет ветер южный,
но соловьи весенние безмолвны.

А дикie соцветья по оврагам
не пляшут, не звенят при лунном свете.

и ночь тебя захлестывает мраком,
и волосы твои лохматит ветер.

И кажется, что все непоправимо.
И стало сердце выжженным и старым,
и тлеет кровь, и жизнь проходит мимо,
и дни плетутся молчаливым стадом.

ИЩУ ТЕБЯ

Ищу тебя, зову, всегда — в дороге.
Ищу тебя — начало всех начал,
и отзвуки твоих шагов далеких
ловлю и различаю по ночам.

Подобная пылающей звезде,
ты в сны мои врываешься отважно,
Я — птица, изнемогшая от жажды,
в иссохшем небе грежу о воде.

Ты — свет во мраке моего сознания,
и туча, орошающая сад,
и отдаленной молнии сверканье
и тишина, и громовой раскат.

Ты — оправданье тяжелого пути.
Тебе сплетаю лучшую гирлянду.
Тебе одной я предан безоглядно.
Тебя ищу — и не могу найти.

НАДЕЖДА

Быть может, я тебя найду
за дальним горизонтом,
где наклонились небеса
над кронами деревьев.
Быть может, я тебя найду
одну в саду зеленом,
среди цветов, среди плодов,
в заброшенной деревне.

Быть может, я тебя найду
на поле опустелом,
у тихой заводи пруда,
что дремлет, недвижимый.
И ты придешь меня обнять
объятьем неумелым,
и улыбнешься, и вздохнешь,
и скажешь: «Мой любимый!»

Под небесами, в тишине
сплетутся наши руки,
И пусть горят твои глаза,
и щеки розовеют.
А теплый ветер налетит
и память о разлуке
из сердца вырвет моего,
по воздуху развевет.

Но нет тебя, и я стою
под солнцем раскаленным
и одинокий этот мир
оглядываю зорко.
Быть может, я тебя найду
за лесом отдаленным?
Быть может, я тебя найду
за дальним горизонтом?

МОИ ПЕСНИ

Песни — искалеченные птицы —
опускаются к твоим ногам.
Не подняться им, не распрямиться —
изломал им крылья ураган.

Подними же их, они — твои,
запертое сердце отвори.

Как они парили над тобою!
Огненными крыльями звеня,
уносили в небо голубое
музыку проснувшегося дня.

Ты их слушала, смотрела вслед.
Как же ты забыла наш рассвет?

А теперь, покинув поднебесье,
смертную испытывая дрожь,
на земле зачахли мои песни...
Неужели ты их не спасешь?

Возврати мне глаз твоих лучи,
сломанные крылья залечи.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Ты чья, закутанная в сари,
одна, как первая звезда?
Полночный луч светло-зеленый
с тебя стекает, как вода.

Ты чья? Глаза твои ночные
другой напоминают взгляд,
и ты дрожишь, как та, другая,
когда шаги мои звучат.

Ты чья, закутанная в сари,
кого ты ждешь, кого зовешь?
Ты дышишь воздухом разлуки,
ты ожиданием живешь.

Но сквозь опущенные веки
надеждой светятся глаза,
а на заре ты исчезаешь
неуловимо, как роса.

Как черный дым, проходят ночи,
как облака — пустые дни.
Печаль — как дерево над нами,
и мы живем в его тени.

Но в одиночестве бессонном
ты каждый вечер, как всегда,
ничья, закутанная в сари,
горишь, вечерняя звезда.

Я ВСЕ ЕЩЕ ЛЮБЛЮ

Я все еще тебя люблю,
хоть ты со мной разлучена
и между нами океан —
глухая синяя стена.
Ты — пальма, свежести полна,
с другого берега манишь,
а я — сухой, корявый ствол,
чьи корни трогает волна.

Я чахну здесь, на берегу,
лишенный радости земной.
Не дотянуться, не шагнуть
туда, где ты — моя весна,
и тень прохладная твоя
не распахнется надо мной,
и музыка твоих ветвей
не долетает, не слышна.

Мы — близнецы, но в час, когда
мы родились на белый свет,
нас разлучили навсегда,
и свидеться — надежды нет.
Уходят волны — путь далек,
они торопятся к тебе
и разбиваются у ног
в привычной муке и мольбе.

К тебе несут они песок
и размывают берег мой —
земля уходит из-под ног,
дрожит, окутанная тьмой.
Люблю, горюю вдалеке,
к тебе добраться не могу,
слагаю горькие стихи
на опустевшем берегу.

Любимая, цветок лесной,
светловолосая краса,
когда на родине своей
ты слышишь птичьего голоса,

когда сквозь моросящий дождь
ты еле слышишь трели птиц,
и сердце горечи полно,
и слезы падают с ресниц,
ты вспоминаешь ли рассвет,
и блеск полуденной реки,
и встречу первую — часы,
что были слишком коротки,
и небосвод без облаков?

Ты вспоминаешь ли меня,
и пенье наших южных птиц,
и краски огненного дня?
Я все еще тебя люблю
хоть ты со мной разлучена.
Недосыгаем чуждый край —
твоя холодная страна.
Замри, прислушайся на миг:
издалека тебя зову
во тьме ночной, при свете дня,
в тревожном сне и наяву.

Ты слышишь, чуткая моя,
сквозь тишину ночных часов
невнятный голос в темноте,
неуловимый дальний зов?
Опять слагаются стихи,
опять душа моя жива.
Проснулись, вырвались на свет
новорожденные слова.

Текут недели без тебя —
сквозь пальцы сыплется песок.
Лежу один — меня ножом
тоска ударила в висок.
Молчит незапертая дверь,
дрожит оплывшая свеча...
Разлуки тягостная ночь —
нет ни просвета, ни луча,—
лишь ревность — ненасытный гриф —
парит кругами надо мной.
Земля уходит из-под ног,
дрожит, окутанная тьмой.

И только верные стихи
меня спасают в этот час.
И есть надежда — будет день,
заря поднимется, лучась.

Бессмысленно бегут часы,
впустую пролетает жизнь.
Дай мне воскреснуть и прозреть,
великодушная, вернись.
Вернись — умолкли соловьи,
вернись — рыдают облака.
Кувшинки желтые несет
седая, хмурая река.

Что этот горький мир без нас,
без двух сомкнувшихся сердец?
Он — перевернутый челнок,
я — незадачливый пловец.
Кто я? Кладбищенская тень,
брожу, качаясь и скорбя.
Бессмысленно влачится жизнь —
она проходит без тебя.

Как ночи медленно плывут,
однообразно льются дни!
Бог времени, поторопись
и мне любимую верни.

Ревет прибой, свистит муссон,
с деревьев сыплется листва.
Сквозь гул разгневанных стихий
летят, летят мои слова:
— Неумолимый ливень дней
не в силах погасить огня,
что в грудь мою давно проник
и неотступно жжет меня.
Тобой я болен навсегда,
нельзя больного излечить!
Пусть между нами океан —
нельзя два сердца разлучить!

Я верю: ты еще придешь,
не смыта память обо мне.

Ты различаешь голос мой
в ночной невыносимой мгле.
Иду навстречу, тороплюсь,
спешу по тысячам дорог,
и будет день, и будет час,
и подойдет заветный срок,
и будет солнечная пыль,
и блеск полуденной реки,
и небосвод без облаков,
и теплота твоей руки,
и будут песни наших птиц,
и краски огненного дня...

Ты только помни и зови,
ты только не забудь меня.

ЗАКЛЯТИЕ

Я уйду навсегда,
я скажу напоследок: «Прости».
Я уйду, но покоя
тебе никогда не найти.
Я уйду, ибо выпито сердце
до самого дна.
Я уйду, но останешься ты
со слезами одна.

Обо мне ты ревниво
вечернюю спросишь звезду,
но она промолчит,
не откроет, куда я уйду.
Ты заплачешь,
забьешься в рыданиях, еле дыша,
и расплавится сердце твое,
и оттает душа,
и, не видя дороги,
ты кинешься в горестный путь
вслед за мной, без надежды
меня отыскать и вернуть.

Я уйду в эту ночь.
Ты проснешься на ранней заре,
и тебе померещится,
будто я рядом с тобой.
Но вокруг только сумрак,
подобный остывшей золе,
и тогда твое сердце
пронижет внезапная боль.

Ты меня позовешь —
ни единого звука в ответ.
Ни обнять, ни коснуться ладонью,
ни глянуть вослед.
И глаза ты закроешь,
и станешь молить в тишине,
чтобы я появился,
вернулся хотя бы во сне,
и протянешь ты руки,
и воздух обнимешь ночной,
и тогда ты поймешь,
что навеки рассталась со мной.
И поднимется солнце,
и день пролетит без меня,
и наступит закат,
и опустится ночь над землей,
и тогда над твоей
одинокой постелью, звеня,
пролетит позабытая песня,
что сложена мной,
и умчится она,
и опять зазвучит в тишине,
в холодное сердце твое
запылает огнем,
и слезами глаза изойдут,
позабудут о сне,
и у самого горла,
дрожа, остановится ком.
Будет горькая память,
как сторож, стоять у дверей,
и раскаянье камнем
повиснет на шее твоей.

Будет осень. Под вечер
друзья соберутся твои.
Кто-то будет тебя
обнимать, говорить о любви.
Будешь ты равнодушна к нему,
безразлична к нему,
ибо я в это время
незримо тебя обниму.
Бесполезно тебя
новизной соблазнять и манить.
Даже если захочешь —
не в силах ты мне изменить.

И наступит зима,
и, песчаные вихри клубя,
набежит ураган,
и окрестность потонет во мгле.
Но иная, неслышная буря
охватит тебя:
ожиданье, отчаянье,
боль — и тоска обо мне.

И весна прилетит,
обновит и разбудит весь мир.
Зацветут маргаритки,
раскроется белый жасмин,
ароматом хмельным и густым
переполнятся сны,
только горечь разлуки
отравит напиток весны.

Задрожат твои пальцы,
плетущие белый венок,
и в слезах ты припомнишь
того, кто сегодня далек,
кто исчез и растаял,
как след на сыпучем песке,
кто тебе завещал —
оставаться в слезах и тоске,
в одиночестве биться,
дрожа, как ночная трава.
Вот заклятье мое!
И да сбудутся эти слова!

МОЯ ЛОДКА

Я в лодку пассажиров не беру.
Один встречаю горькую беду.
Плыву по разгулявшейся реке
один в своем дырявом челноке.
Напрасно измеряю глубину —
в водовороты попадаю снова.
Не дотяну до берега другого,
иссякнут силы — и пойду ко дну.

Когда река текла неторопливо,
тебя я видел в зеркале воды.
Была ты ярче утренней звезды,
и молода, и хороша на диво.
Но дунул ветер — зеркало распалось,
исчезло отражение без следа.
Сгорела предраассветная звезда,
и только одиночество осталось.

Как мне доплыть до берега другого?
Что обрету на новом берегу?
О том, что было, не скажу ни слова,
свои невзгоды в тайне сберегу.
Идет зима — пересыхают реки,
а летом разливаются опять.
Вернется все — тебя не удержать,
не возратить, не отыскать вовеки.

Один, в тумане, в огненном бреду,
переживаю тайную беду.
Плыву по разгулявшейся реке
один в своем дырявом челноке.
Напрасно измеряю глубину —
в водовороты попадаю снова.
Не дотяну до берега другого,
иссякнут силы — и пойду ко дну.

* * *

Сердце мое мертвеет,
 песни мои унылы.
Изнемогаю, гибну,
 мучусь, теряю силы.
Был я исполнен жизни,
 стал я бесплотной тенью.
Горестная отрава
 мне обжигает жилы.
Сад мой иссох от зноя,
 розы мои завяли.
До половодья в марте
 я доживу едва ли.
Под равнодушным небом
 я возносил молитвы —
тщетно сухие губы
 бога на помощь звали.

* * *

До утра не умолкая,
 соловей поет незримый.
Неужели загляделся
 на красу моей любимой?
У нее глаза хмельные,
 смотрят мягко и лукаво —
безучастие и нежность,
 наслажденье и отрава.
Вскинет брови, улыбнется —
 и рассеялись печали;
оживаю, словно поле
 под весенними лучами.
Отвернется, помрачнеет —
 и настала непогода;
солнце прячется за тучу,
 исчезает с небосвода.
У меня в глазах темнеет —
 невозможно жить без милой.
Без нее — весна поблекла,
 без нее — душа изныла.
Без нее теряю разум,
 одинокий, нелюбимый...
Соловей, тверди об этом
 до утра моей любимой!

* * *

Рождается рассвет, безрадостен и горек.
Я снова одинокий, я снова пойман горем.
Любимая ушла, растаяла росой,
исчезла на заре, как облако над морем,
как птица унеслась, рассеялась туманом,
бесследно уплыла дымком благоуханным.
Вернешься ли? Придешь? Обнимешь, как всегда?
Любимым назовешь, единственным, желанным?
Молчу, оцепенев от боли и печали.
Давно твои шаги затихли, отзвучали...
Когда-нибудь и ты научишься любить,
и ждать, и тосковать бессонными ночами!

* * *

Сердце знает, почему
по весне оно так бьется.
Речка знает, почему
океан ее дождетсЯ.
Месяц знает, почему
ночью плачет куропатка.
Ливень знает, почему
ворожит кукушка сладко.
Знает поздняя роса,
почему былинка вянет.
Знает роза, почему
соловья шипами ранит.
Знают очи, почему
слезы катятся печально.
Я не знаю ничего
горше нашего прощанья.

* * *

Тинга-линга, тинга-линга...
Ты идешь при лунном свете
вдоль реки по дну ущелья,
где пески и валуны,
и вызванивает мерно
на твоём ножном браслете
бубенец — осколок малый,
отлетевший от луны.

Тинга-линга, тинга-линга...
Ты идешь походкой гордой.
Вдоль реки по дну ущелья
босиком идешь одна,
и похрустывает гравий
по ночной дороге горной,
и, откинув покрывало,
улыбается луна.

Тинга-линга... Бьют копыта.
Голубая пыль клубится —
мчатся всадники ночные,
исчезая вдалеке.
Только катится по небу
молчаливая зарница.
Только вмятины и тени
остаются на песке.

Тинга-линга, тинга-линга...
Только полночь, только ветер...
Только гравий под ногами.
Только сердце, как струна.
Вдоль реки по дну ущелья
ты идешь при лунном свете —
только звезды и дорога,
только горы и луна...

* * *

Плакать не время, а время прощаться.
Тихо скажи, улыбаясь: «Прощай!»
Ни возвращенья, ни прежнего счастья
ты мне из жалости не обещай.

Разве помогут призывные речи,
если душа не ответит на зов?
Наше прощанье надежнее встречи.
Наше молчанье правдивее слов.

Жалобной музыкой, песней тоскливой
не провожай. На пороге не стой.
Скоро ты заново станешь счастливой.
Стоит ли плакать, прощаясь со мной?

ОДИНОКИЙ ОСТРОВ

Зачем же ты построил дом
один, вдали от всех,
на дальнем острове пустом,
один, вдали от всех,
среди сыпучего песка,
среди печальных вод,
где только горькая тоска
вдвоем с тобой живет?

По небу молнии летят,
мрачнеют облака,
и гром, как разъяренный слон,
трубит издалика,
и падает, как слезы, дождь
на голову твою,
и горестно глотаешь ты
холодную струю.

Покинь свой дом и уходи
скорей, товарищ мой,
пока надежда впереди.
скорей, товарищ мой,
оставь свой одинокий дом
и остров позабудь.
Сквозь ливень, молнии и гром
спеши в далекий путь.

Тяжелый якорь подними
и выкинь старый хлам,
поставь свой парус — и вперед,
в дорогу по волнам,
и посмотри в последний раз
на опустелый дом,
и слушай, как шумит волна,
рокочет за бортом.

Не ожидал ты перемен
в безмолвии, в тиши,
вдали от бури и тревог
берёг покой души.

Ты строил безмятежный дом,
где нежен мягкий свет.
Но буря в сердце ворвалась,
и отступленья нет.

Покинь свой дом и уходи,
не для тебя покой,
и тишина не для тебя,
и этот дом — не твой.
Тебе ли жить на островке
среди маленьких забот,
когда в дорогу океан
торопит и зовет?

Покинь свой дом и уходи,
сомнения оставь,
и ни о чем не сожалей,
и прямо в море правь.
Ты оставляешь позади
тоску и суету,
а все, чем нужно дорожить,—
с тобою на борту.

Плыви, смелее становись
к штурвалу корабля.
Плыви, маячит впереди
желанная земля,
где братья ждут тебя давно
на берегу крутом,
где будет выстроен для всех
просторный новый дом!

ПРОСНИСЬ, МОЙ СЫН

Проснись скорее, милый, открой глаза, мой сын.
Уже стучится в двери раскрывшийся жасмин.
Ночные тени гаснут, слабеют духи зла.
В малиновой сорочке рождается заря.

Лучи струятся с неба серебряной рекой.
Полночные светила уходят на покой.
За окнами смеются дневные голоса.
Проснись скорее, милый, скорей открой глаза!

Проснись — увидишь сказку взаправду, наяву.
Гирлянда птиц шумливых украсила листву,
В голубизне бесследно исчезли облака.
Распахнутое небо прозрачней родника.

Последний сон растаял — раскрой глаза свои.
Не ведая покоя, смеются соловьи.
Цветы, благоухая, толпятся у дверей,
Тебя зовут, мой мальчик, открой глаза скорей.

Вставай! Уже под солнцем рассеялась роса,
Плывут по океану большие паруса.
Вставай, и ты увидишь, как медленно вдали,
Почти у горизонта проходят корабли.

Вставай скорее, смуглый, румяный мой малыш.
Пусть никто не скажет, что ты так долго спишь.
Вставай! Проснулись джунгли, воркуя и трубя.
Вставай! Хочет солнце, приветствуя тебя.

Твои — земля, и небо, и океана гладь.
Давно пора проснуться, давно пора играть!
Веселые затеи толпятся за дверьми.
Открой глаза скорее, ресницы подними.

В малиновой сорочке рождается заря.
Лучи тебя коснулись, лаская и зовя.
К тебе стучится в двери раскрывшийся жасмин.
Вставай скорее, милый, открой глаза, мой сын!

ЧЕЛОВЕК

Я песню равенства пою
 всем людям на моей земле.
Пусть Человеку гордый гимн
 звучит торжественно во мгле.
Я Человека воспою,
 прославлю радостно его.
Для нас, поэтов, Человек —
 единственное божество.

Вот праздник пуджи наступил,
 десятидневный праздник твой:
Во имя Дурги шире дверь!
 Ее для путника открой.
Тебе приснилось, будто ты
 открыл для угощения дом —
любого кормишь и поишь
 и не трясешься над добром.
И нищий странник подошел
 к твоим распахнутым дверям,
чтоб рассказать тебе о том,
 как перед ним закрыли храм.
Он голодал семь долгих дней —
 бог отвернулся от него.
Сгорая от голодных мук,
 он видел сытых торжество.

Ты слышишь, странник говорит:
 «Я голодал семь долгих дней,
а этот праздник не для нас,
 он для богов, не для людей.
В мечети мясо есть и хлеб —
 даянья щедрых мусульман.
Наелся досыта мулла
 и гладит пальцами Коран.
А я, голодный, подошел
 и стал у храма, у дверей.
— Аллах, спаси меня,— зову,—
 я голодал семь долгих дней!
Мулла от гнева пожелтел:
 — Ты голоден, что за беда!
Зачем ты здесь? И что важней —
 богослуженье иль еда?»

Ступай отсюда, негодяй,
 таким, как ты, не верит бог! —
И дверь мечети он закрыл
 и на нее надел замок.
Ушел голодный человек,
 ушел, молитвы не творя.

Ушел голодный человек,
с самим собою говоря:
— Я прожил восемьдесят лет
среди отчаянья и зла.
Меня от голода и мук
ни разу вера не спасла.
В мечетях, пагодах, церквах
для человека места нет.
На всех дверях висит замок,
на всех устах лежит запрет».

Приди на помощь, отзовись,
поторопись, Махмуд Газни,
Разрушь засовы, сбей замки
и шире двери распахни!
Тяжелый молот подними,
ударь с размаху по замкам,
сорви их с петель, изломай,
разбей на мелкие куски.
Запоры дерзко сокруши,
чтоб распахнулись двери в храм
под яростным напором плеч,
под тяжестью твоей руки.

Я ненавижу хитрецов,
что с крыш молитвенных домов
бесстыдно хвалят богачей
и умиленно ждут даров.
Я ненавижу простачков,
что, осаждая каждый храм,
вылизывают языком
Писанье, Веды и Коран.
Я Веды, Библию, Коран
хотел бы отобрать у них,
чтоб в нашем мире никогда
не оскверняли этих книг,
чтоб не морочили людей
обманщики из века в век,
чтоб не был пеленою лжи
окутан бедный человек.

Пророки: Будда, Моисей,
Давид, Христос и Мухаммед —
вот достоянье всей земли,
их почитает целый свет.
Они нам деды и отцы,
они — основа наших сил,
их небожественная кровь
горит во мраке наших жил.
Мы их наследники во всем,
мы им подобны и равны.
Кто знает, может, кто-нибудь
из нас такой же, как они.
Пойми, не ведает границ
мое единственное Я.
А вдруг величье обретет
душа извечная моя?
А вдруг я перевоплощусь
в пророка или в божество?
Кто на земле предскажет путь
преображенья моего?
Кого ты ненавидишь, брат,
кого ты топчешь, как змею?
Кто знает вечный мой удел.
судьбу грядущую мою?
Быть может, в сердце у меня
откроется бесценный дар,
а может, я уйду в ничто,
измучен, немощен и стар.
Но даже, нищий и немой,
во мраке горестей своих,
я выше храмов, и церквей,
и пагод, и священных книг.
А может, в хижине моей
родится в заповедный час
тот, кто историю земли
украшит и преобразит,
и речь, которую весь мир
услышит, радостно дивясь,
из нищей хижины моей
на всю планету прозвучит.
Кто он? Чандал, сын бедняка,
дитя бездомной нищеты.

Он — правдолюбец и пророк.
Чему же удивился ты?

Ему подобных ты презрел:
голь, водоносы, пастухи.
А завтра ты начнешь о них
слагать хвалебные стихи.
Последний нищий на земле
подобен благостным богам —
в простой одежде бедняка
могучий бог приходит к нам.
В простой одежде пастуха
нисходит в мир бессмертный бог.
В обычном пахаре живет
несущий истину пророк.

Уходит нищий от дверей,
услышав яростную брань.
Уходит нищий. Догони,
назад верни его скорей.
Молись, ты бога оскорбил,
рыдай, ты бога обобрал.
Ты бога доброго прогнал
навек от собственных дверей.

Но продолжается времен
неумолимо вечный бег.
Ведет обидам долгий счет
простой и бедный человек.
А вы, корыстные сердца,
где злоба плещется рекой,
обиды людям нанося,
вы обретаєте покой,
слезами нищих, бедняков
хотите жажду утолить,
и миг расплаты отвести,
и час возмездья отдалить?

Но вас от кары не спасет
броня накопленных богатств,
и человек вас не простит,
и бог прощения не даст.

И не искупите вы грех,
дрожа в униженной мольбе,—
вы в человеке не смогли
увидеть равного себе.

ПЕСНЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА

Мы просыпаемся еще до света,
чтоб распахать скупую землю эту.
Разбрасываем в поле семена,
не ведая ни отдыха, ни сна.

Нам щедрый ливень посылает небо
не ради разрушенья, ради хлеба.
Мы добываем доброе зерно —
для нас дороже золота оно.

Мы спину гнем под солнцем раскаленным.
Мы потом обливаемся соленым.
Не ведая ни отдыха, ни сна,
работаем под солнцем дотемна.

А вечером придет жена и с мужем
разделит чашку риса — скудный ужин.
И станет рядом с ним — в руке рука —
следить рожденье первого ростка.

Ростки взойдут, они воды напьются,
поднимутся и соками нальются.
Они живое золото несут.
Они тебя от голода спасут.

Колосья встанут, поле украшая.
Наступит скоро праздник урожая.
И в закрома посыплется зерно,
и будет сердце радости полно.

ЖЕНЩИНА

Я песню равенства пою
для вас — для мужа и жены.
Две половинки бытия —
вы неразрывны и равны.

Неравенства меж вами нет,—
одной вы связаны судьбой.
Все общее — удача, труд,
грехи, печаль, рыданья, боль.

Кто, женщина, тебя назвал
геенной, адовым огнем?
У первородного греха
в плену не только ты одна.
Совместно совершен тот грех.
И одинаковая в нем
вина и женщин и мужчин —
коль в самом деле есть вина.

Ты, женщина, дала плодам,
что украшают каждый сад,
их сладость, и душистый сок,
и зрелый цвет, и аромат.
Взгляни на белый Гадж-Махал,
на безупречный этот храм.
Во имя ласковой Мумтаз
его построил Шах-Джахан.
Богиня Лакшми — это ты,
богиня света и весны,
богиня песен и цветов,
и нежности, и тишины.

Мужчина — день. Палящий зной
дневных лучей — его рука.
Ты, женщина, — ночная тень,
роса, прохлада и река.
День — это сила и порыв,
а ночь — покой и тишина.
Мужчина жаждет. Напой
его собою допьяна.

Мужчина в поле плуг ведет. Он пахарь.
Так заведено.
А женщина — таков закон —
бросает в борозду зерно.
Мужчиной вспахана земля,
а женщина ей даст воды,
и жизнь проснется и взойдет,
и будут щедрые плоды.

О женщина! Твоя любовь,
дыханье губ, свеченье глаз
дороже золота царей,
милей, чем жемчуг и алмаз.
О женщина! Слова разлук
и встреч с тобой живут во мне —
из слов рождаются стихи,
из звуков песни родились.
Ты — исцеляющий нектар.
Я — жажда, я горю в огне.
Нектар и жажда навсегда
в дитя единое слились.

Величье подвигов, побед
и гордо реющих знамен
добыто горем матерей,
самопожертвованьем жен.
О войнах, что ведут мужья,
всегда шумит разлив молвы,
а где узнаешь, сколько жен
синдур смывают с головы?
А сколько горьких матерей,
которым утешенья нет?
О них так мало говорят
у нас на праздниках побед!
Но если поднят честный меч
у всей Вселенной на виду,
победоносной Лакшми дух
в него вселяет правоту.
Пусть раджа — гордый властелин,
но рани властвует над ним,
смывая тысячи обид
прикосновением одним.
Муж бессердечен. Чтоб вдохнуть
дух человечности в него,
жена отдать ему спешит
всю кровь из сердца своего.

Мужья пируют каждый год
по дням рождения детей —
тех зерен, что роняем мы
из сладкой прихоти своей.

А жены обрекли себя
на изнуряющую боль
и сыновей рожают нам,
с улыбкой жертвуя собой.

Великий Рама стал отцом:
двух братьев Сита родила.
Она вложила душу в них,
она им сердце отдала.
А чем мужчина отплатил?
Ревнив, и мстителен, и хмур,
он запер женщину в тюрьме,
навек упрятал в онтохпур.

Она лишь жертва. Он — палач.
Она — отвага, он — позор,
сын, что над матерью своей
занес безжалостный топор.
Когда жену сгибает гнет,
идет печаль по всей земле.
Ведь если женщина раба,
мужчина тоже в кабале.
Да, устарел проклятый век,
где муж — единый властелин,
где женщина всегда в ярме —
от колыбели до седин.
Век равноправья наступил,
надежды мира воплотив.
«Освободите жен от мук!» —
повсюду слышится призыв.
«Освободите жен от мук!
Не дайте вянуть им во тьме!
Для них создали вы тюрьму —
вы сами сгинете в тюрьме!»

Законы века таковы,
законы всемогущих сил:
другому причиняя боль,
себе ты муку причинил;
других заставил ты рыдать,
не оградишь себя от слез;
другому рану нанеся,
ты только вред себе нанес!

Жена в оковах и цепях
серебряных и золотых!
Кто сделал пленницей тебя
во имя прихотей пустых?
Боишься ты его назвать,
извечной робости полна,
но скоро для тебя придет
свободы юная весна,
и выйдешь гордо ты на свет,
подобно солнцу поутру,
сорвав браслеты с рук и ног,
сорвав постылую чадру.

Разбей оковы! Не щади
ни золота, ни серебра!
Завеса страха и тоски,
исчезни, грязная чадра!
Все украшения выбрось прочь —
эмблемы рабства своего.
Перед тобою целый мир,
и ты — любимица его!

Не возвращайся в эту тьму,
в пещеры, в душные леса,
где смерть вонзит тебе в лицо
свои бессонные глаза,
где снова цепи на руках —
попробуй, вышвырни их прочь! —
где небо в тучах — саван твой,
а панихиду правит ночь.

О мать! Забресжил первый свет.
Из подземелья выходи.
Под звон разорванных цепей
для новоселья выходи.
На пир веселья выходи,
распорядись своей судьбой.
Собак насилья придави
освобожденною стопой.
Мужчину, что тебе дарил
лишь вожделения свои,
всегда поила медом ты...
Лекарством горьким напои.

Наступит день, великий день —
и в мире, и в моей стране —
и слава женщин прогремит
с мужскою славой наравне.

ГРЕХ

Я песню равенства пою
без исключения для всех.
Мне каждый грешник — друг и брат,
любая грешница — сестра.
Скажи, где смертного найду,
которому неведом грех?
Ведь даже праведных богов
пьянит любовная игра.

От их игры трясется твердь,
кометы замедляют бег.
Дорогой божьего греха
на небо всходит человек.
Еще с адамовых времен
весь род людской, планета вся
грешит — и искупает грех,
святыням жертвы принося.
Мир — совмещенье двух начал.
Он добродетель. Он порок.
Наполовину — адский дух,
наполовину — светлый бог.

Фанатик веры, слушай нас,
молитвы лживой не твори.
Не торопись считать грехи
чужие, прежде чем свои.
Ты говоришь: краса земли
скрывает скверну и обман.
Ты говоришь: порок и тлен —
цветы живые наших стран.
Ты говоришь мне: «Отрекись
от наслажденья и утех,
душа принадлежит богам,
а телом управляет грех».

Оставь никчемные слова,
забудь бессмысленную ложь.
Грешат — не каются — все те,
кого богами ты зовешь.
Где Брахма, Вишну, Шива? Где
любой над нами властный бог?
Земная радость их влечет,
земные грешные дела.
Где их поклонники — любой
мудрец, отшельник или йог?
Молитвам души отдают,
а наслаждениям — тела.

Грех — это пир живых страстей,
он необуздан и высок.
А вера — на спине осла
дырявый и пустой мешок.
Мы грешники. Мы все равны.
Мы сыновья одной семьи.
Не торопись считать грехи
чужие прежде, чем свои.
И каяться не торопись.
В грудь кулаком себя не бей.
И хвастаться не торопись
святой безгрешностью своей.

Присядь, приятель, не спеши
и притчу выслушай мою.
Однажды ангелы небес
сошлись, беседуя, в раю.
«Зачем господь, забыв о нас,
от века преданных ему,
любовь и милость отдает
людскому роду одному?
Погрязшему в земной пыли,
в пучине мелочных забот
людскому племени господь
любовь и милость отдает!»

Так обсуждал небесный клир
пристрастия бога своего.
А всемогущий слышал все,
смотрел с порога своего.

Он, улыбнувшись, отвечал:
«Людское племя — прах земной,
бесцветной пыли сыновья,
смешные, слабые душой,
но там у них, у смертных, — жизнь,
простая радость бытия.
Им, слабым, отдана за то
вся милость и любовь моя.
Там и надежда, и печаль,
и сострадание, и гнев,
там поцелуи губы жгут,
там слезы падают с ресниц,
там из цветов плетут венки,
там пояса на бедрах дев
колышет огненная страсть,
не признающая границ.
Взгляни на них — мерцанье глаз,
цветов предутренняя дрожь.
Бессмертный, позавидуй им!
На них посмотришь — и умрешь».

Сказали ангелы в ответ:
«Ну что ж, увидим без прикрас,
какие там цветут цветы,
чем этот мир дороже нас».
Господь ответил: «Двум из вас —
они благочестивей всех —
я разрешаю в мир сойти,
чтоб все увидеть без помех».
И вот избранники небес —
два лучших ангела — сошли
сюда, на землю, чтоб узнать
всю цену радостям земли.

Прохладной свежестью ветров
земля одела их тела,
благоуханием цветов
заколдовала, завлекла.
И песней солнечного дня
земля заморозила их,
и ароматов западня
туманом окружила их.

Кувшины наполняет смех,
журчит веселая вода,
и флейта плачет на лугу,
зовет неведомо куда,
и лучшие сыны небес
готовы слушать без конца
простую флейту — зов земли,
пьянящий души и сердца.

Взгляни и страстью запыхай,
посланец неба молодой!
Несет красавица Зухра
кувшин, наполненный водой.
Нет, это не вода — нектар,
кровь золотая, виноград.
В его потоке утопи
горящий призраками ад.
В его потоке утопи
преграды сердцу своему,
пей вдоволь грешный сок земли,
рассей запреты, словно тьму.

Господь с улыбкой говорит:
«Взгляните: чудо из чудес!
Вот что ты сделала, земля,
с двумя посланцами небес!
Земной красавицы лицо
затмило им предвечный свет.
Им за него не жаль отдать
блаженство миллионов лет.
Прекрасный, грешный, бренный мир —
красуйся, радуйся, живи!
Единственный хозяин твой —
бог Камадэва, бог любви!»

СЛОВАРЬ

- Аль-бахáр — ароматное растение.
Амарáнт — цветок пурпурного цвета.
Ангúр — виноград по-персидски, эйнаб — по-арабски, узúм — по-туркски, стафíль — по-гречески.
Аргавáн — дерево с листьями розового и красного цвета.
Арджуна — дерево с белыми цветами.
Ахримáн — бог зла в древнеиранской мифологии.
Аят — стих Корана.
- Ба́кула — кустарник, цветы которого, по поверью, раскрываются, если их сбрызнуть вином изо рта.
Бандхиджйва — дерево, цветущее красными цветами.
Барба́т — струнный музыкальный инструмент.
Баухи́ния — дерево средних размеров с длинными листьями и пурпурными или розовыми цветами.
Бейт — двестише.
Букка́ра — детская игра.
- Ви́на — индийский струнный музыкальный инструмент.
- Га́нга — река Ганг. В языках Индии Ганг женского рода.
- Де́рвиш — нищий, странствующий суфий, последователь мистического учения в исламе.
Джа́така — небольшое растение с ароматными цветами.
Джухá — простак, не лишенный наблюдательности и остроумия, персонаж многих восточных сказок.
Дирхе́м — мера веса и название монеты.
Дуга́р — музыкальный инструмент.
- Зека́т — мусульманская подать в пользу нуждающихся.
Зинджи — название чернокожих африканцев у арабов.
Зунáр — пояс, который носили иноверцы в странах ислама.
- Йездáну — бог, создатель Вселенной.
- Кабá — верхняя одежда.
Кадáмба — дерево, цветущее гроздьями небольших желтых цветов.
Кала́м — тростниковая палочка, которая в средние века на Востоке служила пером.
Камча́ — плеть.
Карна́й — духовой музыкальный инструмент; труба.

Карникáра — род дерева с яркими, но лишенными запаха цветами; индийский ракитник.
Касы́да — вид лирического стихотворения; ода.
Ка́ша — род травы.
Кéтака — небольшое дерево с длинными листьями и пахучими цветами, которые девушки вплетают в волосы.
Кóкил — индийскэя кукушка.
Кутáджа — род горного жасмина.
Кы́бла — направление в сторону Мекки, куда мусульмане обращали лицо во время молитвы.

Лал — рубин.

Лóдхра — дерево с алыми цветами, которые появляются раньше листвы.

Макáнда — разновидность дерева манго.

Ма́ндара — коралловое дерево с ярко-красными цветами.

Ма́нтры — магические формулы, заклинания.

Медресé — мусульманская религиозная школа.

Михра́б — сводчатая ниша в мечети, указывающая направление к Мекке.

Мурй́д — ученик и послушник муршида.

Муршй́д — наставник и глава суфиев.

Мутакáриб — один из стихотворных размеров арабской поэзии.

Мутрй́б — музыкант и певец.

Мухтасй́б — мусульманский блюститель нравственности.

Мушк (мускус) — благовонное вещество.

Най — тростниковая свирель.

Нама́з — мусульманская молитва, которой должно предшествовать ритуальное омовение.

На́рды — распространенная на Востоке настольная игра.

Огу́зы — кочевые тюркские племена.

Она́гр — дикий осел.

Онтохпур — женская половина дома.

Раджа́б — седьмой месяц мусульманского лунного календаря.

Рейха́н — базилик, ароматное растение.

Ризва́н — в исламской мифологии: страж у ворот рая.

Ринд — вольнодумец, противостоящий официальным догмам ислама.

Рокнаба́д — река в окрестностях Шираза.

Руба́б — струнный музыкальный инструмент.

Саз — струнный щипковый инструмент.

Сафлóр — растение, из которого получают красную краску.

Симу́рг — мифическая птица, которая живет на краю земли и которую никто не видит.

Синду́р — полоска краски на проборе замужней женщины. Вдовы обязательно смывают синдур.

Тава́ф — обряд хождения вокруг священного камня Каабы в Мекке.

Тарика́т — суфийский принцип нравственного совершенствования.
Тума́н — колючее растение.

Факи́х — правовед.

Фа́тва — решение, вынесенное крупным богословом-муфтием.

Фи́ял — сосуд для вина, пиала.

Хадисы́ — рассказы о поступках и изречениях пророка Мухаммеда, основателя ислама.

Хакан́ — правитель феодального государства.

Хараба́т — городские грущобы, где в средневековых мусульманских городах торговали вином.

Хариджиты́ — мусульманская секта, возникшая в ранний период ислама.

Хум — большой кувшин для вина.

Хырка́ — плащ суфийского аскета.

Ча́йтра — месяц индийского календаря (март — апрель), начало весны.

Ча́ква — разновидность индийской утки.

Чако́р — самец куропатки.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

Ча́ндалы — члены низших каст.

Ча́така — индийская кукушка.

Чоуга́н — клюшка для игры в конное поло.

Ша́ли — сорт риса.

Ша́пхари — порода мелких рыб.

Ша́стры — священные книги, ученые сочинения на различные темы.

Шепта́лика — разновидность жасмина.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Курганцев. Лирики Востока 5

ИЗ АРАБСКОЙ ПОЭЗИИ

Омар ибн Аби Рабиа	15
<i>Лирика. 1—23. Перевод Сергея Шервинского; 24—30. Перевод Михаила Курганцева.</i>	
Абу Нувас	33
<i>Лирика. 1—7. Перевод Михаила Курганцева; 8—16. Перевод Сергея Шервинского.</i>	
Абу-ль-Атахия	45
<i>Стихи. Перевод Михаила Курганцева.</i>	
Абу-т Тайиб аль-Мутанабби	67
<i>Стихи. Перевод Сергея Северцева.</i>	
Абу-ль-Ала аль-Маарри	94
<i>Стихи. Перевод Арсения Тарковского.</i>	

ИЗ ПЕРСИДСКОЙ ПОЭЗИИ

Рудаки	125
<i>Стихи. Перевод Вильгельма Левика.</i>	
Омар Хайям	133
<i>Рубайат. Перевод Германа Плисецкого.</i>	
Руми	183
<i>Притчи. Перевод Владимира Державина.</i>	
Саади	219
<i>Газели и четверостишия. Перевод Владимира Державина.</i>	
Хафиз	242
<i>Газели. 1—6. Перевод Ильи Сельвинского; 7—8. Перевод Константина Липскерова; 9—15. Перевод Владимира Державина; 16—22. Перевод Александра Кочеткова;</i>	

23—26. Перевод Германа Плисецкого; 27—71. Перевод
Михаила Курганцева.

Джами	288
Газели. 1—8. Перевод Веры Звягинцевой; 9—13. Перевод Наума Гребнева; 14—28. Перевод Владимира Державина; 29. Перевод Татьяны Стрешневой.	

ИЗ ИНДИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Калидаса	303
Из «Времен года». Перевод Веры Потаповой.	
Бхартрихари	316
Из «Собрания трехсот строф». Перевод Веры Потаповой.	
Амир Хосров Дехлеви	330
Газели. Перевод Дмитрия Седых.	
Видьяпати Тхакур	354
Из «Песен любви». Перевод Сергея Северцева.	
Рабиндранат Тагор	389
Дыхание песни.— Старшая сестра.— Переправа.— Африка.— «Чаша та полна страданий...».— «Когда сквозь сумрак...».— У раскрытого окна.— Безлюдная долина. Переводы Анны Ахматовой; Та, которую я любил.— Последнее письмо.— Цветок.— Люди трудятся.— Вопрос.— Распахни дверь.— Драгоценная пыль земли. Переводы Бориса Пастернака; Крупницы. Перевод Алева Ибрагимова. Индия — Лакшми. Перевод Николая Тихонова; Цветок тамаринда.— Шамоли. Переводы Семена Кирсанова; Искры. Перевод Давида Самойлова; Из книги «Сад песен». Перевод Михаила Курганцева.	
Назрул Ислам	438
Стихи. Перевод Михаила Курганцева.	
С л о в а р ь	475

ЛИРИКИ ВОСТОКА

Составитель
Михаил Абрамович Курганцев

Редактор
Н. А. Галахова

Оформление художника
И. Г. Сальниковой

Художественный редактор
Е. М. Борисова

Технический редактор
Т. Б. Слизун

ИБ 1203

Сдано в набор 05.07.85. Подписано к печати 07.10.85.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Академическая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,20. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 20,03.
Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—100 000 экз.).
Заказ Ф-564. Цена 1 р. 90 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства Татарского
обкома КПСС. 420066, Казань-66, ул. Декабристов, 2.

Цена 1 р. 90 к.

